Уильям Роберт Миллер
Мартин Лютер Кинг
Жизнь, страдания и величие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга американского журналиста Уильяма Роберта Миллера рассказывает о выдающемся борце за права человека Мартине Лютере Кинге. Двенадцать лет Миллер находился рядом с Кингом — помогал ему в работе, редактировал его статьи, пристально наблюдал за ним и вел дневник, который превратился в своеобразную хронику его жизни. Эти записи, а также обширные материалы, собранные Миллером, легли в основу одной из самых полных биографий Мартина Лютера Кинга, которая теперь впервые выходит на русском языке.

- Уильям Миллер. Мартин Лютер Кинг
  - Предисловие
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.

Уильям Миллер. Мартин Лютер Кинг

Уильям Миллер
Мартин Лютер Кинг. Жизнь, страдания и величие.

Предисловие

Я попал в штат центрального аппарата Общества расового примирения (ОРП) примерно через месяц после того, как начался бойкот автобусов в Монтгомери. Шел январь 1956 года. В то время я едва ли подозревал, сколь выдающуюся роль суждено сыграть Мартину Лютеру Кингу в истории предстоявшего десятилетия, как и о том, сколь большое влияние он окажет на мою собственную карьеру. Через несколько недель после приезда в штаб-квартиру ОРП мне пришлось редактировать первую статью Мартина Кинга, написанную им для Общества. И в последующие годы, вплоть до самой гибели Мартина Кинга, я был постоянно связан с движением, символом которого он стал. Нашему непосредственному знакомству с ним предшествовала долгая переписка.

Кроме того, в течение шести лет, что я проработал в штате ОРП, мы часто общались с Пленном Смайли, с которым я оказался в ОРП примерно в одно время, а он, в свою очередь, часто контактировал с Мартином Кингом. Хотя я никоим образом не принадлежал к когорте лидеров и активистов его Движения и не оказал ни малейшего влияния на жизнь самого Кинга, мне была предоставлена прекрасная возможность наблюдать за ходом и развитием всех связанных с ним событий. Я встречался и разговаривал со многими, кто его знал. Причем я не был сторонним наблюдателем — я был и репортером, и непосредственным участником всех побед и поражений Движения. В штаб-квартиру ОРП часто заходили Фред Шаттлуорт и Ралф Эйбернети, с которыми был близко знаком Гленн Смайли. Иногда мне удавалось перекинуться с ними репликами. С другими деятелями Движения, однако, у нас было гораздо больше возможностей обсуждать различные теоретические и практические проблемы. Я говорю прежде всего о Джеймсе Лоусоне и Байярде Растине, с которыми в течение нескольких месяцев мне довелось работать в журнале «Либерейшн». В ходе этих дискуссий довольно часто упоминалось имя Мартина Кинга.

Сбор материалов для этой книги начался задолго до того, как мне впервые в голову пришла мысль о ней. Большая часть этих материалов первоначально собиралась с совершенно иной целью. С 1960 года я стал регулярно писать статьи для журнала «Ганди Мардж» — ежеквартального издания, которое выпускалось Ганди Смараком Ниди — одним из спонсоров поездки Мартина Кинга в Индию в 1959 году. Благодаря главному редактору журнала Т. К. Махадивану я стал обладателем ценной информации и

фотографий, относящихся к индийскому визиту Мартина и его супруги Коретты Кинг. Моя книга «Ненасилие» в значительной мере выросла из статей, написанных для «Ганди Марджа», явившись, в свою очередь, подготовительным материалом для биографии Мартина Кинга. Не обошлось, однако, и без дополнительных и весьма тщательных поисков. Глава о Бирмингеме, в частности, основана на материалах, которые с трудом помещаются в толстой папке. Помимо дневниковых записей, делавшихся в 1963 году по мере того, как развивались события, в ней собраны газетные и журнальные вырезки из различных источников: от «Бирмингем ньюс» и «Атланта конститьюшн» до информационных бюллетеней Верховного суда Южной Каролины и разного рода негритянских изданий, нескольких общенациональных газет и основных общественно-политических еженедельников. Черновик главы, обобщающей все эти материалы, был самым тщательным образом выверен Эндрю Дж. Янгом — одним из основных помощников Мартина Кинга, который добавил в нее целый ряд подробностей и внес поправки и уточнения. В сокращенном виде она вошла в книгу «Ненасилие». В монографию о жизни Мартина Кинга эта глава вошла в первоначальном, полном варианте. В нее, кроме того, включены новые материалы. Последующие главы не имеют ничего общего с «Ненасилием», поскольку книга уже находилась в печати, когда началась кампания в Селме.

Свое последнее письмо Мартину Лютеру Кингу я отправил, когда он находился в Мемфисе. Вместо ответа пришло сообщение о его гибели. Это стало для меня тяжелым потрясением, я испытал болезненный шок. Ведь я воспринимал Кинга почти как родственную душу. Я впервые услышал об этом убежденном христианине в 1956 году, когда мои христианские воззрения еще только вызревали. На меня весьма серьезно повлияла теология Поля Тиллиха, благодаря чему я прошел путь духовно-религиозного развития, в значительной мере близкий исканиям самого Кинга. Лично для меня самыми главными событиями 1965 года стали кампания в Селме и смерть Тиллиха. Узнав, что Мартин Кинг ранен, я не поверил в возможность его кончины. Утрата была бы слишком велика. Но час спустя он умер.

Вскоре я вернулся к своим наброскам о Кинге. Что-то побуждало меня воссоздать события его жизни. Но только много недель спустя, когда пришло время рассказать о его смерти, я испытал весь трагизм, всю необратимость его гибели. И смерть Кинга, одна мысль о которой казалась прежде столь невыносимой, вдруг обрела значение. Я вновь пережил шок, но теперь принял ее как свершившийся факт. Жизнь и судьба Кинга

вдруг обрели для меня полноту и завершенность. К этому уже нечего добавить, остается только вдумываться и по достоинству оценивать неисчерпаемое наследие, которое Кинг оставил всем нам. Я приступил к написанию заключительных глав — несмотря ни на что, жизнь продолжалась.

Я уже упоминал кое-кого из людей, которые содействовали появлению этой книги. Но это — лишь малая часть очень длинного списка. Мне помогали ветеран ОРП Джон Невин Сейр, а также Уилл Кэмпбелл, Джеймс Бивел, Чарлз Шеррод, К. Т. Вивиен, Филип и Дэниел Берригены. Большинство из них были участниками конференции 1963 года, значение которой трудно переоценить. С давних пор оказывают мне содействие Маргарет Лонг из Южного регионального совета и Лилиен Р. Блок — сотрудница Службы религиозных новостей. Из множества журналистов особо значительной была помощь М. С. Хейдена из «Детройтских новостей». Весьма существенно мне помогали священнослужители Джеймс Р. Макгроу, Стефен К. Роуз, Роберт Ньюмен, Сэмюэл С. Хилл, Уэсли Хочкис, Трумэн Б. Дугласс и другие, но особенно я хочу отметить помощь моего друга — преподобного Малколма Бойда. Священнослужители лучше большинства читателей сумеют понять причины, заставившие меня столь критически отнестись к белой церкви. Многие из них, несмотря на противодействие, которое оказывалось церковными иерархами и частью верующих, разделяли мои устремления приобщить всех американских христиан к делу борьбы за расовую справедливость.

И наконец, эта книга стала нашим общим семейным делом. Без поддержки моей жены Луизы она никогда не была бы написана. Жена помогала мне в поиске материалов, читала рукопись, давала умные и дельные советы. Ну, и, конечно, постоянно поддерживала меня морально. Она верила в меня, верила в величие Мартина Лютера Кинга и в необходимость появления этой книги. Глядя на свою жену-негритянку, ощущая неподдельную силу ее любви ко мне, я всегда до самой глубины сердца осознавал, как прекрасна черная кожа. И мне не нужно никаких иных доказательств. От черного цвета веет уверенной силой, а это основа для настоящей революции — той самой революции ценностей, за которую Мартин Лютер Кинг отдал свою жизнь. Я постоянно ощущаю любовь и заботу Луизы, и я знаю, что Мартин Лютер Кинг не зря приходил в этот мир и не зря отдал свою жизнь.

Нью-Йорк Июнь 1968 года
Уильям Роберт Миллер

Глава 1.
Как Сжималась Пружина

В самом центре Атланты, там, где Оберн-авеню, отделяясь от знаменитой Пичтри-стрит, начинает идти под уклон, расположена колыбель, в которой выросла самая влиятельная чернокожая община в истории всего афро-американского Юга. Решив пройти пешком все семнадцать кварталов Оберн-авеню, вы сможете увидеть здание издательства «Дейли уорлд», офисы Гражданской страховой компании и других процветающих негритянских предприятий. Затем проспект снова поднимается вверх, и по обеим его сторонам, засаженным деревьями, тянутся ряды опрятных больших домов, построенных в викторианском стиле. В них и обитают те экономные, но зажиточные и честолюбивые темнокожие пуритане, которые владеют и управляют уже пройденными вами процветающими предприятиями. Здесь же расположены и главные их храмы — собор Бетель, принадлежащий Методистской епископальной церкви, а также баптистские церкви на Уит-стрит и Эбенезер. На самой вершине проспекта вы увидите серый дом, украшенный белой отделкой и крытый серой же черепицей. К нему пристроена широкая веранда, на которой в первые годы двадцатого столетия прохожие часто могли видеть высокую черную фигуру преподобного Адама Дэниела Уильямса, отдыхавшего здесь, на свежем воздухе, по вечерам, в конце рабочего дня.

Родившись в тот самый год, когда Линкольн издал Декрет об отмене рабства, преподобный мистер Уильямс был в буквальном смысле избавлен от участи провести всю свою жизнь в цепях. Как баптистский священник, он естественным образом стал лидером одной из первых свободных общественных организаций негров — в церкви, которая во времена рабства была единственным учреждением, разрешенным пребывавшему в рабстве чернокожему населению. В жизни этих людей церковь играла несравненно большую роль, чем в жизни белых американцев. Она стала единственной хранительницей их собственной, афро-американской, культурной традиции, прежде всего музыкальной. В ней, как ростки в теплице, произрастали идеи социального самоосознания черного населения — все то, что было связано для них с верой, с грамотностью, с образованием. Негры, которые собирались на службу в церкви Эбенезер, где проповедовал Уильямс, и в других подобных церквях, видели в этих собраниях не только исполнение религиозного долга, но и важнейшее

событие общественной жизни.

Примерно то же можно было бы сказать о белых баптистских и методистских конгрегациях, процветавших на Юге с начала 1800-х годов, однако со временем они превратились в опоры, поддерживавшие жесткую структуру белого господства. Именно они дали религиозную санкцию тем силам реакции, которые нанесли поражение сторонникам Реконструкции и развеяли в прах надежды популистов на создание системы расового равенства на Юге. Протестантизм врос в сознание южан как религия, требующая от каждого верующего глубокой набожности и нетерпимости к пороку. Это побуждало их с подозрением относиться к сексу, танцам и виски. В результате идея христианского братства всех людей сузилась до конформистских представлений о том, каким образом должны сосуществовать члены одной общины, внутренне принимая существующие в ней законы и, следовательно, подчиняясь господствовавшей тогда этике белого превосходства.

У темнокожих пуритан, живших на Оберн-авеню, были, возможно, не менее строгие воззрения на мораль и нравственность, но их вера в загробное спасение души подразумевала еще и земное освобождение от порочной социальной системы. Надежда, что рано или поздно им удастся «перейти за Иордан» и «обрести землю Ханаанскую», означала для них также веру в то, что улучшений следует ожидать здесь и сейчас. Не обладая ни политической властью, ни гражданскими правами, они нуждались в духовной силе, которая могла бы поддерживать их в повседневной жизни, полной унижений и оскорблений. Такой уникальной силой для них и стала церковь. Она не только обусловила неповторимый образ жизни негритянской общины, но и придала ее верованиям весьма специфическую форму. В лучшие дни карьеры Уильямса и многие годы спустя воскресная служба в негритянской церкви представляла собой целое развернутое действо, раскрепощавшее сердца и души верующих. Верующие на молитвенных собраниях не сидели молча и безучастно, слушая проповеди. Они сами становились активными участниками происходящего, то дружно подхватывая «Аминь!», то возгласами выражая свое одобрение тем пассажам в речи проповедника, которые понравились им больше всего. Проповедники, в свою очередь, всеми доступными им средствами пытались воздействовать на умы и души слушателей, используя модуляции голоса, интонационный рисунок речи, цветистую образность и ритмы риторических повторов, как бы в подражание исполнителям блюза. Впрочем, для верующих таких общин, как баптисты Эбенезера, сама

музыка, будь то псалмы, гимны или спиричуелс, была отнюдь не просто словами и нотами из сборников. Это были песнопения, выражавшие живые, подлинные чувства, большую часть которых черной пастве приходилось сдерживать и таить в себе все шесть долгих рабочих дней, проведенных в мире белого человека. И лишь по воскресеньям эти люди могли дать выход своим страстям.

Путь к свободе, избранный такими деятелями, как А. Д. Уильямс, не был ни легким, ни постепенным. Чтобы вырваться из той клетки унизительной второсортности, в которую негры Юга были загнаны предательским и жестоким образом, им приходилось бороться за каждый свой шаг. Разумеется, Акт реконструкции не гарантировал негритянскому населению всей полноты гражданских прав, да и действовал он в течение всего лишь одного десятилетия, а затем власти — и региональные, и федеральные — стали систематически покушаться на обретенные неграми права. Белые американцы оказались в массе своей либо враждебно настроенными, либо совершенно равнодушными к негритянской проблеме, к человеческому достоинству цветных американцев. В начале XX века негры понимали, что их жизнь становится все хуже и хуже, что их могут лишить вообще всяких прав, даже тех немногих, что у них еще оставались. Атланта — один из самых развитых и прогрессивных городов Юга — стала ареной большого погрома в 1906 году. Уильямс до конца своих дней не забыл тех ужасов, свидетелем которых он стал тогда. Он видел, как разъяренная белая толпа и полиция ловили попадавшихся им чернокожих граждан и избивали их, причем многих — насмерть. Именно эта трагедия привела к созданию антирасистской черно-белой по составу Гражданской лиги Атланты, предшественницы Южного регионального совета. И тем не менее шесть лет спустя официально был принят закон о сегрегации — об обязательном раздельном проживании белых и цветных. В течение нескольких ночей подряд преподобный мистер Уильямс, с трудом сдерживая ярость, наблюдал из-за прикрытых штор победные факельные шествия ку-клукс-клана, члены которого безнаказанно и демонстративно маршировали по мостовым Оберн-авеню. В числе маршировавших были и белые священники. «Милый Оберн», как в те времена называли обычно проспект, превратился в гетто, поскольку даже самые влиятельные и уважаемые из его обитателей отныне имели меньше прав, чем малограмотные белые пастухи и землепашцы из самых глухих уголков Джорджии. И именно эти невежественные массы, ведомые такими одиозными деятелями, как Юджин Толмэдж, сделали идею белого превосходства символом

политической власти и критерием того, что в их среде принималось за нравственный авторитет.

Таковы были условия общественного договора, заключенного в одностороннем порядке. Однако, подобно обитателям гетто в средневековой Европе, лишенным и представительских, и гражданских прав, такие люди, как А. Д. Уильямс, встречали тяготы и унижения с мужеством и несгибаемой решимостью мучеников. Они молились Богу, не признающему расовых различий, стремясь во имя Его истины, но также и ради самих себя отстоять свои человеческие права. Так, Уильямс был не только вдохновенным проповедником, но и очень дельным, трезвомыслящим человеком. Он являл собой образец особой церковной предприимчивости: именно под его руководством и благодаря его решимости баптистскую церковь Эбенезер удалось спасти от финансовых неурядиц, которые грозили ей в 1894 году, то есть за год до знаменитого выступления Букера Т. Вашингтона, предложившего «Атлантский компромисс». А ведь именно тогда получившие печальную известность суды Линча стали весьма частым явлением. Уильямсу удалось превратить свою церковь в один из самых неприступных бастионов веры, но также и в центр социального общения и гражданского протеста для всей своей паствы.

Сам Уильямс не мог похвастаться особой образованностью и изяществом манер. Он прослушал курс богословия в Морхаусском колледже, но сохранил при этом нетронутой библейскую простоту веры своих предков и никогда не претендовал на ученость. Однажды некий предприниматель, проживавший на Оберн-авеню, громко выразил свое неудовольствие по поводу простонародной, житейской речи проповедника. Несколько дней спустя, сообщая финансовому комитету Эбенезера о личных взносах членов церковной общины, Уильямс с усмешкой заметил: «Я-то положил сто долларов, а тот джентльмен, который поправлял меня, ничего не положил». Многие прихожане оказывали моральную и финансовую поддержку начинаниям Уильямса просто потому, что им нравились его деловая хватка и умение убеждать, хотя он далеко не всегда бывал в ладах с грамматикой.

Точно таким же по характеру, как и Уильямс, был его более младший современник Майк Кинг. Он родился буквально в преддверии XX века, в 1899 году, в семье арендатора-издольщика смешанных афро-ирландских кровей. Майк был вторым из пяти сыновей Джеймса и Делии Кинг (у них было еще пять дочерей). Семья жила на ферме близ Стокбриджа, в двадцати милях от Атланты. Быть темнокожим в белой стране, где всякого негра

называют «малым», унизительно и порой опасно. Белые владельцы земли вели учет таким образом, что чернокожие издольщики вечно оказывались у них в долгах и попадали в кабальную зависимость. Джеймс Кинг не был исключением, и, видимо, этим в немалой степени объясняется, почему он часто напивался в субботу вечером, после чего вымещал на Делии все свое огорчение и раздражение.

Джеймс все же любил Делию. Но Майк тоже любил мать, и ему нестерпимо было наблюдать, как отец оскорбляет ее. Вообще-то его звали не Майком. Так хотела назвать его Делия, но при крещении он получил имя Мартин. Под влиянием матери Майк всегда стремился к лучшей жизни, не желая смиряться с той долей, которая ожидала батрацкого сына. Когда мальчику исполнилось 15 лет, он поднял руку на своего отца. К этому времени он был уже достаточно мускулистым и достаточно смелым, чтобы заступиться за мать во время очередной пьяной ссоры субботним вечером.

— Ты оставишь маму в покое! — крикнул он и, схватив отца, швырнул его на пол. Джеймс, грозно ворча, сумел подняться на ноги, а затем нанес парню неожиданный удар. Однако Майк вновь свалил отца на пол и в слепой ярости вцепился ему в шею обеими руками. Делия с помощью остальных детей с трудом оттащила его от отца.

Майк бросился к дверям.

— Сейчас же вернись! — взревел отец, пытаясь остановить его. Майк не послушался, и Джеймс пошел за своим охотничьим ружьем...

Этой ночью Майк домой не пришел. В воскресенье вечером абсолютно трезвый, явно раскаивающийся отец сказал ему, что просит у него прощения.

— Я знаю, что ты переживаешь за свою мать, Майк. Тебе хотелось бы, чтобы никто не смел с ней плохо обращаться. Что ж, я никогда больше ее не обижу.

И больше он ее никогда не обижал.

Однако вскоре после этого случая Майк покинул дом в поисках лучшей жизни. В 16 лет он уже трудился учеником механика в одном из гаражей Атланты, а некоторое время спустя, скрыв свой возраст, устроился работать пожарным на железную дорогу. Более престижной и прибыльной работы для неквалифицированного негра просто не существовало. Он хорошо справлялся со своими обязанностями и был всем доволен, но, когда он рассказал матери о своих занятиях, та сразу же обратилась к его начальству и сообщила настоящий возраст сына — она чувствовала, что такая работа для подростка слишком

опасна. А потом Америка вступила в Первую мировую войну, и найти работу стало проще. Майк времени зря не терял. Но при этом он ясно понимал, что четыре класса Стокбриджской школы едва ли позволят ему рассчитывать на ту карьеру, которая его прельщала. Опыт церковного общения лишь подтверждал это мнение. Те проповедники, которые нравились ему больше других, отличались красноречием, явно недоступным без правильного образования. Майк записался в вечернюю школу. Он энергично пополнял свой интеллектуальный багаж и вскоре сумел найти дело всей своей жизни. В 1925 году, еще не получив аттестата зрелости, он уже служил в двух маленьких баптистских приходах, читая проповеди в каждом из них через воскресенье.

После смерти матери в 1924 году Майк начал пользоваться своим официальным полным именем: Мартин Лютер Кинг. Именно под этим именем знали его сокурсники в Морхаусском колледже, где он начал учиться осенью 1925 года. Однако родственники и близкие друзья продолжали звать его Майком. В числе этих друзей была и подруга его сестры Альберта Уильямс, дочь знаменитого священника. Мартин и Альберта знали друг друга уже несколько лет, но их отношения стали серьезными именно в 1925 году, когда Альберта вернулась домой с двухгодичных педагогических курсов при Хэмптонском институте в Виргинии. В первый же день своего возвращения она сидела с отцом на веранде их серого дома на Оберн-авеню, когда Мартин, поднявшись по ступенькам, присоединился к их компании.

Вышло так, что примерно через год он сам переехал жить в этот дом. После грандиозной свадебной церемонии, состоявшейся в День благодарения 1926 года, молодожены решили поселиться в доме Уильямсов. Дом был достаточно просторным для двух семей, и они решили в нем остаться на время, пока не найдется чего-то другого. Однако совместное их проживание оказалось столь удачным, что молодые не стали никуда переселяться. А пять лет спустя, в 1931 году, преподобный А. Д. Уильямс скончался.

В этом доме в холодный вторник середины января 1929 года в молодой семье родился первенец. Мальчика по ошибке зарегистрировали как «Майкл Лютер Кинг-младший, сын Майкла Лютера Кинга-старшего». Эта ошибка была исправлена только 28 лет спустя, когда Мартин Лютер Кинг-младший решил обзавестись паспортом, а его отец, пользуясь случаем, вознамерился доказать свою причастность к факту его рождения.

Появление Мартина на этой земле было непростым. Его мать с трудом переносила беременность, а роды оказались долгими и тяжелыми. Когда после многочасовых схваток ребенок Альберты

вышел, наконец, на свет Божий, он не подавал никаких признаков жизни. Все присутствовавшие решили, что он родился мертвым, и врачу пришлось изрядно потрудиться, прежде чем раздался первый вопль.

Как сын священника Мартин провел детские годы вполне комфортно. Темнокожие буржуа, проживавшие на Оберн-авеню, были мало задеты эпидемией безработицы, которая охватила негритянское население в годы Великой депрессии, начавшейся сразу после рождения Мартина. Примерно 65 процентов трудоспособного цветного населения Атланты оказалось в списках граждан, получавших пособие по безработице. Тысячи арендаторов-издольщиков были вынуждены бросить землю. Однако семейства Уильямсов и Кингов не пострадали. У них имелся собственный дом, а вскоре после рождения Мартина дедушка Уильямс настоял, чтобы старший Мартин оставил службу в двух маленьких приходах и перешел в Эбенезер в качестве его помощника. Майк колебался, опасаясь сплетен насчет того, будто он женился ради престижного и процветавшего в те времена прихода, расположенного к тому же в трех кварталах от его дома. В конце концов он принял предложение, и, как оказалось, вовремя: в марте крепкий еще патриарх внезапно скончался от сердечного приступа, и зять смог тотчас же принять на себя его служебные обязанности.

Юный Мартин, которого дома звали «М. Л. », был вторым ребенком у своих родителей. Уилли Кристин, или «Кристи», была годом старше, а Альфред Дэниел, он же «А. Д. », был на год моложе его, хотя по росту он довольно быстро обогнал Мартина. Это было очень крепкое, глубоко религиозное патриархальное семейство. Церковь играла в их жизни огромную роль не только потому, что глава семьи был священником. Просто она находилась неподалеку от дома, ближе, чем школа. Альберта и ее мать очень активно вели в церкви общественную работу, дети тоже пропадали там, и не только каждое воскресенье, но нередко и по вечерам в будни. С четырехлетнего возраста Мартин пел псалмы в церкви на собраниях, а мать аккомпанировала ему на фортепьяно. Его любимой песней был спиричуел «Я хочу быть похожим на Иисуса»; исполняя его, он импровизировал со страстностью настоящих певцов блюза. Мартин обрел такую популярность, что его стали специально приглашать на религиозные собрания.

Мартин рос крепким, нескладным и твердолобым, вернее сказать, целеустремленным и упорным парнишкой. Подобно многим своим сверстникам из среднего класса, он уже в семь лет начал зарабатывать, торгуя летом на улице прохладительными

напитками, в чем ему помогали Кристи и А. Д. С восьми лет он стал регулярно продавать еженедельные негритянские газеты, а в тринадцать трудился уже и днем, после школы. С должности курьера в «Атланта джорнел» он быстро перебрался выше и стал заместителем менеджера отдела доставки и распространения. В штате издательства он оказался самым младшим из тех, кто занимал подобную должность. Будь он белым, он мог бы подняться и выше по служебной лестнице, но в те годы и речи не могло идти о том, чтобы темнокожий стал заведовать отделом.

Мартин был твердолобым и в буквальном смысле этого слова. Однажды, когда мальчишки играли в бейсбол на площадке за домом, из рук А. Д. случайно вырвалась бита. Она угодила прямиком в голову Мартина, стоявшего в позиции защитника. Бита сбила Мартина с ног, но сознания он не потерял и, поднявшись, заявил:

— Ладно, А. Д., ты удален...

В характере Мартина сочетались темперамент вспыльчивого, неуравновешенного отца и спокойствие всегда невозмутимой матери: ее очень трудно было вывести из себя. При этом его отличали две специфические черты — выраженная погруженность в себя и совестливость, граничившая с необъяснимым комплексом вины. Однажды, когда

Мартину было двенадцать лет, А. Д. съехал по перилам лестницы в их доме и нечаянно сбил свою бабушку. От столкновения она упала и потеряла сознание. Полагая, видимо, что он должен был предотвратить этот несчастный случай, и решив, что бабушка умерла, Мартин в приступе отчаяния выпрыгнул в окно со второго этажа. Несколько месяцев спустя бабушка действительно серьезно заболела, и ее положили в больницу. Именно в это время был парад, который Мартину хотелось посмотреть, и он незаметно выбрался из дома. Когда же он узнал, что бабушка умерла, то, вернувшись домой, не справился с чувством раскаяния и вновь выпрыгнул в то же окно. Оба раза при падении он не получил ни единой царапины, однако чувство вины несколько притуплялось.

В обществе, насквозь пронизанном расизмом, самые крепкие стены домов самых влиятельных чернокожих граждан не могли защитить ребенка от той отвратительной реальности, которая ежедневно опустошала души и угрожала жизни многих миллионов людей. Ребенок, даже если он подрастает в состоятельной семье, рано или поздно осознает, что Джек Армстронг — белый. Все кинозвезды, все владельцы крупных магазинов в центре города, все государственные служащие, полицейские, законодатели, спортивные обозреватели и

рекламные манекенщицы — все они были белыми. Мартин Кинг за всю жизнь повстречал очень мало исключений из этого правила, а уж в детстве, проведенном на Оберн-авеню, можно сказать, ни одного.

Однако даже Оберн — островок негритянского благополучия — не обладал иммунитетом против этой заразы. Первый урок «расовых взаимоотношений» Мартин получил в шестилетнем возрасте. Среди его приятелей, с которыми он подружился буквально с младенчества, были два белых мальчугана, сыновья бакалейщика, жившего неподалеку. Когда Мартин пошел в школу, их не оказалось среди его однокашников, так как они ходили в другую школу, только для белых. Мартин поначалу не обратил на это особого внимания. Однако всякий раз, когда он перебегал улицу, чтобы повидаться с приятелями, их мать под каким-либо предлогом отсылала его обратно. В конце концов она сказала Мартину напрямик то, что уже объяснила своим сыновьям: «Мы белые, а ты цветной, поэтому вам не надо больше играть вместе».

Сбитый с толку, оскорбленный в своих лучших чувствах, Мартин побежал домой к матери. Она постаралась, как могла, объяснить ему происходящее. Она рассказала мальчику, как похищали и превращали в рабов их предков, как много поколений тому назад их привезли в Америку и использовали здесь как рабочую скотину. С ними часто обращались по-зверски, но даже если хозяева оказывались добрыми, жизнь негров все равно целиком и полностью принадлежала белому человеку. Негры, безусловно, заслужили свободу. Считается, что они уже семьдесят лет как освободились. Но белые боятся их и потому разработали целую систему положений, законов и правил, чтобы удерживать чернокожий народ в подчинении.

Но сколь бы полными и исчерпывающими ни были ответы миссис Кинг, у ребенка возникали новые и новые вопросы; многие из них будут преследовать его всю жизнь. «Итак, я — цветной, — рассуждал мальчик. — Но что это значит на самом деле? Отчего так устроена жизнь?» На такие вопросы мать уже не могла дать удовлетворительные ответы, и поэтому она вновь вернулась к словам жены бакалейщика.

— Не позволяй таким людям себя огорчать. Не верь, что ты хоть чем-то хуже белых. Ты точно такой же, как и все остальные, и никогда этого не забывай.

Два года спустя Мартин с отцом пошли в центр города, чтобы купить Мартину туфли. Они зашли в большой обувной магазин и сели у окна.

— Я буду счастлив обслужить вас, — очень вежливо обратился к отцу приказчик, — только будьте добры пересесть в

глубину зала.

— Но нам и здесь удобно, — с неудовольствием возразил священник.

— Простите, — сказал продавец, и в его голосе появился металл, — но вам следует пересесть туда.

Отец Мартина возмутился:

— Мы либо остаемся здесь и покупаем ботинки, либо вообще ничего не покупаем.

Служащий промолчал. Он глядел на собеседника слегка раздраженно, но в целом достаточно безучастно — как человек, хорошо знающий свои права, а также законы и обычаи Джорджии. Рассерженный отец продолжал сидеть некоторое время, затем встал, взял за руку юного Мартина и, не говоря ни слова, с гордым видом вышел из магазина. Уже на тротуаре он сказал Мартину сквозь стиснутые зубы:

— Меня мало волнует, сколько времени еще продержится эта система, но я никогда ее не признаю. Я буду противостоять ей до конца моих дней!

Тем не менее они оба — и отец, и сын — были вынуждены принимать систему ценностей белого человека. Сколько бы они ею ни возмущались, они могли либо жить с ней и в ней, либо вообще не жить. Эта постоянная внутренняя неудовлетворенность, невозможность уцелеть, не приняв условий белого человека, заставляли черных мужчин остро чувствовать свою беспомощность. Сколь бы изящно и вежливо ни были сформулированы эти условия, они подрывали те основания, на которых покоятся самоуважение и чувство человеческого достоинства. Отец вспоминал своего отца, чей гнев рикошетом бил по его собственной семье. Самодельные цепи, состояние внутреннего рабства — вот цена выживания. Многие, подобно Джеймсу Кингу, искали забвения в виски и роме. Но всех остальных такое положение ставило перед необходимостью выбора: либо ты смиренно принимаешь эти условия, либо пренебрегаешь ими, по мере сил стараясь их не исполнять, а то и вовсе восстаешь против них. Душа всякого черного мужчины или даже мальчишки была травмирована этой дилеммой. Юный Мартин знал, что такое боль, он страдал сам и переживал за отца.

Система доставала семейство Кингов самыми разными способами, и Мартин-старший старался, как мог, показывать пример сопротивления ей при любой возможности. Если полицейский обращался к нему с привычным «малый», он отвечал, показывая на сына:

— Малый — это он, а я — преподобный отец Кинг. Такие возражения могли быть опасными. Они могли оказаться даже

самоубийственными для тех, кто не обладал таким общественным весом.

Дисциплина царит в любом пуританском доме — как у белых, так и у черных. Семейство Кингов не было исключением. Плохое поведение наказывалось предписанными ударами ремнем или прутом по рукам или по ягодицам, причем отец мог заставить самих детей наказать провинившегося. Юный Мартин со стоическим терпением выносил свою порцию порки, но всегда уклонялся, когда его звали отшлепать А. Д., и ни разу не смог заставить себя ударить сестру. Однако к единоборствам при решении споров — к борьбе, драке, поединкам «на траве» — он отвращения не испытывал и, случалось, воевал с соседскими мальчишками, швыряя в них камни и ловко уворачиваясь от ответного града камней. Несмотря на невысокий рост, он превосходно играл в американский футбол, потому что мог свалить с ног любого противника, оказавшегося на его пути.

Но если удары судьбы сыпались лично на него, он переносил их со смирением. Однажды, когда ему было одиннадцать лет, мать попросила его подождать ее в одном из универсальных магазинов города — ей надо было зайти в другой магазин, через квартал отсюда. Он спокойно стоял и ждал, когда вдруг к нему подошла совершенно незнакомая белая женщина.

— Это ты тот маленький черномазый ублюдок, который наступил мне на ногу, — сказала она и отвесила ему такую оплеуху, что у него потемнело в глазах. Придя в себя, Мартин просто продолжал стоять. Когда мать вернулась, он рассказал ей, что произошло.

Мартин был не по годам развитым ребенком, и в школе он учился хорошо. Сначала он ходил в районную школу, а потом перешел в экспериментальный лицей, открывшийся при университете Атланты. Аттестат он получил в школе имени Букера Т. Вашингтона, причем экзамены за 9-й и 12-й классы сдал экстерном, во время вступительных экзаменов в высшую школу, что и дало ему право быть зачисленным на первый курс Морхаусского колледжа в возрасте пятнадцати лет. Несмотря на то что среди его предков были священники, он еще в школе пришел к выводу, что не станет изучать богословие. Он чувствовал, что церковь — не совсем то, что ему надо. Его отец к тому времени был не просто очень влиятельным в своей округе священником; он был также членом совета Гражданской страховой компании, членом попечительского совета Морхаусского колледжа, а также одним из руководителей Национального конвента баптистов. Кроме того, возглавлял атлантские отделения Лиги негритянских избирателей и

Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН). Однако молодому Мартину роль пастора негритянской общины не казалась столь уж значительной, да и его собственное отношение к жизни все меньше и меньше зависело от отцовского примера. Еще на школьной скамье он решил стать врачом, чтобы приносить пользу людям, хотя медицина его не очень интересовала, в отличие от ораторского искусства: он был прирожденным оратором и однажды стал победителем конкурса, произнеся речь о неграх и Конституции.

На втором курсе Морхаусского колледжа он занял второе место по красноречию. Его ораторская манера несла на себе неизгладимый отпечаток тех сотен проповедей, которые он выслушал в церкви своего отца. Однако ему была чужда цветистость языка, присущая риторам старой школы, а также их узколобая набожность, с которой они ополчались на грех и на дьявола. Мартин выглядел типичным представителем городской, светской, по-своему весьма изысканной культуры. Он увлекся социологией и решил поступать на юридический факультет.

Годы, проведенные Мартином в колледже, совпали с очень важным периодом в мировой истории. Он был еще юным студентом, когда Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну. С безработицей было покончено. Начался период относительного экономического процветания, это позволило Кингам переехать в кирпичный дом на Бульвар-стрит. С наступлением процветания вновь зазвучали голоса, громко требовавшие расового равенства. В январе 1941 года А. Филип Рэндолф, президент Братства железнодорожных носильщиков, обратился к ста тысячам негров, призвав их двинуться маршем на Вашингтон, чтобы продемонстрировать их массовое несогласие с расовой дискриминацией в промышленности. Несмотря на выгодные военные заказы, негров по-прежнему не принимали на наиболее высокооплачиваемые работы и должности. Марш так и не состоялся, однако сама идея его проведения получила столь широкую поддержку, что президент Рузвельт буквально за неделю до планировавшегося начала демонстрации издал указ о создании специального Комитета по контролю за справедливым наймом на работу.

По мере того как война продолжалась, негры обнаружили, что им, пусть медленно и непоследовательно, стал открываться доступ к таким должностям и профессиям, которые прежде были для них закрыты. К тому времени, как Мартин Кинг поступил в Морхаусский колледж (это было в 1944 году), тысячи чернокожих мужчин и женщин трудились бок о бок с белыми на предприятиях, выпускавших военную продукцию. Миллион

негров служил в армии, причем более половины — в войсках, отправленных в Европу и в Юго-Восточную Азию. Весной 1945 года были предприняты первые шаги по расовой интеграции вооруженных сил США, а когда Мартин перешел на второй курс колледжа, темнокожие ветераны войны, вернувшиеся к мирной жизни, стали требовать и здесь, у себя дома, гарантию так называемых «четырех свобод». Процессы, будоражившие общество, не приводили к легким и быстрым завоеваниям. Так, в июне 1943 года 26 негров и 9 белых были убиты во время расовых столкновений в Детройте, продолжавшихся два дня. И во время войны, и после нее повсюду возникали расовые конфликты и стычки меньших масштабов, в них принимали участие и гражданские лица, и военнослужащие, расквартированные на территории США и за ее пределами. Однако в целом в расовых отношениях наметился такой прорыв, какого не было со времен Реконструкции.

Студенты Морхауса не испытывали на себе этих веяний непосредственно. Студенческий городок, населенный сплошь чернокожими мужчинами, был своеобразным островком, отделенным от внешнего мира. Но это был островок свободы, где Мартин Кинг впервые в жизни получил возможность исследовать расовые проблемы честно и во всей их полноте. Это частное учебное заведение поддерживалось Конвентом (северо)американских баптистов и никак не зависело от белых властей Джорджии и их системы.

Студенты и преподаватели могли безнаказанно критиковать «режим» и излагать собственные взгляды насчет того, что с ним необходимо делать. Взгляды эти ни в коей мере не ограничивались предложениями, которые устроили бы чернокожую элиту с Оберн-авеню. Обсуждались и гораздо более радикальные воззрения, в том числе таких деятелей, как Рэндолф и У. И. Б. Дюбуа.

Радикализм, однако, Мартина не привлекал. Он продолжал жить дома и почти не принимал участия в деятельности Христианского союза молодежи (ИМКА) или НАСПЦН, ячейки которых были и в Морхаусском колледже. Только одна организация, к которой он принадлежал — Совет по связям между колледжами, состоявший из представителей как белых, так и негритянских учебных заведений, — оказала глубокое влияние на его взгляды. «Нормальные деловые отношения, которые сложились в этой группе, — позднее вспоминал он, — убедили меня в том, что среди белых у нас много союзников, особенно среди молодежи. Я был почти готов возненавидеть всю белую расу, но, пообщавшись с большим числом белых, я почувствовал,

что мое негодование теряет остроту и что оно вытесняется духом сотрудничества».

Он установил связи и с другим социальным слоем белых, когда на летних каникулах устроился на работу помощником кладовщика в «Южную компанию по производству пружинных матрацев». Работая среди негров и белых, он не заметил особой разницы в их взглядах и интересах. Что их действительно разделяло, так это разница в оплате за один и тот же труд. Это убедительно доказывало верность одной из аксиом, которую выдвинул его учитель социологии: «Деньги — не только корень зла; они также корень особой разновидности зла — расизма». В течение многих лет предприниматели-южане могли платить своим белым рабочим меньше, чем платили на Севере, потому что неграм они платили еще меньше. Именно они называли профсоюзных организаторов «чертовыми ублюдками», которые осмеливаются посягать на эту лестную (для белых) разницу в оплате труда.

Следующим летом Мартин вместе с другими студентами из Морхауса работал на табачных плантациях в Коннектикуте. Выходные дни они проводили в Хартфорде, наслаждаясь свободным доступом в кинотеатры, рестораны и другие общественные места, доступ в которые дома, на Юге, был для них строго ограничен или вовсе закрыт. Вернувшись в Атланту, Мартин специально один раз зашел в кинотеатр для белых. Контраст с Хартфордом был поучителен. Почему темнокожие граждане согласны на что-то меньшее, чем полное равноправие? Почему в Атланте им живется хуже, чем в Хартфорде? Следовало ли ему прекратить работать в железнодорожном агентстве, когда белый начальник обозвал его «ниггером»?

Он тогда ушел с работы. Он вообще не был обязан устраиваться на любую из этих работ. Если бы ему нужны были только карманные деньги, он всегда мог их с легкостью заработать на Оберн-авеню. Но он хотел независимости, хотел найти свою дорогу, не пользуясь отцовскими связями. И он хотел на собственной шкуре почувствовать все прелести жизни простого рабочего. Это было отчасти исследованием того мира, который лежал за пределами прихода Эбенезер и «милого Оберна», отчасти — поисками самого себя.

Мартин, однако, не был угрюмым аскетом. Он любил модно одеваться, за что и получил прозвище «Твид». Он всегда выглядел щеголевато, был подтянутым, представительным и уравновешенным, что, естественно, нравилось девушкам, в том числе самым красивым из них. Кроме того, он превосходно танцевал. Однако он не ухаживал ни за одной из красавиц

слишком долго, дабы избежать ненужных осложнений.

Мартин был не только завидным женихом, но и весьма перспективным кандидатом в священники для любой влиятельной церковной общины. Он уже чувствовал профессиональное призвание и желание проповедовать, осознавая при этом, что ему едва ли удастся уйти с хорошо накатанной колеи. Отец Мартина хотел, чтобы сын тоже стал священником, и был готов быстро подыскать ему местечко в какой-нибудь заметной церкви. Но, помимо всего прочего, такой путь самому Мартину представлялся слишком уж легким.

Внутренне он еще сопротивлялся этой перспективе, но ощущение неотвратимости такого пути росло в нем и крепло. А когда он поближе познакомился с преподавателями, которые в свое время учились в семинарии, а именно с Джорджем Д. Келси и с выдающимся ученым, ректором колледжа Морхаус, профессором Бенджамином И. Мей-сом, представления Мартина о том, каким должен быть настоящий христианский проповедник, стали меняться. Проповеди этих теологов давали богатую пищу уму, поднимали реальные общественные проблемы. После таких проповедей Мартин подолгу приставал с вопросами к Мейсу, который позже говорил о Кинге, что тот «был не по годам выдержанным и зрелым молодым человеком, которому свойственно было поразительно глубокое понимание жизни и ее сложности». В своем любимом преподавателе профессоре Келси (он возглавлял богословское отделение колледжа) Мартин нашел «огромные запасы знаний, глубину мышления и обаятельную личность». Среди студентов Мартину особо приглянулись Уолтер Макколл и Чарлз Ивенс Мортон, которые так же, как он, решили стать священниками.

Мортон учился курсом старше. Он поделился с Мартином своими мыслями о том, каким должен быть современный священнослужитель, и эти рассуждения прочно осели в сознании его младшего коллеги. Священник должен быть современным, образованным, интеллектуальным, открытым миру человеком, которого больше захватывает сегодняшняя борьба добра со злом на земле, нежели желание найти в вере некое потустороннее, грядущее после жизни убежище, в котором можно спастись от всех мирских бед и горестей. Мартина никогда не раздражали по-настоящему возгласы или крики, сопровождавшие службу в негритянских церквях. Но он понимал, что подлинная задача церкви — развивать ум и закалять характер, а отнюдь не служить средством эмоциональной разрядки.

Под влиянием коллег-единомышленников Мартин уже на первом курсе колледжа осознал свое настоящее призвание. В 1947

году он был рукоположен в духовный сан и теперь уже не мог отклонить предложение отца стать помощником пастора в Баптистской церкви Эбенезер. Однако решение Мартина не было бесповоротным. При желании он мог бы позже избрать для себя академическую стезю. А сейчас, не теряя времени, он стал активно пользоваться предоставленной ему возможностью и, помогая отцу, приобретал ценный жизненный опыт. В июне следующего года, в возрасте девятнадцати лет, преподобный Мартин Лютер Кинг-младший закончил Морхаусский колледж и получил диплом бакалавра свободных искусств. И, хотя он был уже священником, мысль о необходимости высшего богословского образования все чаще приходила ему в голову.

Глава 2.
Паломничество с Богом

Теплым сентябрьским днем 1948 года Мартин Кинг стоял перед окном своей комнаты в студенческом общежитии. Внизу, с ветки дерева, росшего во дворе, вспорхнула сойка. Мартин проводил ее взглядом, пока птица, поднявшись ввысь, не растворилась в ярком сиянии полуденного солнца. Он улыбнулся и перевел взгляд на тихий, ухоженный городок. Внизу, у подножия холма, располагался Честер, еще дальше — Филадельфия. Он оказался в шестистах милях от дома, отчего дома. Теперь на три года его домом станет этот уютный, похожий на монастырь студенческий городок.

В тот год вместе с его судьбой круто менялся и окружающий мир. Всего год назад, впервые за всю историю страны, самые крупные отели столичного Вашингтона стали принимать чернокожих гостей. Один из федеральных судей вынес специальное постановление, которое запрещало Демократической партии США проводить первичные выборы в штате Южная Каролина только среди белого населения. За минувшее десятилетие Верховный суд предпринял целый ряд шагов, которые позволили меньшинствам вздохнуть свободнее. Он объявил незаконными все акты, предписывавшие сегрегацию цветного населения. Однако, когда президент Г. Трумэн издал указ о соблюдении принципа равноправия при найме на службу в правительственные учреждения, многие политики-южане пришли в такое негодование, что создали свою собственную партию во главе с сенатором Дж. Стромом Термондом. В Филадельфии Мартин повсюду видел плакаты, призывавшие голосовать за Трумэна, Дьюи и Уоллеса. Это было волнующее время.

Мартина, однако, гораздо больше волновали его личные дела. Все, что происходило за стенами студенческого городка, не имело, казалось, непосредственного отношения к его собственному существованию. Он наблюдал за этими событиями, но они не захватывали его и не очень-то влияли на его частную жизнь.

Он был принят в Кроуцеровскую теологическую семинарию, в которой на сотню студентов приходилось полдюжины негров. Ты должен помнить, внушал он себе, что здешние белые юноши будут очень пристально рассматривать тебя. Они сразу заметят, что ты опоздал на занятия, пусть всего на минуту, что твои ботинки не начищены, а брюки не отглажены. Он взглянул в

зеркало и улыбнулся: нет, он выглядел безупречно, даже щеголевато. «Как обычно», — подумал он, но тотчас же спохватился и изобразил напускную серьезность. С улыбками тоже не следовало перебарщивать. Иначе они решат, что он — беззаботный повеса, только не белый, а черный. В семинарии ему предстояло проявить свои лучшие качества и показать, на что он способен.

Мартин стал первым учеником на курсе. Три года спустя его избрали для выступления с прощальной речью от имени всего выпуска. К тому времени он уже научился спокойно общаться со своими белыми однокурсниками и ясно понял, что умеет легко сходиться с людьми. Двое его сокурсников тоже были из Джорджии — Дюпри Джордан и Френсис Стюард. Для них опыт совместного проживания представителей разных рас был столь же новым, как и для самого Мартина. Стюард был женат, он жил с женой в одной из квартир, предназначенных для семейных пар, и Мартин был у них желанным гостем. Не обошлось, впрочем, и без отвратительной сцены. Один студент из Северной Каролины однажды наставил на Мартина пистолет, обвиняя его в том, что тот якобы рылся в его комнате. Мартин сохранил присутствие духа и убедительно отверг все обвинения в свой адрес. Через некоторое время белый юноша извинился перед ним, и к окончанию учебы между ними установились вполне приятельские отношения.

Опыт совместного существования оказался очень полезным, но, разумеется, не только ради него Кинг оказался в семинарии. Кроуцер имел отличную репутацию ереди семинарий, и Мартину импонировала мысль, что он получит диплом именно здесь. Он также воспользовался случаем, чтобы несколько ослабить узы, привязывавшие его к родному дому. Всякий раз, возвращаясь на лето к родителям, он казался немного повзрослевшим и возмужавшим. Отец гордился им и был рад, что Мартин на глазах становился мужчиной. И когда Мартин окончательно вернулся домой, отец не стал оказывать на него давления как старший коллега, а просто дал ему возможность почувствовать вкус настоящей пасторской работы. Надо сказать, что труд этот был нелегким и весьма ответственным, так как конгрегация к тому времени разрослась и насчитывала почти четыре тысячи постоянных членов. Мало кто из однокашников Мартина мог бы похвастаться такой аудиторией. Мартин же получил возможность на практике проверить свои обретенные в семинарии профессиональные навыки.

Проповедническая деятельность для него означала прежде всего духовные искания и открытия. Так его учили в

Кроуцеровской семинарии. На первом курсе особое внимание там уделяли библейской критике. Поскольку сам он с детства рос в атмосфере немудреного, буквалистского понимания текстов Священного Писания (от чего ему не вполне удалось избавиться даже на скамье Морхаусского колледжа), Мартин был буквально зачарован той вольной интерпретацией Нового Завета, которая открылась ему в лекциях профессора Мортона Скотта Энслина. По мысли Энслина, апостол Павел был создателем глубочайшего этического учения, Иисус представал перед слушателями как живой образ пророка нового типа, а жизнь ранних христиан преподносилась в контексте их времени и бытовых реалий. Содержание Библии стало казаться иным, гораздо более осмысленным, чем прежде. В течение первого же семестра Мартин нашел и теологическое обоснование тех взглядов на жизнь и общество, которые сложились у него под влиянием собственного жизненного опыта, — они, кстати, удачно сочетались с библейскими воззрениями профессора Энслина.

Ключевую роль в этом сыграла монография «Христианство и общественный кризис» Уолтера Раушенбаха. Впервые опубликованная в 1907 году, в «прогрессивную эру» Теодора Рузвельта, связанную со стремительным ростом трастового капитала, книга Раушенбаха буквально излучала безграничный оптимизм относительно построения в скором будущем Царства Божия на земле. Этот просчет Мартин Кинг уловил мгновенно, но книга все равно оставила в его сознании неизгладимый след. Более всего он оценил, по его собственным словам, ту настойчивость, с которой Раушенбах отстаивает идею о том, что «Евангелие обращено к человеку в целом, не только к его душе, но и к его телу; не только к его духовному самочувствию, но и к физическому, материальному благополучию. Прочитав Раушенбаха, я пришел к убеждению, что любая религия, интересующаяся только душами людей и закрывающая глаза на социальные и экономические условия их существования, которые так сильно ранят эти души, интеллектуально и духовно мертва. Она обречена и лишь ждет дня своих похорон».

На втором курсе семинарии студенты изучали историю Христианской церкви, а также учения пророков Ветхого Завета. Труды другого, гораздо более позднего пророка — Карла Маркса в программе не значились. Перипетии президентской кампании 1948 года и студенческие дискуссии по поводу начавшейся «холодной войны» обострили интерес Мартина к коммунизму. Большую часть рождественских каникул 1949 года он посвятил изучению «Капитала» и «Коммунистического манифеста», а также целого ряда исследовательских работ о марксизме и его

советском отпрыске — ленинизме. У Маркса, как прежде у Раушенбаха, он нашел открытый протест против экономического неравенства в обществе и, следовательно, неприятие той социальной индифферентности, которая была свойственна христианскому духовенству в целом. Однако в учении Маркса он мог принять далеко не все. Возражая ему и споря с ним, он начал оттачивать свои собственные представления о ценностях. В историческом материализме для Бога вообще не было места. Проповедуемый Марксом этический релятивизм одобрял любые, самые дурные средства, если только они приводили к поставленной цели, и создавал такую политическую систему, в которой, писал Кинг, «человек едва ли становится чем-то большим, чем лишенный всякой индивидуальности винтик в государственной машине». Молодой семинарист, напротив, очень остро осознавал необходимость существования Бога, причем не просто какого-то божества, а именно «творческой личной силы, управляющей Вселенной, составляющей основу и сущность любой реальности... История в конечном счете подчиняется духу, а не материи». Более того, Вселенная, поскольку эта божественная сила находится в ее центре, должна обладать нравственной упорядоченностью. Иными словами, ей присущи определенные моральные принципы, которые сами по себе справедливы и добры. Один из этих принципов гласит, что человек есть «сын Божий», а не средство достижения какой-либо цели. Он «сам по себе и средство, и цель». Всякий нормальный человек, каждый христианин, равно как и любая попытка изменить общество ради его улучшения, должны воплощать в себе эти принципы и заветы.

Именно в этот период Мартин пришел к убеждению, что общество должно меняться и что перемены возможны. Оставалось только найти путь, ведущий к ним. Со временем он начал вырисовываться в его воображении, пока еще в общих, неясных очертаниях. По убеждению Мартина, это должен быть путь, одобряемый Господом, путь обретения духовной и нравственной силы, подобный тому, который был избран Иисусом и апостолом Павлом.

В то время, когда Мартин Кинг размышлял над этими проблемами, на противоположной стороне земного шара некий американский мужчина, принадлежавший по возрасту к поколению его отца, принимал участие в очень важной конференции. Это был Мордесайя У. Джонсон, доктор наук, ректор Университета им. Говарда, а конференция называлась «Всемирным форумом движения за мир». Она планировалась на январь 1949 года, но была отложена в связи с тем, что лидер этого движения Махатма Ганди погиб, сраженный пулей убийцы.

Почти всю свою жизнь М. У. Джонсон боролся за мир во всем мире. В 1945 году, когда формировалась Организация Объединенных Наций, он присутствовал на ее заседаниях в качестве аккредитованного обозревателя. С подобной же целью он приехал и в Бенгалию. Доктор Джонсон был одним из 93 делегатов, представлявших на форуме 34 страны. Эти люди принадлежали к разным исповеданиям и конфессиям, но тем не менее в 1949 году они собрались на Рождество в Сиваграме, бывшей уединенной обители Ганди, которая стала учебным центром его имени, а затем в течение недели вели дискуссии в Шантиникитане, в доме Рабиндраната Тагора — великого писателя Индии, которого на родине почитают святым.

Помимо задач, связанных с борьбой за мир, Джонсон живо интересовался идеями Махатмы Ганди. Как и Ганди, он был глубоко религиозным человеком и, подобно А. Филипу Рэндолфу, Говарду Терману и Байарду Растину, находился под сильным впечатлением от личности и идей этого сухонького, темнокожего индийца, который разработал системную стратегию движения ненасилия и сумел добиться освобождения Индии из-под власти белых колонизаторов. Еще в 1932 году Рейнголд Нибур высказал предположение, что методы борьбы, применяемые Ганди, могут оказаться эффективными и в Америке для достижения расового равноправия. И сам Махатма, поддерживавший связи с негритянскими лидерами США, неоднократно говорил о том же. Джонсону и его единомышленникам казалось, что Ганди предлагает обоснованную альтернативу тактике призывов к братским чувствам у белых — призывам, которые остаются неуслышанными. Вместо благочестивой и смиренной надежды на постепенное улучшение жизни, которое неизбежно придет, Ганди предлагал иной путь — активную борьбу за преобразование жизни, но такую борьбу, которая была бы совместимой с учением Христа о любви к ближнему. Вот почему после завершения работы форума доктор Джонсон остался в Индии и беспрестанно разъезжал по стране, встречаясь с множеством людей.

Вернувшись из полуторамесячного путешествия по Индии, доктор Джонсон начал выступать с лекциями во многих городах Соединенных Штатов. Когда он приехал в Филадельфию, Мартин Кинг не мог пропустить его выступления. Его привлекла не только тема лекции, но и тот факт, что доктор в свое время тоже учился в Морхаусе. О деятельности Махатмы Ганди семинарист Кинг знал немного, полагая, что он — один из типичных представителей идеалистов, далеких от жизни. Он уже имел возможность послушать по меньшей мере одного из ведущих представителей американского пацифизма — преподобного А.

Дж. Маста, доводы которого показались ему замечательными, но совершенно неубедительными. Мартин, основываясь на собственных чувствах, непоколебимо верил в спасительную силу любви между людьми, той любви, которой были посвящены учение и жизнь Иисуса Христа. Но в ситуациях, когда сталкивались общественные интересы и силы, его оценка возможностей любви становилась крайне скептической.

С таким настроением он пришел на выступление Мордесайи Джонсона. И мало-помалу его скептицизм начал подтаивать под воздействием пламенного красноречия опытного оратора.

Почему Ганди — великий человек? Такой вопрос, явно риторический, задал Джонсон и сам же принялся на него отвечать. Его величие обусловлено пятью неоспоримыми фактами. Во-первых, он освободил Индию. Во-вторых, он добился этого без единого выстрела. В-третьих, он по-братски вернул в семью индийских народов касту неприкасаемых, прежде отторгавшихся и отвергаемых обществом. В-четвертых, его личная жизнь была столь чиста и свята, что уже только по этой причине его можно было бы считать великим человеком. Но его высшее достижение — и это в-пятых — заключается в том, что он показал, каким образом спасительную силу любви можно использовать при решении социальных вопросов, добиваясь с ее помощью реальных преобразований. Даже его гибель, подобно смерти Иисуса, стала своего рода искупительной жертвой, поскольку из-за нее пошла на спад та ужасная вражда, которая вспыхнула вдруг между индусами и мусульманами в первые годы после обретения независимости.

Мартин весь превратился в слух. Он услышал нечто действительно новое. Именно этот вопрос мучил его в течение многих лет. «Понятно, отчего Мордесайя Джонсон с таким энтузиазмом относится к Ганди», — подумал Мартин.

Под впечатлением от рассказанного проповедником Кинг тотчас отправился в магазин и купил с полдюжины книг, посвященных жизни и деятельности Ганди, а также основам его философии. Он проглотил их с неослабевающим интересом. Нет, он не был тотчас же обращен в новую веру: оставалось слишком много вопросов, которые по-прежнему требовали объяснения. Ненасилие принесло свои плоды в Индии, но там огромному большинству населения противостояло относительно немногочисленное белое меньшинство, которое к тому же было чужеземным. Сможет ли идея ненасилия сработать в Америке, где белые, во всяком случае подавляющее их большинство, ощутили себя хозяевами страны задолго до того, как черное меньшинство обрело хотя бы зачатки гражданских прав?

Вопрос этот носил скорее теоретический характер. Имеет ли практическое значение, каким окажется ответ на него — правильным или, напротив, ошибочным? В конце концов, размышлял Кинг, я не веду за собой массы; я пока всего лишь студент второго курса Кроуцеровской семинарии, и мне еще многому предстоит научиться. Перспектива когда-нибудь воспользоваться на практике философией Ганди представлялась ему маловероятной. Ведь он знал, что ему предстоит быть пастором в каком-нибудь большом приходе, если только он не займется преподавательской деятельностью. Он не был активистом какого-то политического движения и не помышлял о роли лидера. Но отчего же проблема, которая рассматривалась в сугубо научном плане, столь сильно взволновала его?

Кинг учился на последнем курсе семинарии, когда вышло постановление Верховного суда США, запрещавшее сегрегацию в вагонах-ресторанах поездов дальнего следования. Этот указ затронул очень близкую Мартину тему. Когда он впервые ехал на Север, в Хартфорд, штат Коннектикут, ему пришлось обедать за занавеской, отделявшей белых клиентов ресторана от черных. В Хартфорде он попал в атмосферу расового равноправия, но во время обратного путешествия в Атланту его вновь отгораживали занавеской. «Ощущение было такое, словно меня уничтожили как личность». В эти дни, вспоминал Кинг позднее, он подумывал о том, чтобы стать юристом. Ганди начинал как адвокат и лишь затем включился в общественно-политическую деятельность с религиозным уклоном. Мартин тогда еще не знал, что и в Америке небольшая группа на севере страны — так называемый Конгресс расового равенства (КРР) — с 1942 года пользуется методами Ганди. Значительно лучше он был знаком с подходами Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН), юридический отдел которой, возглавляемый Тергудом Маршаллом, так много сделал для того, чтобы равноправие было признано судебными инстанциями США.

Уолтер Макколл, соученик Кинга по Морхаусу, также поступил в Кроуцеровскую семинарию. Во время учебы они часто собирались, двумя парами, со своими подругами. Однажды вечером они вчетвером поехали на машине в соседний штат Нью-Джерси. Когда они пересекли мост через реку Делавэр и подъехали к поселку Мейпл-Шейд, расположенному чуть восточнее Камдена, Макколл вдруг воскликнул:

— О Боже, как же я проголодался!

— По-моему, впереди приличный ресторанчик, если, конечно, судить по внешнему виду, — сказала одна из девушек.

— Мне подходит, — ответил Кинг и свернул к ресторану.

Они вышли, уселись за столик и стали ждать, когда к ним подойдут. Некоторое время спустя Макколл сказал:

— По-моему, нас не замечают.

— Похоже на то, — ответил Кинг. — И по-видимому, мы тут единственные черные.

— Что будем делать? Заедем еще куда-нибудь?

— Нет, давай досидим до конца. Девушки тоже согласились посидеть.

Владелец заведения сначала общими фразами, а потом вполне определенно дал им понять, что он не намерен их обслуживать.

— Я думаю, вам лучше уйти, — заявил он и, пожав плечами, отошел прочь.

Обе негритянские пары упрямо продолжали сидеть. Хозяин вернулся.

— Я хочу, чтобы вы убрались отсюда, — сказал он, краснея от гнева.

Они не двинулись с места. Хозяин пришел в сильнейшее возбуждение и начал кричать. В руке у него появился пистолет. Он кинулся к двери, распахнул ее, выстрелил в воздух и заорал:

— Я убью и за меньшее!

Молодые люди проводили своих подруг до машины, и те уехали. Затем приятели вернулись в ресторан в сопровождении полицейского, который арестовал хозяина. Пострадавшие обошли людей, сидевших в зале.

— Вы видели, что произошло? — спросил Мартин у мужчины и женщины, чьи лица показались ему наиболее симпатичными.

—Э-э-э... нет, мы ничего не видели, простите, — ответил мужчина.

В конце концов им удалось найти трех белых студентов из Пенсильванского университета, которые согласились дать показания.

Камденское отделение НАСПЦН обратилось в суд с иском к хозяину ресторана, который нарушил одну из статей Гражданского кодекса штата Нью-Джерси. Адвокат ассоциации уверил Кинга и его друзей в том, что их дело очень легко выиграть. Однако свидетели позже отказались от своих показаний, и дело повисло в воздухе. Стало ясно, что судебный процесс — не самый простой и эффективный способ лечения расовой ненависти. Работу органов правосудия надо, как минимум, подкреплять другими действиями. Может быть, следует применять методы Ганди? И хотя сам инцидент ничем не закончился, он серьезно повлиял на Мартина Кинга.

Он упорно занимался, чтобы и в последний год учебы

удержаться в отличниках. Учебная программа включала в себя психологию религии, социологию и обществоведение, а также христианскую этику. Это побудило Кинга изучить труды Рейнгодда Нибура, американского теолога, который начинал как последователь социального евангелизма Раушенбаха, но в 30-е годы отказался от идей пацифизма в пользу взглядов, которые он и его соратники назвали «христианским реализмом». Когда Мартин принялся размышлять над критическими замечаниями Нибура в адрес пацифизма, до него вдруг дошло, сколь близкими ему стали идеи ненасилия. Поначалу Нибур привел его в состояние замешательства. Он увидел в его сочинениях «необычайную способность постигать человеческую природу и в особенности поведение наций и социальных групп». Кроме того, Нибур не позволял ему забывать, что мотивы человеческого поведения чрезвычайно сложны, что люди могут совершать ужасные поступки, сохраняя при этом способность делать добро. В конце концов Мартин понял, что Нибур слишком зациклен на греховности человеческой природы, и потому счел его отказ от пацифизма не обоснованным.

В июне 1951 года Кинг добился поставленной цели: он стал бакалавром богословия. Помимо того что он удостоился чести произнести прощальную речь от имени всего курса, он стал победителем двух академических конкурсов и получил премию Перла Плафкнера за выдающиеся успехи в учебе, а также стипендию имени Льюиса Кроуцера в размере 1200 долларов. Эту стипендию он мог использовать для завершения учебы в любом университете страны по собственному усмотрению. По случаю окончания семинарии отец подарил ему новенький зеленый «шевроле».

Когда тем летом он вернулся в Атланту, знакомые пытались уговорить его остаться в городе. Доводы были примерно такие: «Ты и так уже долго учился. Твоего образования с лихвой хватит на то, чтобы быть проповедником. Смотри, как бы не переучиться, а то совсем оторвешься от тех людей, которые ходят в церковь». Мартин, однако, с улыбкой отвечал: «У меня в кармане стипендия в тысячу двести долларов. Вы что, хотите, чтобы я ее выбросил?»

Разумеется, отец тоже хотел, чтобы он остался в Атланте. Еще год назад он своей властью перевел Мартина из помощников пастора в заместители. Старшему Мартину шел всего пятьдесят второй год, но он уже думал о том, чтобы уйти на покой. Его церковь была своеобразным семейным предприятием, а в А. Д., младшем сыне, он не видел преемника. А. Д., по мнению отца, слегка сбился с пути, когда вопреки родительской воле бросил колледж и женился на Наоми Барбер, которую любил с детства. И

хотя А. Д. также стал баптистским священником, ни он сам, ни тем более отец не рассматривали его кандидатуру в качестве продолжателя династии. Для этой роли куда больше подходил молодой Мартин, уже проявивший свои способности и в Эбенезере, и в Морхаусе, и в Кроуцере. Оставалось дождаться, пока он добьется докторской степени. С наступлением осени Мартин, получив отцовское благословение, загрузил в машину свои нехитрые пожитки и снова поехал учиться.

Для завершения учебы он выбрал Бостонский университет, известный как бастион либеральной теологии и философии персонализма, к которой Мартин испытывал тягу. Одним из ведущих представителей персонализма в Америке был Эдгар Шеффилд Брайтмен. Для него Господь Бог не был абсолютной силой, которая управляет Вселенной из своего невидимого далека. В монографии «Проблема Бога» он писал, что Господь является непосредственным участником бытия, «выступая как сила, которая достигает свои цели вопреки противодействию». Таким образом, личность проявляется не как некая заданная ценность или неизменяемая сущность; напротив, она достигает самораскрытия и идентификации только в процессе борьбы и роста.

Мартину не суждено было долго учиться у Брайтмена: в 1953 году профессор скончался. Однако и Брайтмен, и его коллега Л. Гаролд Деволф оставили глубокий след в сознании Мартина. Всю свою жизнь он верил в такого Бога, который уважает личность и ценит душу каждого человеческого существа. Под влиянием Брайтмена Кинг взялся за изучение гегелевской концепции всемирно-исторической личности, способной воплотить волю Мирового Духа и двигать таким образом историю человечества к предначертанной ему судьбе. Он не сомневался, что Ганди явил собою образец подобной личности. В любом случае гегелевское понимание истории как диалектического процесса импонировало ему больше, чем исторический материализм Маркса. В отличие от последнего, в учении Гегеля нашлось место и Богу, и человеческой личности.

Здесь же, в Бостоне, Кинг познакомился с творчеством философов-экзистенциалистов Жан-Поля Сартра, Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера, а также уточнил свое отношение к Ницше. До встречи с Мордесайей Джонсоном та беспощадная критика, с которой Ницше обрушивался на то, что он сам называл «христианским раболепием», на время поколебала веру Мартина в силу любви. Читая экзистенциалистов, он нашел в них кое-какие детали, которых ему так недоставало в грандиозных и абстрактных видениях Гегеля. Благодаря экзистенциалистам он

также заинтересовался теологией Пауля Тиллиха. Из всех достижений философии экзистенциализма Мартин позднее выделил «ее внимание к тому ощущению тревоги и враждебности, которое человек постоянно испытывает в своей личной и общественной жизни, если ему выпало существовать в беспокойное, непредсказуемое время». Под научным руководством профессора Девольфа Кинг в качестве темы для кандидатской диссертации выбрал сопоставительный анализ концепции Бога в теологии Пауля Тиллиха и в работах Генри Нилсона Уимена, сторонника эмпирической, естественнонаучной теологии.

Приехав в Бостон, Мартин сначала снял комнату довольно далеко от университета. Однако во время второго семестра он решил снимать квартиру на двоих с Филипом Линадом — выпускником Морхаусского колледжа, который теперь учился в Тафтсе на богословском факультете. Они вселились в апартаменты весьма приличных размеров на Массачусетс-авеню, прямо напротив танцевального зала «Савойя». Линад очень вкусно готовил, а Мартин без особых возражений мыл посуду. Иногда по вечерам они вместе со своими подругами ходили куда-нибудь развлекаться, например в «Тотем Поул». Филип Линад и Мартин Кинг прекрасно уживались друг с другом. Они выявили целый ряд общих интересов. Круг их общения состоял из дюжины негритянских студентов из разных учебных заведений, которые учились в Бостоне и в его окрестностях. Пятничными или субботними вечерами эта компания собиралась в «Философском клубе». Слухи о ней постепенно распространились, и она начала разрастаться, превращаясь в своеобразный клуб, который вскоре перестал быть и чисто негритянским, и сугубо мужским.

Хотя к этому времени Кинг уже провел на Севере три с половиной года, в душе он так и остался южанином. Вкусы его оставались вполне космополитическими: он мог получать удовольствие от блюд разных национальных кухонь, но все же любимыми у него были ветчинные рульки и овощные рулеты, приготовленные так, как это делается на Юге. Больше всего в Бостоне ему нравилось обедать в «Западной закусочной», где мулатка из Кентукки по имени миссис Джексон отлично готовила «чисто негритянскую еду», которую он так любил. Здесь он чувствовал себя как дома. В феврале 1952 года, например, он был здесь с Мери Пауэлл.

— Мери, — сказал он, — мне хотелось бы познакомиться с девушкой с Юга. Ты ведь знаешь, бостонские девочки совсем не похожи на наших. Те, что мне попадались, были ужасно чопорными.

Через два дня Мери Пауэлл сказала Мартину, что может познакомить его с двумя девушками. Одну из них он уже знал. Другую, приехавшую из Алабамы, звали Коретта Скотт. Она недавно закончила учебу в Антиохском колледже и теперь учится пению в консерватории Новой Англии.

— Она очаровательна, — сказала Пауэлл.

— Звучит заманчиво.

— Я спрошу ее, можно ли дать тебе номер ее телефона, — пообещала Пауэлл.

— Когда будешь с ней разговаривать, не забудь замолвить за меня словечко, — со смехом напомнил ей Мартин.

— Не волнуйся, уж я-то постараюсь.

Коретта оказалась не просто симпатичной девушкой с красивым голосом. Подобно Мартину, она была вторым ребенком в семье с тремя детьми. Ее отец был преуспевающим фермером и владельцем магазина. Но в отличие от Кингов ему пришлось в начале тридцатых годов нелегко. В округе Перри, расположенном в 60 милях к западу от Монтгомери и всего в нескольких милях к северу от Селмы, около 7000 белых хорошо обеспеченных граждан наслаждались всеми преимуществами демократии по-алабамски, тогда как 20 000 чернокожих жителей перебивались случайными заработками. Для того чтобы преуспевать здесь, цветному землевладельцу надо было обладать не только незаурядной предприимчивостью, но и мужеством. Скотты демонстрировали оба этих качества. Они выдержали контрнаступление белых в 1880-е годы и сумели удержать свои позиции в течение всего того долгого периода, когда ночные вылазки ку-клукс-клана сеяли ужас в душах освобожденных рабов. Когда Коретта была маленькой, ее отец Обадия Скотт, приходя с работы домой, часто рассказывал об угрозах, которые ему пришлось выслушать минувшим днем. Время от времени белые останавливали его на дороге и пугали оружием. Дети постоянно испытывали беспокойство и страх, не зная, вернется ли он домой живым и здоровым сегодня после работы.

В отличие от Мартина, Коретта обладала буйным нравом. Она росла сорвиголовой и, не раздумывая, бросалась на своих сверстников с кулаками, а то и с палкой или даже с мотыгой, если чувствовала себя обиженной. С юных лет она много читала. Поучившись недолго в маленькой деревенской школе, она поступила в школу имени Линкольна — миссионерское учебное заведением в Мэрионе, где работали как белые, так и цветные учителя. Здесь она впервые увлеклась музыкой. Закончив школу в 1945 году, Коретта, которой исполнилось восемнадцать лет, сразу отправилась в Йеллоу-Спрингс, штат Огайо, на учебу в

Антиохский колледж; как и Мартин Кинг, она получала стипендию.

В Бостоне она чувствовала себя весьма одиноко. Разочаровавшись в баптистской церкви, которую она знала с детства, она обдумывала возможность перехода к квакерам. Когда Мери Пауэлл сообщила ей, что с ней хотел бы встретиться молодой священник из Атланты, она представила себе набожного, ограниченного провинциала, который только и делает, что цитирует Библию, и сразу же ответила:

— Спасибо, нет!

Мери, однако, без боя не сдалась и продолжала нахваливать Мартина до тех пор, пока Коретта в конце концов не согласилась.

Вскоре после этого у нее раздался телефонный звонок и приятный баритон с ходу заявил ей:

— Перед могуществом ваших чар я чувствую себя, как Наполеон под Ватерлоо.

— Это глупо, — сказала она. — Ведь вы меня даже не видели.

— Ваша репутация намного опережает вас, — ответил Мартин.

Их разговор длился двадцать минут, и она согласилась встретиться с ним на следующий день.

Мартин встретил ее в полдень у консерватории. Она почему-то думала, что он выше ростом; впрочем, ей понравился аристократизм его манер. За обедом они сначала поговорили о музыке, затем разговор перешел на тему капитализма и коммунизма. Коретта свободно ориентировалась в предмете. Мартин буквально лучился от радости, глядя на нее: «О-о-о! Мало того что вы привлекательны, вы еще и умны!» Он хотел бы вскоре снова увидеть ее. Она предложила пойти завтра вместе на вечеринку, на которую была приглашена.

Мартин подвез Коретту домой. Машина остановилась, и он повернулся к ней:

— В вас есть все, что я хотел бы видеть в своей будущей жене.

От изумления она промолчала. Однако и сам Мартин был поражен своими словами едва ли меньше, поскольку прежде о женитьбе никогда не думал.

За последовавшие несколько месяцев они стали неразлучны. Они повсюду ходили вместе: на концерты, в кинотеатры, в «Западную закусочную». Иногда они просто вместе сидели, каждый над своей книгой. Так они привыкали к жизни вдвоем, узнавали друг друга. Они выяснили, что близки по религиозным взглядам, и не только потому, что выросли в лоне одной — баптистской — конфессии. В Коретте Мартин нашел очень близкого себе человека, родную душу, способную прислушиваться

к нему и понимать ход его мысли. А Коретту впечатлила та решительность, с которой он шел навстречу своей судьбе, рассчитывая не только помочь «своей расе», но и сослужить службу всему человечеству. Она стала видеть в нем воплощение своих устремлений и идеалов. Они полюбили друг друга.

Коретта в течение многих лет мечтала о жизни на сцене. Когда она познакомилась с Мартином, ей и в голову не приходило думать о замужестве. Но Мартин уверил ее, что она сможет продолжить занятия в консерватории и что замужество не помешает ее концертной деятельности, если она захочет выступать. Друзья из консерватории, напротив, предостерегали ее, призывая не принимать всерьез его обещания. Обязанности пасторской жены, говорили они, не оставят ей времени для занятий пением. В мрачных красках описывалось, как она увязнет в домашних делах.

Но она знала только то, что очень сильно любит Мартина. Коретта обдумывала все долго и мучительно, молясь Богу, чтобы он помог ей сделать правильный выбор. «Люблю ли я его настолько, чтобы пойти на серьезную жертву?» — спрашивала она себя. Да, она любила его и была готова жертвовать многим. «Могу ли я расстаться с ним и жить без него, не тоскуя?» Нет, жить без Мартина она уже не могла. Поэтому Коретта решила совместить карьеру и замужество, а если жизнь заставит выбирать, то отказаться от карьеры.

Когда закончился весенний семестр, Мартин и Коретта отправились домой. Их свадьба для округа Перри стала важным событием. Ничего похожего здесь давно уже не происходило. Церемония бракосочетания состоялась 18 июня 1953 года. Обряд был совершен преподобным Мартином Лютером Кингом-старшим на лужайке пред домом семейства Скотт. Брат жениха А. Д. исполнил роль шафера. После медового месяца новобрачные обосновались в четырехкомнатной квартире в Бостоне неподалеку от консерватории. Коретта возобновила занятия пением. Она решила учиться по сокращенной, трехлетней программе. Мартин большую часть времени проводил дома, работая над диссертацией. По четвергам, когда Коретта училась допоздна, Мартин готовил ужин.

Следующим летом им предстояло покинуть Бостон. Мартин получил много предложений, им было из чего выбирать. Мартин мог, если бы захотел, стать деканом в одном колледже и преподавателем — в другом. Еще один колледж предложил ему административную должность. Ему нравилась преподавательская деятельность, но после обсуждения этого вопроса с Кореттой он решил стать проповедником, как Бенджамин Мейс. Но в каком

приходе? Коретта уговаривала его ехать на Север. Югом она уже была сыта по горло. Но Мартин решил иначе, и они отправились на Юг — так велел ему долг. Из двух предложенных приходов он выбрал баптистскую церковь на Декстер-авеню в Монтгомери, столице штата Алабама. Во-первых, отсюда можно было доехать на машине менее чем за два часа до родителей Коретты. Во-вторых, среди прихожан Декстера было немало преподавателей Алабамского университета и высококвалифицированных специалистов. Интеллектуальный уровень здешней общины был выше среднего, а поведение паствы во время богослужений не столь эмоциональным. В январе 1954 года Мартин прочитал в Монтгомери свою первую проповедь, названную «Совершенная жизнь в трех измерениях».

Взяв за основу Апокалипсис, Мартин Кинг начал: «Иоанн был заточен на маленьком, Богом и людьми забытом острове Патмос, где из всех свобод его не лишили только свободы мысли. Но при этом Иоанн не сосредоточился ни на жалости к себе, ни на воспоминаниях о своей прожитой жизни. Он грезил о новом Иерусалиме, о подлинно святом Граде Божьем на Холме. Описывая его внешний вид, Иоанн замечает, что его длина, ширина и высота равны между собой». Эту триаду Кинг и сделал основным мотивом своей проповеди. «Продолжительность жизни измеряется стремлением человека достичь своих собственных, личных целей... Широта жизни обусловлена подлинной заботой человека о благосостоянии других людей. А высота жизни определяется желанием постичь самого Бога. Жизнь человека в принципе представляет собой треугольник, состоящий из этих трех сторон. Одна вершина — это его собственная личность. Другая вершина — окружающие его люди. А угол вверху — всегда бесконечная личность Творца. Без должного развития каждой из сторон никакая жизнь не может быть полной и совершенной».

После общей характеристики этих измерений Кинг перешел к дидактического плана сентенциям: «Любите себя, если это означает разумное, здравое желание блюсти собственные интересы. Это заповедано вам Господом. Любите своего ближнего, как вы любите самих себя. Эта любовь тоже заповедана вам. Однако при этом никогда не забывайте, что имеется еще одна, еще более важная заповедь: «Любите Господа всем сердцем, всеми силами своей души и ума». Только усердно, кропотливо выполняя эти заповеди, мы можем надеяться на приближение к полноте и совершенству жизни».

В мае 1954 года Верховный суд Соединенных Штатов вынес эпохальное решение, запрещающее сегрегацию в государственных и муниципальных школах. В том же месяце преподобный Мартин

Лютер Кинг-младший стал пастором. При этом ни Верховный суд, ни двадцатипятилетний пастор не могли знать, что эти два события станут искорками, из которых разгорится пламя негритянской революции.

Глава 3.
Путь к Величию

Преподобный Мартин Лютер Кинг-младший с супругой переехали в Монтгомери на постоянное место жительства 1 сентября 1954 года. Пока пасторский дом на Саут Джексон-стрит, 309, перестраивался, они остановились в доме одного из членов церковной общины. Коретта с детства была знакома с этим городом, тогда как Мартин здесь прежде не бывал — только проездом.

На главной площади, в самом центре Монтгомери было расположено белое здание, впечатляющее своими формами и увенчанное высоким куполом в георгианском стиле, — местный Капитолий. Через десять лет после постройки в 1851 году это белокаменное здание стало цитаделью белого превосходства: здесь 7 января 1861 года законодательное собрание штата Алабама проголосовало за отделение от США. И здесь же, на ступенях Капитолия, 18 февраля состоялась инаугурация Джефферсона Дейвиса в качестве Президента Конфедерации Штатов Америки, а затем было поднято на флагшток знамя Конфедерации. В этих стенах была составлена в высшей степени прогрессивная Конституция Алабамы периода Реконструкции. И в течение семи лет как белые, так и черные жители штата продолжали обсуждать и утверждать все новые и новые ее статьи. Именно в этот краткий, полный надежд, бурный период было построено прочное кирпичное здание церкви на Декстер-авеню прямо напротив Капитолия. Однако к 1954 году, когда сюда прибыл Мартин Кинг, в законодательном собрании штата уже в течение 79 лет не было ни одного негра. От периода Реконструкции и от Конституции того времени не осталось и следа. Власти штата и столичного муниципалитета были бастионами белых — правительством белых, работающим только во благо белых граждан.

В течение нескольких лет, предшествующих появлению Кинга в городе, лишь один из четырнадцати работающих жителей Монтгомери (а именно: вольнонаемные гражданские лица, трудившиеся на авиационных базах Гантер и Максвелл) ежедневно и вполне безнаказанно находился в ситуации расовой интеграции. Но базы были исключением — военным государством в государстве. Во всех остальных местах сегрегация не просто преобладала, но и чувствительно угнетала цветное население, омрачая его существование. Хотя негры составляли

более 40 процентов от 120 000 зарегистрированных в нем жителей, их средний доход — 970 долларов в год составлял половину среднего дохода белых горожан. Две трети работавших негритянских женщин трудились в качестве прислуги в домах белых хозяев. Около половины трудоустроенных негров-мужчин также были слугами или же неквалифицированными рабочими. Большинство белых имели автомобили, тогда как среди цветных машинами владели единицы. 70 процентов пассажиров автобусов составляли чернокожие. Однако логика белой власти диктовала такие законы, что только белое меньшинство могло рассчитывать на нормальное пользование городским транспортом. Первые четыре места в каждом автобусном салоне были предназначены исключительно для белых. Только белые могли входить в автобус через переднюю дверь. Белые имели право требовать, чтобы цветные освобождали любые занятые ими места вне зависимости от их возраста, пола или состояния здоровья. Причем — по первому требованию. Цветные должны были оплачивать проезд через переднюю дверь, а затем заходить в салон через заднюю дверь, если, конечно, они успевали добраться до нее прежде, чем автобус отъезжал. Все эти правила свидетельствовали о том, как мало изменилась здесь жизнь с того времени, как завершился период Реконструкции. Такова была ситуация, когда Мартин Лютер Кинг стал пастором в церкви на Декстер-авеню.

Прихожане церкви на Декстер-авеню принадлежали к высшим слоям черной общины Монтгомери. Негритянская элита, однако, была малочисленной. Особенно если сравнить ситуацию с Атлантой, где цветная интеллигенция находилась в самом центре экономической и культурной жизни. Конгрегация Мартина Кинга насчитывала 300 прихожан, что было в десять раз меньше, чем в приходе его отца. Однако среди прихожан Кинга-младшего было много преподавателей и студентов — в основном из Университета Алабамы. Став пастором этого прихода, Кинг автоматически стал лидером черной элиты города и сконцентрировал в своих руках весьма серьезную силу.

Прежде эта сила применялась не очень эффективно. Элита опасалась за свой статус и не претендовала на руководство всем этническим движением. Церковь на Декстер-авеню называли «церковью для крупных шишек». Главной своей обязанностью прежний ее священник считал традиционное религиозное воспитание. Союз баптистов приучал рядовых верующих к активному участию в общественной жизни, но участие это ограничивалось внутренними делами самого прихода, например организацией библейских чтений и т. п. Контакты Миссионерского общества ограничивались общением с прилично

одетыми людьми. В числе своих первых шагов Мартин Лютер Кинг организовал в своем приходе целый ряд комитетов, а именно: комитет социального обеспечения для помощи больным и нуждающимся, комитет религиозного воспитания, комитет по культуре, комитет по распределению стипендий и грантов среди выпускников средней школы, а также социально-политический комитет, главными задачами которого стали организация встреч, посвященных текущим событиям, привлечение членов прихода к деятельности Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, ведение учета и контроля за регистрацией избирателей, а также «информирование прихожан об общественно-политической и экономической ситуации».

Молодой священник сам стал членом местного отделения НАСПЦН, принимал активное участие в его работе, организовывал сбор средств для ассоциации среди своих прихожан, выступал в речами на ее собраниях в Монтгомери и в других городах штата. Одновременно он вошел в состав Совета Алабамы — организации, занимавшейся гуманитарными вопросами. В штате это была одна из немногих организаций, в которую входили и белые, и черные. Совет имел прямые связи с Южным региональным советом. Немногочисленный по составу, совет напоминал островок либерализма, окруженный со всех сторон врагами. В него входили в основном либералы, посвятившие свою жизнь созданию равных условий для негров. Сторонники сегрегации относились к совету с нескрываемой враждебностью. Его председателем был белый южанин — преподобный Рой Уэддли. Члены прихода, недовольные его «предательством», добились его отстранения от обязанностей пастора методистской церкви Св. Марка, а церковные власти перевели его в один из самых захолустных приходов. Но пока он еще находился в Монтгомери, Мартин Кинг был избран вице-председателем совета, в состав которого входили еще двое белых — Томас П. Трэшер и Роберт Гретц. Оба они проповедовали в негритянских приходах.

В первый год пребывания в Алабаме Кинга избрали в члены совета Монтгомерского отделения НАСПЦН. Его выдвигали на должность руководителя этого отделения, но Коретта уговорила мужа не брать на себя лишней ответственности. Он и так уже был загружен работой. По утрам, до начала служб в церкви, он писал диссертацию, которая в окончательном виде разрослась до 343 страниц. Защитив ее 5 июня 1955 года, Кинг получил степень кандидата богословия.

Освоившись с новой для себя ролью пасторской жены, Коретта сумела найти время для пения. В ноябре 1954 года она

выступила с концертом в церкви Брунсвика, а 6 марта следующего года состоялся ее дебют в Монтгомери — в помещении Первой баптистской церкви, с проповедником которой Ралфом Д. Эйбернети семейство Кингов подружилось. Но вскоре беременность заставила ее прекратить концертную деятельность. Коретта с удивлением обнаружила, что ей все больше и больше нравится хозяйничать по дому.

Семейная жизнь Кингов понемногу обустраивалась, но вокруг сгущались тучи. История готовила сцену для постановки очередной своей драмы. Во всех штатах «глубокого Юга» началось формирование Советов белых граждан, члены которых намеревались противодействовать решению Верховного суда о совместном школьном обучении детей, принадлежащих к разным расам. В ответ региональные отделения НАСПЦН готовились добиться исполнения решений Верховного суда через местные суды. Обстановка накалилась, когда 28 августа 1955 года в Миссисипи линчевали четырнадцатилетнего негритянского подростка из Чикаго. Это происшествие придало новый импульс негритянскому движению, которое приняло общенациональный характер. Негры стали повсеместно требовать, чтобы соблюдение их гражданских прав гарантировалось федеральным правительством.

В 1954 году Верховный суд США пересмотрел свое собственное отношение к доктрине «отдельных, но равных» рас, бывшей в ходу с 1896 года. Это решение подрывало законодательную основу белого превосходства. В 1896 году лишь немногие белые люди в Соединенных Штатах осмеливались открыто выступать даже против судов Линча, а общенациональные журналы типа «Харперс» выражали сочувствие не жертвам насилия, а их мучителям. К 1955 году этические представления американцев настолько изменились, что ни один политик национального масштаба не посмел бы публично одобрить расизм. Даже расисты-южане утверждали, что их тоже заботит проблема установления расовой справедливости.

С предшественником Кинга — преподобным Верноном Джонсом однажды произошел характерный инцидент. Он занял в автобусе место, предназначенное для белых. Водитель остановил автобус и приказал Джонсу пересесть назад. Услышав отказ, водитель потребовал, чтобы он покинул автобус, и отказался возвратить ему стоимость проезда. Разгневанный священник обратился к пассажирам-неграм, чтобы они в знак протеста вышли из автобуса вместе с ним. Никто не шелохнулся. Позднее его знакомая, которая также ехала в этом автобусе, сказала ему, что негры решили, что «он уж слишком много на себя берет».

Но постепенно негры стали набираться смелости. Почувствовав, что привычное положение вещей оказалось под угрозой, кое-кто из белых принялся отстаивать его со все возраставшей демонстративностью. Несомненно, далеко не все белые проявляли жестокость, но, когда, например, пятнадцатилетняя школьница Клодетт Колвин была закована в наручники и посажена за решетку за то, что отказалась уступить место белокожему пассажиру, белые граждане не предприняли никакой попытки уладить это дело. Черная община Монтгомери была возмущена. Мартин Кинг согласился участвовать в работе комитета, который потребовал официально разобраться как с этим, так и с другими подобными правонарушениями. В марте членов комитета приняли комиссар полиции Дейв Бирмингем и управляющий городским общественным транспортом Дж. И. Бэтли. Бэтли пообещал вынести выговор водителю, спровоцировавшему арест Клодетты, а Бирмингем согласился, что городская прокуратура должна вынести специальное постановление, в котором уточнялись бы правила поведения в муниципальном транспорте. Оба не сдержали своих слов. Ясно, что они хотели просто успокоить негритянских лидеров. Власти не издали никаких новых постановлений насчет городского транспорта. Девочка была осуждена, а водители автобусов продолжали вслух обзывать чернокожих пассажиров «ниггерами», «черными обезьянами» или «черными коровами». В течение 1955 года пять женщин и двое подростков были арестованы, а один мужчина был застрелен из-за того, что они отказались подчиниться требованиям водителей автобусов.

Любое из этих происшествий способно было вызвать волну негодования, но этого не случилось. Роль последней капли сыграл заурядный конфликт. В четверг, 1 декабря 1955 года Роза Парке, которая работала швеей в одном из универсальных магазинов, возвращалась домой. Она была в числе четырех негров, сидевших сразу за местами, зарезервированными для белых. Вскоре в автобус вошла группа белых пассажиров, и водитель велел неграм перейти в заднюю часть салона, то есть встать и ехать дальше стоя. Ноги миссис Парке болели от усталости, и она не испытывала сильного желания уступать место кому-либо из мужчин. Другие три негра встали, но миссис Парке отказалась, сохраняя спокойствие и достоинство. Шофер вызвал полицейского, который забрал швею в участок, составил протокол, в котором она обвинялась в нарушении муниципального закона о сегрегации, и отпустил ее под залог, обязав явиться в суд в ближайший понедельник, 5 декабря.

Парке в городе знали многие. Когда И. Д. Никсон был

председателем комитета НАСПЦН в штате Алабама, она работала у него секретарем и прекрасно умела общаться с людьми. По словам доктора Кинга: «Она была очаровательной жизнерадостной женщиной с мягким голосом и способностью оставаться невозмутимой в любой ситуации. Ее характер и поведение были безупречными, а преданность делу — очень глубокой».

Миссис Парке обратилась к И. Д. Никсону с просьбой помочь ей с залогом. Никсон — ветеран Братства носильщиков на пассажирских железнодорожных линиях дальнего следования был известен своей непримиримостью к сегрегации. Он вырос в боевой обстановке первой половины 40-х годов и вместе с А. Филипом Рэндолфом мечтал об организации марша на Вашингтон. Как деятель профсоюза он обладал опытом забастовок и бойкота, а как последователь Рэндолфа знал немного о Ганди и о его движении ненасильственного сопротивления. Сидя той ночью на краю кровати, он сказал жене:

— Знаешь, я думаю, что каждый негр в городе в течение одного дня должен воздержаться от поездок в автобусе в знак протеста против задержания миссис Парке. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что тебе надо перестать фантазировать, — ответила жена. — Выключай свет и спи.

Но Никсон не был единственным «фантазером» в городе. Члены Политического совета женщин, обзвонив друг друга, обсудили идею по телефону, а затем сообщили Никсону, что они поддерживают его инициативу. На следующее утро, в пятницу, Никсон первым делом позвонил Ралфу Дэвиду Эйбернети, пастору Первой баптистской церкви. Эйбернети родился и вырос в округе Маренго, в той же части сельского «черного пояса», что и Коретта Кинг. Во время Второй мировой войны он дослужился до сержанта, а затем завершил свое образование в университетах штата Алабамы и города Атланты. Он был человеком сугубо практическим и посему с готовностью принял предложение Никсона насчет бойкота автобусов.

Затем Никсон позвонил доктору Кингу и пересказал ему содержание своего разговора с Эйбернети. Для Мартина момент представлялся не самым подходящим: всего две недели назад Коретта родила их первого ребенка — девочку по имени Иоланда Дениз. Тем не менее он, не раздумывая, согласился присоединиться к Никсону и Эйбернети, и более получаса они перезванивались друг с другом, обсуждая план действий. К этому времени известие об аресте миссис Парке достигло бильярдных и баров. Наиболее горячие головы принялись затачивать ножи,

смазывать пистолеты и собирать целые арсеналы бейсбольных бит и дубин с шипами. Крутые парни чувствовали, что пришло время действовать. «Необходимо прочистить мозги кое-кому из водителей автобусов», — говорили они. Возникла угроза расового бунта, что заставило священнослужителей как можно скорее выработать тактику цивилизованных действий. Общее собрание в церкви на Декстер-авеню было назначено на 19. 30 того же вечера.

Никсон с несколькими помощниками тем временем распечатал и распространил листовки следующего содержания:

«5 декабря не пользуйтесь автобусами, отправляясь на работу, в центр города, в школы или в какое-либо иное место Монтгомери.

Еще одна негритянка была арестована и отправлена за решетку за то, что отказалась уступить свое место в автобусе... Приходите на общее собрание в понедельник в 19 часов в Первую баптистскую церковь на Холт-стрит для получения дальнейших инструкций».

Никсон не мог прогулять свою смену на железной дороге. Поэтому вместо него председательствовал на собрании преподобный Л. Рой Беннетт, президент Межконфессионального союза священников. После короткой молитвы Беннетт взял слово и предложил поддержать выдвинутую в листовке идею проведения однодневного бойкота автобусов. Среди сорока с лишним человек, принявших участие в собрании, были лидеры всех социальных слоев негритянской общины. Они одобрили этот план. На следующее утро на ротаторе в церкви доктора Кинга было отпечатано еще 7000 листовок, и к полудню их распространили в черных кварталах. Между тем одна из листовок Никсона оказалась в редакции местной белой газеты «Монтгомери эдветизер». Было решено перепечатать ее на первой странице, что невольно поспособствовало ее широкому распространению.

Подготовка к бойкоту началась незамедлительно. Подкомитет связался с неграми, владевшими таксопарками, и они согласились предоставить в распоряжение организаторов бойкота 210 машин, чтобы перевозить людей за 10 центов с человека, то есть по средней цене автобусного проезда. Во время утренней воскресной службы призыв присоединиться к бойкоту прозвучал во всех негритянских церквях. Ко второй половине воскресного дня практически каждый негр в Монтгомери тем или иным образом узнал о бойкоте, назначенном на следующий день.

Первый автобус проезжал мимо пасторского дома Кингов в 6 часов утра. Мартин находился на кухне, когда Коретта крикнула

ему:

— Мартин! Мартин! Иди сюда быстрей!

Он прибежал в гостиную и увидел жену, стоявшую с вытянутой рукой. Она показывала на проезжавший пустой автобус.

— Это здорово! — улыбнулся он, но тотчас же погасил улыбку. — Надо дождаться следующего.

Ни во втором, ни в третьем автобусах негров не оказалось. Почувствовав возбуждение, Мартин запрыгнул в свою машину и прокатился по городу, рассматривая автобусы. За час он насчитал восемь темнокожих пассажиров, и это в то время суток, когда автобусы обычно бывали набиты ими битком. В 9. 30 Мартин подъехал к зданию полицейского суда. Дело миссис Парке было уже рассмотрено. Ее признали виновной и приговорили к штрафу в 10 долларов плюс 4 доллара на судебные издержки. Она подала апелляцию. Впервые за многие годы при рассмотрении подобного дела суд обратился к закону о сегрегации. Обычно подсудимые обвинялись в нарушении общественного порядка. Однако такую женщину, как миссис Парке, было бы трудно обвинить в антиобщественном поведении. В этой связи дело миссис Парке должно было стать идеальным показательным процессом.

Никсон и Эйбернети прибыли на совещание руководства в понедельник во второй половине дня с предложением создать новую городскую негритянскую организацию, чтобы она направляла и координировала все последующие действия темнокожей общины. Будучи вдохновленными успехом однодневного бойкота, все с готовностью согласились. После непродолжительного обсуждения Ралф Эйбер-нети предложил назвать эту организацию «Монтгомерской ассоциацией усовершенствования»» (МАУ). Председательствовавший Беннетт объявил выборы руководителя. С задних рядов кто-то крикнул:

— Мистер председатель, я хотел бы предложить кандидатуру преподобного Кинга на должность президента ассоциации.

Мартин был удивлен. Будь у него время на размышление, он взял бы самоотвод. Всего за три недели до этого совещания он отказался баллотироваться на пост руководителя местного отделения НАСПЦН. Но сейчас он не смог отклонить предложение. Его избрали единогласно. Кинг не был ни самым радикальным, ни наиболее известным из всех возможных кандидатов. Но он умел понравиться аудитории и не принадлежал ни к какой фракции, что и делало его кандидатуру идеальной, устраивавшей всех.

Мартин Кинг вернулся домой в 18 часов. Если учесть, что ему нужно было около десяти минут на дорогу до церкви на Холт-

стрит, в его распоряжении оставались двадцать минут на подготовку речи, которая «смогла бы придать смысл ощущениям и действиям людей, лишь недавно воспылавших страстью к справедливости». Обычно он готовился к проповеди в течение пятнадцати часов. Чувствуя трудность стоящей перед ним задачи, он пять минут молился Господу, прося Его содействия, а в оставшиеся пятнадцать минут набросал основные положения своей речи.

Церковь была забита людьми с 17 часов, и еще почти четыре тысячи темнокожих граждан толпились снаружи. Около 20.30 Мартина Лютера Кинга пригласили на кафедру. Он рассказал о том, что случилось с Розой Парке, а затем упомянул о множестве предшествовавших этому инциденту аналогичных случаев. «Приходит время, — сказал он, — когда люди устают. Мы собрались здесь сегодня вечером, чтобы сказать тем, кто столь долго и так плохо обращались с нами, что наше терпение лопнуло. Мы устали от сегрегации и унижений, мы устали от железных кулаков угнетателей».

Аудитория аплодровала ему, раздавались одобрительные возгласы. «У нас нет выбора, — продолжал он, — мы должны протестовать. В течение многих лет мы проявляли удивительное терпение. Иногда мы даже давали понять нашим белым братьям, что нам нравится их обращение с нами. Но сегодня мы пришли сюда, чтобы избавиться от примирения с действительностью, которая не дает нам ни свободы, ни справедливости». Эти слова встретил очередной взрыв продолжительных аплодисментов.

«Одно из величайших достоинств демократии заключается в том, что она предоставляет право бороться за правое дело. Советы белых граждан и ку-клукс-клан сражаются за увековечение несправедливости в обществе. Мы боремся за то, чтобы в обществе зародилась справедливость. Их методы борьбы — насилие и беззаконие. Наш протест не завершится сожжением креста. Ни один белый не будет вытащен из дома негритянской толпой, облаченной в капюшоны, чтобы быть зверски растерзанным. Мы не станем никому угрожать и никого не будем запугивать. Мы всегда будем руководствоваться высшими принципами законности и порядка... Наш метод требует убеждения людей, а не их принуждения. Мы хотим, чтобы люди прислушивались к голосу своей совести. В наших деяниях мы должны следовать высочайшим принципам нашей христианской веры. Мы должны научиться руководствоваться любовью к ближнему. Мы вновь должны прислушаться к словам Иисуса, дошедшим до нас сквозь столетия: «Любите врагов своих, благословляйте проклинающих вас и молитесь за тех, кто с

презрением отвергает вас». Если мы забудем это, наша борьба превратится в бессмысленную драму, разыгрываемую на подмостках истории, и память о жертвах будет омрачена отвратительным чувством стыда. Несмотря на плохое к нам отношение, мы не должны ожесточаться и испытывать ненависть к нашим белым братьям. Как сказал Букер Т. Вашингтон: «Пусть никто не доведет вас до такой низости, чтобы вы его ненавидели».

Присутствовавшие вновь принялись громко аплодировать. (Слова на бумаге бессильны передать энергию их непосредственного звучания, когда они произносятся хорошо поставленным баритоном, наделяются сложным внутренним ритмом и отделяются выверенными паузами.)

Доктор Кинг завершил свою речь следующим образом: «Если вы будете протестовать мужественно, но сохраняя чувство достоинства и христианскую любовь, историки, которые начнут писать книги для последующих поколений, будут обязаны остановиться и заявить: «В то время жил великий народ темнокожих людей, которые сумели влить новое содержание и собственное понимание человеческого достоинства в вены старой цивилизации». Такова наша задача!»

Боевитость и сдержанность, негодование и любовь — вот полюса диалектики Кинга. Обе крайности вызывали бурное одобрение. Это была хорошо сказанная речь, адресованная не только тем массам, что собрались в баптистской церкви на Холт-стрит и вокруг нее, но и белым людям, которые могли наблюдать кинохронику событий по телевизору. Она потрясала слушателей остротой, но сулила надежду. В ней осуждались белые, но в ней не было ни злобы, ни враждебности. Она призывала и черных и белых измениться к лучшему. В ней был представлен образ темнокожего мужчины как человека, обладающего чувством достоинства и ответственности. Всем своим поведением Кинг бросал вызов расизму, вдохновляя своих сторонников. Как и Роза Парке, появление которой публика приняла стоя.

В заключение Ралф Эйбернети зачитал требования, предъявляемые городским властям Монтгомерской ассоциацией усовершенствования. Они были весьма умеренными. В них речь шла о необходимости вежливого обращения водителей ко всем пассажирам автобусов, о более гибкой системе распределения сидячих мест и о найме шоферов-негров на те маршруты, где подавляющее большинство пассажиров — темнокожие. Затем Эйбернети предложил продолжать бойкот до тех пор, пока эти требования не будут выполнены.

— Кто за эти предложения, встаньте, — попросил он.

Встали все. Многие подняли вверх руки, приветствуя его многочисленными возгласами.

Во время дневного совещания руководства один осторожный докладчик предложил ограничиться однодневным бойкотом, чтобы не затянуть противостояние, не растратить энергии и не смазать того эффекта, который уже был достигнут. Комитет с этим предложением был склонен согласиться, хотя в конце концов решил оставить вопрос на усмотрение общего собрания. Массы единодушно поддержали идею продолжения бойкота.

Карл Роуэн, в то время работавший репортером в газете «Миннеаполис стар», был одним из первых иногородних журналистов, который прибыл в Монтгомери, узнав о бойкоте. Он подсчитал, что эффективность бойкота в первый его день была равна примерно 80 процентам. Однако затем бойкот не просто продолжался, он становился все более массовым. В течение года его эффективность поддерживалась в целом на уровне 95 процентов. Но еще более удивительным, писал позднее Роуэн, оказался тот факт, что «негритянские священники... сумели совершить невероятное: они оторвали темнокожих хулиганов от азартных игр и прочих сомнительных увеселений и затащили их в церкви. Здесь они принялись распевать псалмы, жертвовали деньги, кричали «Аминь!» и роняли скупые слезы, расчувствовавшись под влиянием особо эмоциональных речей». Чернокожая община сплотилась в единое целое, обрела общность интересов и целей. Совершенно заурядными стали случаи, когда жена какого-нибудь негритянского врача, остановив лакированный «кадиллак», предлагала группе темнокожих служанок воспользоваться услугами ее транспортного средства. В первые недели бойкота некоторые белые тоже, случалось, подвозили негров. Другие белые, наоборот, пытались всячески воздействовать на своих черных слуг, чтобы они отказались от бойкота. Иногда это им удавалось, но в целом негры держались стойко. Многие ходили пешком. Таких были тысячи, и некоторые из них проходили по десять миль в день. И хотя режим белой власти не сдавался, письма в местные газеты свидетельствовали о том, что большинство читателей — пять к одному — поддерживают бойкот. В одном из писем пожилая библиотекарь Джулиетт Морган сравнила тактику негров с той, что использовалась Махатмой Ганди в Индии. Это письмо, опубликованное в «Монтгомери эдветизер» — газете местных сторонников сегрегации, вызвало особый интерес участников бойкота. Это было первое упоминание о Ганди с начала акции.

Переговоры делегации МАУ, возглавлявшейся Мартином Лютером Кингом, с официальными лицами, которые

представляли как муниципальные власти, так и автобусную компанию, начались 8 декабря и продолжались две недели. Затем они прекратились вообще, поскольку оказались совершенно бесполезными. Сначала поведение и высказывания белых представлялись вполне разумными, что и дало доктору Кингу основания полагать, будто с помощью переговоров можно что-то решить. Однако вскоре стало ясно, что власти используют переговоры для оттяжки времени. Джек Креншоу, юрисконсульт автобусной компании, принадлежавшей, кстати, северянам, казался самым непримиримым в составе делегации властей. Возможно, он просто был самым откровенным. Во время бесед без протокола, последовавших после начальной серии переговоров, городской уполномоченный Фрэнк А. Парке заявил: «Я не вижу причин, мешающих нам принять предложение насчет сидячих мест. Мы могли бы согласовать его с нашими законами о сегрегации». Креншоу возразил ему, что в этом случае нельзя будет обойтись без изменения самих законов, и добавил: «Если мы примем это требование негров, они начнут похвалятся своей победой, а вот этого допустить нельзя».

На последней встрече, организованной мэром и его комитетом 19 декабря, доктор Кинг заявил энергичный протест против присутствия на переговорах Лютера Инголлса, секретаря Совета белых граждан Монтгомери. Но через месяц сам мэр города У. А. Гейл объявил о своем вступлении в Совет белых граждан, а 22 января он возглавил силовое подавление движения протеста.

Белые стали распускать слухи, что Кинг, Эйбернети и другие руководители чернокожих прикарманивают деньги, собранные МАУ, что Кинг уже купил себе новый «кадиллак» и многоместный «бьюик». Представители белых распространяли эти россказни среди негритянских священников. Они попытались внушить каждому из своих собеседников мысль, что если бы он сам, лично возглавил бойкот, то все проблемы можно было бы решить за одну ночь; что переговоры были заведены в тупик «молодыми выскочками», решившими убрать со сцены старших коллег. Мартин Кинг, опасаясь, что белым удастся расколоть движение протеста, созвал совещание правления МАУ. Он заявил, что не желает быть помехой на пути решения проблем и что готов уйти в отставку. Он даже предложил кандидатуры двух человек на свое место. Но в ответ получил единогласную поддержку правления МАУ.

Правление проголосовало за то, чтобы идти до самого конца. Это решение оказалось весьма кстати, поскольку в субботу, 21 января, агентство Ассошиэйтед Пресс опубликовало информацию

о материале, который должен был выйти в воскресном выпуске «Монтгомери эдветизер». Находясь в Миннеаполисе, Карл Роуэн с удивлением прочитал, что негры Монтгомери пошли на соглашение, удовлетворившись уверениями в том, что отныне с ними в городском транспорте будут обращаться вежливее. Он тут же позвонил Кингу. Правда же состояла в том, что официальные лица Монтгомери «договорились» с тремя негритянскими священниками, которые не были членами МАУ. Телефонный разговор Кинга с Роуэном состоялся в 20 часов. Кинг тотчас же поставил в известность о провокации правление МАУ, а сам допоздна объезжал негритянские клубы. На следующее утро все негритянские священники, включая даже тех трех, которых белым удалось сбить с толку, опровергли сообщение о мнимом соглашении с кафедры церкви Кинга. Интрига, затеянная отцами города, провалилась. Бойкот продолжился.

Мэр был взбешен тем, что его переиграли. В понедельник он выступил по телевидению, осудив бойкот и предупредив белых хозяев, чтобы они не подвозили своих слуг. Началась кампания запугивания. Полиция стала задерживать водителей-негров. Людям, ожидавшим на обочинах свободных машин, угрожали арестами за бродяжничество или же за создание препятствий, мешающих свободному проезду транспорта. Под таким давлением многие водители отказались от дальнейшего участия в акции, боясь потерять права или страховку. Бойкот все больше и больше превращался в «поход за свободой» в буквальном смысле этих слов. Однажды сам Кинг был арестован и доставлен в тюрьму. Его обвинили в превышении скорости. Он якобы пересек зону с ограничением по скорости до 25 миль в час на 5 миль в час быстрее. Ралф Эйбернети внес за него залог и добился его освобождения из-под стражи.

Одной из примет «ужесточения» политики стали беспрестанные телефонные звонки с угрозами и непристойной бранью. Сначала Кинг не обращал на них внимания, но однажды один из белых друзей по секрету сообщил ему, что это — не пустые угрозы. Мартин ощутил страх. Вскоре после этого разговора он заявил на массовом митинге: «Если вы в один прекрасный день вдруг обнаружите, что я мертв, я хочу, чтобы вы не совершали в ответ никаких актов насилия. Я умоляю вас продолжать протест, сохраняя уже проявленные вами достоинство и дисциплинированность». По дороге домой после митинга Кинг признался в машине Ралфу Эйбернети, что боится. В последние дни ему часто угрожали по телефону, постоянно поддерживая в нем ощущение опасности. Попытки Эйбернети успокоить его успехом не увенчались.

В ночь после ареста Мартин с женой лежали в постели. Коретта уже спала, а Мартин только начал засыпать, как вдруг его разбудил телефонный звонок. Незнакомый голос прорычал в трубку:

— Послушай, ниггер, с тобой нам все ясно. Не пройдет и недели, как ты пожалеешь, что вообще приехал в Монтгомери.

Угроза подействовала. Потеряв сон, Мартин долго просидел на кухне. Он был на грани нервного срыва. Он чувствовал себя опустошенным и никак не мог собраться с мыслями. «Как я могу дать сигнал к отступлению, не потеряв лица? — спрашивал он самого себя. — Как я могу из всего этого выбраться, не обнаружив собственной трусости?» Измученный и запуганный, он начал вслух молиться. «Я здесь отстаиваю взгляды, в правоту которых верю. Но теперь я боюсь. Люди ждут, что я поведу их за собой. Но если они увидят, что я сам лишился сил и мужества, они тоже станут колебаться. Мои силы на исходе. У меня ничего не осталось. Я дошел до состояния, преобороть которое в одиночку я не смогу». И в этот момент он вдруг почувствовал прилив новых сил. Им овладело состояние внутреннего покоя. Голос, исходивший из самых глубин его сознания, казалось, сказал ему: «Отстаивай справедливость, стой за правду, и Бог вовеки будет рядом с тобой».

В понедельник вечером, 30 января, плановый митинг в церкви Эйбернети подходил к концу. Мартин занимался сбором пожертвований, когда заметил, что Ралф начал беспокойно озираться вокруг. Почувствовав, что он ищет глазами именно его, Кинг крикнул:

— В чем дело? Что стряслось? Ралф повернулся к нему и сказал:

— Твой дом взорвали.

— О, Боже! — воскликнул Мартин. — Что с Кореттой и с Йоки?

— Это мы сейчас и выясняем, — ответил священник, стоящий рядом с Ралфом.

За несколько минут до взрыва Коретта сидела в своей гостиной вместе с гостьей. Она услышала, как что-то упало на крыльцо. «Наверное, бросили кирпич», — подумала она и предложила своей собеседнице перейти в спальню. Они не успели пройти через холл, как раздался взрыв и град осколков оконных стекол засыпал гостиную. Несколько мгновений спустя раздался звонок в дверь и голос участливо спросил:

— Никто не пострадал?

Затем в клубах дыма, заполнивших дом, раздался телефонный звонок. В трубке послышался женский голос:

— Да, это сделала я. И мне жаль, что я не убила вас всех, ублюдки!.

Новость распространилась быстро. К 21. 30 тысячи черных мужчин и женщин заполнили Саут-Джексон-стрит — они были вооружены ножами, пистолетами, палками, камнями и бутылками. В доме орудовали пожарные и полицейские. Помимо комиссара полиции и других должностных лиц прибыли мэр города и начальник городской пожарной службы. Вскоре приехал Мартин Кинг и стал быстро пробираться сквозь толпу.

— Спасибо Господу, что вы живы и здоровы! — сказал он и прижал к себе Коретту. Он обнял Йоки, которая тоже не пострадала. Затем он спешно направился к крыльцу, где оказался в окружении побледневших официальных лиц Монтгомери. Кинг остановился и поднял руки, прося тишины. Отовсюду слышались угрозы и проклятия властям.

— Не поддавайтесь панике! — сказал Кинг. — Никогда ничего не делайте в состоянии паники! Если у вас есть оружие, отнесите его домой; если у вас нет оружия, пожалуйста, не стремитесь вооружиться. Мы не сможем решить этой проблемы, отвечая насилием на насилие... Мы должны любить наших белых братьев вне зависимости от того, что они делают с нами. Они должны узнать, что мы их любим. Иисус по-прежнему взывает к нам словами, звучащими сквозь столетия: «Любите врагов ваших; благословляйте проклинающих вас; молитесь за тех, кто с презрением отвергает вас». Мы должны жить согласно этому завету. Мы должны платить за ненависть любовью.

Толпа завороженно молчала.

— Не я начал этот бойкот, — продолжал он. — Но я хочу, чтобы все в этой стране знали, что, убив меня, они не смогут остановить этим движения за равные права. Мы боремся за правое дело, и с нами Бог.

— Благослови тебя Господь, сынок, — крикнула какая-то женщина.

Это был решающий момент. С возгласами «Аминь!» толпа начала медленно расходиться.

Если до сих пор фигура Кинга как лидера чернокожих и могла вызывать какие-то сомнения, то отныне они все рассеялись. Его слова, сказанные на ступеньках искореженного взрывом дома, стали повторять миллионы темнокожих людей по всей Америке.

Но акции белого террора на этом не прекратились. Через двое суток шашка динамита взорвалась на лужайке перед домом И. Д. Никсона. Снова собралась большая толпа, но насильственных действий вновь не последовало. Третий взрыв сотряс стены дома Роберта Гретца. Это был белый священник,

работавший в негритянском приходе лютеранской церкви Св. Троицы. Он исполнял обязанности секретаря МАУ. Чудом от этих взрывов никто не пострадал.

Еще в самом начале бойкота Мартину Лютеру Кингу предложили свои услуги в качестве советников два человека, обладавшие знанием теории и практическими навыками ведения ненасильственных действий. Одним из них был Гленн И. Смайли — белый священник из Техаса, бывший одно время выездным секретарем пацифистской организации Товарищество по расовому примирению (ТПРП). С начала 1930-х годов ТПРП активно действовало среди белых протестантов; в 1942 году оно создало независимый Конгресс за расовое равенство (КЗРР). Другим — Байард Растин, чернокожий квакер. В 1947 году он возглавил автомобильный пробег по южным штатам в поддержку движения, выступавшего за расовое примирение. Коретта Скотт слышала его выступления в Мэрионе (штат Алабама) и в Антиохе и поэтому радовалась его приезду в Монтгомери. Через Смайли ТПРП почти сразу начало снабжать МАУ учебными материалами по проведению ненасильственных акций протеста. Оно также сняло документальный фильм «Поход за свободой» о событиях, связанных с автобусным бойкотом в Монтгомери, и обеспечивало ассоциацию разного рода листовками и печатными материалами, которые широко использовались негритянским освободительным движением вплоть до середины 1960-х годов. Растин вышел из правления ТПРП незадолго до своего приезда в Монтгомери. Сюда он прибыл как доброволец и вскоре стал секретарем Кинга.

1 февраля четыре негритянки подали в федеральный суд иск против расовой дискриминации в автобусах. Одна из них — Джанетт Риис впоследствии от иска отказалась, заявив полиции, что она не вполне осознавала, что делала. Это дало повод властям арестовать ее темнокожего адвоката. Когда это случилось, Растин встретился с этой женщиной, несмотря на то что полиция этому всячески препятствовала. Ее дом был окружен полицейскими — якобы для ее же защиты.

— Я должна была так поступить, или я бы не дожила до сегодняшнего дня, — сказала она, и это было все, что она могла сообщить в свое оправдание.

Кинг полагал, что ее стоит не столько винить, сколько жалеть, поскольку ему самому был очень хорошо знаком тот страх, жертвой которого она стала. Полиции незачем было толпиться вокруг ее дома: никто из черных не собирался ее карать за отступничество. Наличие полиции демонстрировало прежде всего образ мыслей самих белых лидеров — ведь руководителям МАУ, дома которых забрасывались бомбами,

никакой защиты не предлагалось.

10 февраля около 12 тысяч белых жителей собрались на митинг, проводившийся Советом белых граждан у здания законодательного собрания штата. На нем выступил сенатор от штата Миссисипи Джеймс О. Истленд. Среди митинговавших раздавались листовки следующего содержания:

> «Когда в процессе исторического развития становится необходимым истребить негритянскую расу, следует использовать соответствующие методы и инструменты. К последним относятся пистолеты и ружья, луки и стрелы, рогатки и ножи.
>
> Мы считаем самоочевидной истиной равенство всех белых людей, их обладание правом на жизнь, правом на свободу и правом убивать ниггеров.
>
> На каждой стадии бойкота нас угнетали и унижали эти черные, гнусные, грязные, потливые, эти невыносимо вонючие ниггеры. С ними нельзя обращаться как с людьми, потому что они произошли от пигмеев, от охотников за головами.
>
> Друзья! Пришло время по-умному разобраться с черными. Если мы сами не перестанем помогать этим африканским людоедам, мы вскоре проснемся и увидим, что их преподобный Кинг сидит в Белом доме.
>
> БЕЛЫЕ ГРАЖДАНЕ, ДАВАЙТЕ ЗАЙМЕМСЯ ДЕЛОМ».

По мнению одного из обозревателей (по крайней мере, одного), членство мэра города в Совете белых граждан, то, что он очень быстро приехал к дому Кинга после взрыва, а также появление подобных листовок не было случайным набором фактов. «Имеются определенные доказательства, — заявил Байард Растин, — что даже использованный террористами динамит прошел через руки официальных лиц, ответственных за поддержание порядка в обществе».

Взрывы и омерзительная листовка лишь усилили решимость негров. «Каждая попытка покончить с сопротивлением путем запугивания, заставить негров силой или страхом доносить на своих товарищей лишь цементировала черную общину, вызывала симпатию к нашему движению у людей доброй воли во всем мире», — позже писал Мартин Лютер Кинг. Когда 22 февраля более чем девяти десяткам негров были предъявлены обвинения в нарушении почти забытого закона о бойкотах от 1921 года, ни один из них не стал избегать ареста. Ведь в течение более чем двух месяцев лидеры МАУ на массовых митингах каждый понедельник и четверг внушали людям, что «оказаться в тюрьме

за правое дело — это великая честь». Теперь они сами столкнулись с такой возможностью. Они приветствовали полицейских и судейских чиновников с добродушной уверенностью в собственной правоте. Из числа обвиняемых две дюжины были священниками. «Наша церковь, — отметил Кинг, — становится боевитой... Каждый из арестованных священников публично заявил, что готов вновь оказаться в тюрьме. Даже преуспевающих негров, не признающих евангельской проповеди «братства во Христе», события убедили, что у церкви нет альтернативы: она просто обязана участвовать в конфликте».

Вся черная община должна была настраиваться на борьбу. Кинг и сам готовился к предстоявшим битвам, хотя свое главное сражение он уже выиграл — на ступеньках его пасторского дома, развороченного взрывом. Самое важное сражение в жизни человека — в этом Мартин все больше и больше убеждался — всегда происходит в душе, когда в ней сталкиваются ненависть и любовь, страх и мужество. Всю первую часть жизни Кинг искал Бога, который соответствовал бы его собственным теологическим представлениям, и ощутил Его в виде живой реальности в своей душе. Духовный рост Кинга не был ни быстрым, ни прямолинейно последовательным.

Вскоре после того, как его дом взорвали, Кинг обратился за официальным разрешением на ношение револьвера. Позднее он был рад, что ему отказали, ибо он понял, что оружием себе безопасности не обеспечить. Смерть всегда будет поблизости. И самое главное — достойно жить то время, пока она до тебя еще не добралась. В последующие годы он часто вспоминал ту неделю, которую он пережил в январе 1956 года, когда ощутил, что любовь очищает его душу от страха. Вера придала ему новые силы и помогла преодолеть страх смерти.

Мужество молодого священника, его личный пример вдохновили многих людей, и в первую очередь тех граждан, которые продолжали ежедневно совершать пеший «поход за свободой». Со всех концов страны им приходили письма — их авторы поддерживали участников бойкота и выражали им свою солидарность. А бойкот стал приносить ощутимые результаты. К концу третьего месяца магазины в центре города понесли убытки порядка миллиона долларов. Но мэр Гейл по-прежнему заявлял, что его нисколько не волнует, станут ли негры опять ездить в автобусах. Он хотел во что бы то ни стало покончить с бойкотом.

Лидеры МАУ были привлечены к суду 25 февраля 1956 года. Слушание дела назначили на 19 марта. В этот день зал заседаний оказался забит темнокожими людьми с тряпичными крестами на груди. На этих крестах было начертано: «Отче, прости их». После

вынесения приговора 22 марта доктор Кинг сразу написал апелляцию и вместе с Кореттой покинул зал. На выходе из здания суда, у основания лестницы, улыбавшуюся пару ожидала большая толпа. «Да здравствует Кинг! — кричали собравшиеся. — Мы не намерены больше ездить на автобусах!»

Жернова правосудия вращаются медленно, дело затянулось на долгие восемь месяцев. Все это время Мартин Кинг безостановочно трудился. Он выступил более двухсот раз во многих городах страны — от побережья до побережья. В мае он участвовал в конференции в Атланте, а во вторую годовщину принятия Верховным судом США постановления о десегрегации школьного образования выступил с проповедью перед огромной толпой в соборе Св. Иоанна в Нью-Йорке. Это событие вошло в историю черного движения по двум причинам. Во-первых, полиция Нью-Йорка разогнала на ступенях собора людей, продававших газету «Либерейшн» со статьей Кинга «Наша борьба». Во-вторых, сама проповедь, прочитанная Кингом в тот день, обрела очень широкую известность. Взяв 14-ю главу Исхода в качестве основы, Кинг сравнил борьбу современных темнокожих людей за свободу с переходом древних евреев через Красное море. Текст Библии дополнялся цитатами из Шекспира, Джефферсона и Фредерика Дугласа. «Сегодня мы все являемся свидетелями значительных перемен, — заявил Кинг. — Судьбоносное решение, принятое девятью членами Верховного суда Соединенных Штатов, разверзло перед нами воды Красного моря, и праведники перешли на другой берег... Оглянувшись, мы видим, как силы, выступающие за сегрегацию, постепенно гибнут». Возгласы «Аминь!» вновь и вновь заполняли паузы, выдерживаемые оратором. Они раздавались из глоток чернокожих баптистов и методистов из Гарлема и других негритянских гетто Нью-Йорка, заполнивших битком огромный готический собор. Своды собора, давно уже не слышавшего столь мощных криков, отвечали гулким эхом, на фоне которого реверберации голоса Кинга казались еще более впечатляющими. Он закончил речь строками из 138-го псалма, в которых говорится о божественном всеведении Творца. «Господь с нами, — подытожил Кинг, — не только при полуденном блеске наших свершений, но и в полуночном мраке нашего отчаяния... Без веры в это самые великие мечты человека обратятся в прах».

В июне доктор Кинг выступил на национальном съезде НАСПЦН в Сан-Франциско. Делегаты внимательно выслушали его отчет о бойкоте. Однако вожди НАСПЦН посчитали нецелесообразным поддерживать такие методы. Ведущий юрисконсульт ассоциации Тергуд Маршалл выступил с резкой

критикой заявления Кинга, сделанного им для печати, в котором тот утверждал, что «бойкоты могли бы стать эффективным средством борьбы во многих районах Юга» и что их можно использовать против сегрегации в государственных и муниципальных школах.

Кинг же немало времени уделил беседам с людьми, обсуждая акции, подобные бойкоту, и участвуя в семинарах, на которых народ обучался теории и тактике движения ненасилия. Не жалел он времени и сил и на обеспечение своему движению поддержки со стороны негритянских организаций на севере США. Ему удалось выступить на предвыборном съезде Демократической партии, где он говорил о гражданских правах как «об одной из важнейших проблем современности» и убеждал внести в предвыборную программу партии требование «сильной федеральной политики».

В октябре этого же года около восьмисот человек собрались в баптистской церкви на Хатчинсон-стрит на просмотр семнадцати минутного документального фильма «Поход за свободой», созданного сотрудниками ТПРП. Позже фильм показывали в основном в негритянских церквях и учебных заведениях, а также на антирасистских митингах в северных штатах. После первой его демонстрации выступил доктор Кинг. Он пояснил, что этим фильмом следует пользоваться как пособием в борьбе ненасильственными способами.

4 ноября доктор Кинг впервые произнес проповедь, озаглавленную «Послание св. Павла американским христианам», с которой он в последующие годы выступал во многих церквях. Он написал ее в хорошем расположении духа. «Если содержание этого письма, — говорится в начале, — по странному стечению обстоятельств покажется вам в большей степени принадлежащим Кингу, чем Павлу, считайте это следствием отсутствия у меня полной объективности, нежели недостатком ясности у Павла». Основная часть воображаемого послания апостола адресована христианским церквам. В нем задается вопрос: «Каким образом в том, что считается истинным воплощением Христа, может существовать сегрегация? Мне говорят, что даже в мире шоу-бизнеса интеграции больше, чем в церкви». Затем Кинг советует своим чернокожим братьям во Христе: «В вашей борьбе за справедливость дайте вашему угнетателю понять, что у вас нет желания разгромить его или даже намерения сравняться с ним во всем. Пусть он поймет, что гноящаяся язва сегрегации истощает как негров, так и белых». Далее Кинг говорит: «Ты можешь позволить им сжечь твое тело и умереть смертью мученика, а кровь, пролитая тобой, может стать символом чести для еще не

родившихся поколений, и тысячи могут хвалить тебя как одного из величайших героев истории; но и в этом случае, если нет любви, кровь твоя была пролита напрасно».

Через девять дней после произнесения этой проповеди доктор Кинг находился в здании городского суда, участвуя в заседании, на котором рассматривался вопрос об аренде автомобилей для обслуживания бойкота. Администрация города усматривала в этом «нарушение общественного порядка» и «незаконное предпринимательство». Во время слушаний один из репортеров передал Кингу сообщение своего телеграфного агентства: «Верховный суд Соединенных Штатов сегодня подтвердил правомерность решения Специального окружного суда, объявившего, что законы штата Алабамы, предписывающие сегрегацию в общественном городском транспорте, противоречат Конституции». Кинг незамедлительно показал бумагу уполномоченным МАУ Фреду Грею и Питеру Холлу, а затем торжествующе прошествовал к задним рядам, где вместе сидели Коретта, Ралф Эйбернети и И. Д. Никсон.

После того как доктор Кинг со своими коллегами покинули здание суда, по радио передали сообщение, что ку-клукс-клан планирует ночные погромы. По городу распространилось письмо с угрозой: «Если вы позволите ниггерам вернуться в автобусы и занимать передние сиденья, мы сожжем за ночь пятьдесят домов». С наступлением темноты около сорока грузовиков с погромщиками, одетыми в белые балахоны и колпаки, прибыли в самый центр черного гетто. Но негры знали, что надо делать. Они не выключали света на крыльце и на веранде и не проявляли никаких признаков страха. Некоторые неторопливо прогуливались, не обращая внимания на маневры столь грозных сил. Другие молча наблюдали, а кое-кто даже махал им руками, словно приветствовал участников циркового представления. Поведение предполагаемых жертв настолько смутило куклуксклановцев, что, промаршировав несколько кварталов, они свернули на боковую улицу и скрылись из вида.

23 апреля Верховный суд Соединенных Штатов вынес положительное решение по делу миссис Сейры Мэйи Флеминг, которая обратилась в суд с иском к автобусной компании в городе Коламбия, штат Южная Каролина. 4 июня Федеральный окружной суд также вынес положительное решение по аналогичному иску в Монтгомери. И всякий раз Мартин Лютер Кинг ждал, что городские власти изменят свою позицию. Но ничто не менялось, и тогда он настаивал на продолжении бойкота. 14 ноября он вышел к собравшимся на митинг людям и заявил во всеуслышание, что «самая сложная стадия конфликта

только начинается».

В своей первой речи в качестве председателя МАУ Мартин Кинг подчеркивал необходимость сочетать смелость с осторожностью. Он сам твердо придерживался обоих этих качеств. Теперь, когда получены судебные решения властей, он напомнил на очередном массовом митинге, что черные люди не должны возвращаться в автобусы с торжествующе самодовольным видом победителей. «В определенном смысле мы победили, — сказал он, — но это была победа правды и справедливости, победа, достигнутая во имя единства всех людей. Вместо того чтобы делить человечество на высших и низших, наша обязанность вести себя так, чтобы на деле утверждать это единство. Если мы вернемся в подобном расположении духа, то умственно и духовно мы начнем работать на ситуацию, при которой расовое примирение в конечном счете всенепременно станет реальностью». В статье для газеты «Либерейшн», написанной через несколько дней, он заявил: «Мы стремимся убрать все барьеры, разделяющие человечество». В соответствии с этим положением руководство МАУ приняло долгосрочную программу действий, состоявшую из шести основных пунктов: 1) создать негритянский банк; 2) создать кредитный союз; 3) расширить систему курсов по ликвидации безграмотности среди избирателей-негров; 4) создать центры подготовки людей к участию в движении ненасилия; 5) принять на себя ряд функций НАСПЦН; 6) обеспечить материальную поддержку людям, уволенным с работы из-за участия в бойкоте.

Социальная составляющая конфликта стала главной темой на всех массовых митингах. Лидеры МАУ вновь и вновь подчеркивали необходимость не отвечать насилием на насилие. Гленн Смайли и другие активисты организовали курсы, посвященные ненасильственному сопротивлению. Они открылись в первую годовщину со дня начала бойкота. Среди приглашенных преподавателей были такие известные люди, как доктор Дж. Г. Джексон, президент Национального конвента баптистов США, обозреватель Карл Т. Рауэн, писательница Лиллиан Смит и ректор Гэммонской богословской семинарии доктор Г. В. Ричардсон. В своей приветственной речи М. Л. Кинг предсказал наступление «новой эры», когда «плохой мир» сегрегированного общества уступит место «истинному миру», основанному на человеческом достоинстве и братстве людей. «Нам суждено, — заявил он, — подняться над узкими рамками наших личных забот... Наш мир географически един. Теперь мы обязаны сделать его единым в духовном отношении. Мы не можем стремиться к тому, чтобы быть просто хорошими учителями-неграми,

хорошими врачами-неграми, хорошими священниками-неграми, высококвалифицированными неграми рабочих профессий. Мы должны делать работу так, чтобы ничего не зависело от расовой принадлежности». Затем, перейдя к вопросу о ненасилии, он сказал: «Любовь вполне может стать спасением для нашей цивилизации... Это правда, что, сражаясь за свободу в Америке, мы должны будем иногда прибегать к бойкоту. Но мы обязаны при этом помнить, что бойкот сам по себе — не цель... Цель — примирение; цель — спасение и избавление; цель — создание общества, где правит любовь. Только так можно сделать противников друзьями. Только так можно превратить глубокое отчаяние нашего века в радостную реальность новой эры. Только любовь сотворит чудеса в сердцах людей». Это не значит, уточнил он, что законы вообще не нужны. «Закон не может заставить человека относиться ко мне по-человечески. Этим должны заниматься религия и воспитание. Но закон может помочь ему сдерживать свое желание линчевать меня».

Последняя часть его речи заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, он почти слово в слово повторил пассажи из своей проповеди от 4 ноября, в которых говорилось о физической и психологической смерти. Во-вторых, заключительные фразы содержали основные тезисы его знаменитой речи, с которой он выступит через шесть с половиной лет. Таким образом, уже в 1956 году Кинг вынашивал свою мечту о новой эре: «Мы ускорим наступление нового мира — мира, в котором люди будут жить вместе, как братья; мира, в котором люди перекуют мечи на орала, а из пик сделают секаторы для обрезки деревьев; мира, в котором не будут больше отнимать необходимое у людей, чтобы правящие классы могли обладать роскошью; мира, в котором люди будут уважать достоинство и значимость каждой человеческой личности...

Песня свободы должна звучать у нас повсюду. Пусть она звучит в Скалистых горах Колорадо, покрытых снежными шапками, на восхитительных холмах Нью-Гемпшира, в Пенсильвании и Калифорнии. Но не только там. Пусть песня свободы звучит с каждой возвышенности — со всякого бугорка в Миссисипи, с Каменной горы в Джорджии, со Смотровой горы в Теннесси, с каждого холма и пригорка в Алабаме. Пусть с каждого склона звучит песнь свободы. И когда этот день окончательно наступит, "при общем ликовании утренних звезд... все сыны Божий воскликнут от радости"».

Утром 21 декабря Мартин Кинг и Гленн Смайли зашли в Монтгомери в автобус и сели бок о бок. И ничего не случилось. До города уже дошли известия о решении, которое принял

Верховный суд. Но еще раньше администрация автобусной компании проинструктировала водителей насчет вежливого обращения с чернокожими пассажирами. Мэр Гейл опубликовал заявление, что лично он будет придерживаться «местных законов» и поддерживать порядок.

Вскоре после принятия закона о десегрегации в автобусах трое белых мужчин избили негритянскую девушку-подростка, вышедшую из автобуса. Затем кто-то выстрелил из дробовика в дверь дома Кинга. Затем начались выстрелы по автобусам, и одна пассажирка-негритянка была ранена в ногу. Несколько позже, 10 января 1957 года, четыре негритянских церкви, а также дома Эйбернети и Гретца была забросаны динамитными шашками. Но после этого количество нападений стало уменьшаться, и жизнь постепенно вошла в нормальное русло.

Глава 4.
Движение Ненасилия: Посевы и Всходы

После завершения бойкота чернокожие испытывали не столько торжество триумфаторов, сколько чувство удовлетворения оттого, что они сумели выстоять. Кончался 1956 год — время больших ожиданий, беспримерной солидарности и напряжения всех сил. Многое обнадеживало. Так, например, в одном из автобусов двое белых пассажиров заметили, что какой-то негр сидит впереди них. «Вижу, что предстоящее Рождество уже не будет чисто белым праздником», — сказал один из них. Сидевший впереди негр повернулся и с добродушной улыбкой, но твердо произнес: «Да, сэр, это верно». Окружавшие заулыбались, и даже тот, кто пытался сострить, скривил лицо в усмешке. В течение всей недели жителями города владела рождественская атмосфера. Упала посещаемость митингов, проводившихся МАУ. Мартин болезненно переживал спад активности.

После Рождества участились случаи нарушений общественного порядка на расовой почве. Появились непристойные листовки, в которых писались гадости о Кинге. Ситуация в целом неожиданно стала ухудшаться. Кинг подолгу обдумывал происходящее. На общем собрании преподавателей и слушателей курсов МАУ он предложил созвать съезд всех руководителей движения негритянского протеста на Юге. Заседания съезда он предложил проводить в Атланте, в церкви его отца. Мартин Кинг и Ралф Эйбернети прибыли в Атланту вечером 9 января. В 2 часа ночи раздался телефонный звонок. Звонила миссис Эйбернети. Она рассказала мужу о взрывах. Сильно пострадал их собственный дом, а дом Гретца был практически уничтожен. Были полностью разрушены две церкви, а две другие — повреждены. Эйбернети и Кинг были потрясены.

Вспомнив события 30 января прошлого года, Мартин представил себе, как разгневанные толпы собираются в местах взрывов. Он пришел в сильное волнение и сделал несколько телефонных звонков с целью удостовериться, что бунты не начались. Он постарался убедить своих коллег в необходимости принять любые меры для обеспечения порядка. После четырех или пяти часов телефонных переговоров оба священника, условившись, что Коретта на конференции займет место мужа, вылетели в Монтгомери. Они должны были собственными

глазами увидеть разрушения. Прибыв на место, Мартин был удивлен тем, что толпы не прибегли к насилию. Он знал на собственном опыте, как трудно бывает сдерживать гнев. Утренняя газета сурово осудила организаторов взрывов. В передовице утверждалось, что теперь на первый план вышли не проблемы сегрегации, а соображения общественной безопасности. Другие влиятельные органы печати также высказались против терроризма.

Несмотря на страшную усталость, Мартин посчитал своим долгом появиться на конференции в Атланте. Там царила атмосфера всеобщего энтузиазма. Среди шестидесяти участников присутствовали и столь известные священники, как К. К. Стал из Таллахаси, Фред Шаттлсворт из Бирмингема, Мэтью Макколлем из Оранджберга и Уильям Холмс Бордерс — пастор баптистской церкви на Уит-стрит в Атланте. Это были ведущие деятели негритянского движения крайнего Юга. Пока Кинг отсутствовал, на конференции было обсуждено много вопросов, связанных со структурой первичных организаций движения протеста, с подготовкой руководящих кадров, со средствами массовой информации. На последующих конференциях было решено обсудить стратегию координирования действий. Для этого был создан постоянно действующий орган, который получил название Конференции южного христианского руководства (КЮХР). Мартин Лютер Кинг стал ее первым председателем.

Когда Кинг вновь вернулся в Монтгомери, настроение здесь было мрачное. По требованию городских властей автобусная компания полностью приостановила пассажирское сообщение. Выходило, что Совет белых граждан и ку-клукс-клан отняли у негров плоды их трудной победы. Борьба за равные права вступала в новый этап, причем вести ее предстояло не ради расширения уже захваченного плацдарма, а ради возвращения завоеваний, потерянных в самый последний миг. Мартин чувствовал себя опустошенным. Он не находил в себе мужества продолжить борьбу. Его охватила апатия. В лабиринтах своей души он вновь переживал драму совести и чувство вины. Как и четырнадцать лет тому назад, он вновь оказался во власти темного подсознания. Тогда он винил себя за смерть бабушки лишь потому, что не сумел предотвратить ее кончины. Никакая логика не помогала — как и четырнадцать лет назад, он чувствовал свою беспомощность. Груз неудачи давил на него — Кинг вступил в глубокий личный кризис.

В таком состоянии он появился на массовом собрании 15 января. В этот день ему исполнилось двадцать восемь лет. Он молился вместе с паствой, когда вдруг из самых глубин его души

вырвался громкий крик: «Господи! Я верю, что никто не умрет из-за нашей борьбы за свободу в Монтгомери. Но если кто-то должен умереть, пусть это буду я!»

«Нет! Нет!» — взревела толпа. Мартин попытался продолжить проповедь, но не смог. Он молча стоял на кафедре, у него сильно кружилась голова. Через минуту рядом с ним оказались два священника. «Пойдем, Мартин, — сказал один из них, — тебе надо присесть». Но он еще несколько минут простоял, как парализованный. Наконец к нему вернулась способность двигаться, и с чужой помощью он дошел до скамьи. И вдруг ему стало легко-легко. Так же, как и тогда, когда он в двенадцать лет выпрыгнул из окна. Он спокойно выслушал слова сочувствия и утешения, с которыми присутствовавшие подходили к нему. Дома он крепко заснул.

Продолжавшийся целый год автобусный бойкот окончательно закончился только 28 января. И тут не обошлось без инцидента, на сей раз уже последнего. Ночью 27 января на порог жилища Кинга был подложен сверток с динамитом, но он не взорвался. На следующий день было арестовано пятеро белых мужчин. Ни один из них впоследствии не был осужден, но теракты тотчас прекратились.

Совсем недавно Мартин Кинг был всего молодым священником из негритянской церкви в Монтгомери. А к середине 1956 года Кинг уже стал знаменитостью. Столь внезапная слава и ответственность оказались для него слишком тяжелым бременем. Он чуть было не сломался. Варианты, из которых в 1954 году он выбирал себе жизненный путь, теперь казались ему невероятными. Теперь он был завален по горло совсем другими делами.

Он вполне мог бы зарабатывать 75 000 долларов в год, разъезжая по стране с публичными выступлениями или приняв должность проповедника в большой, преимущественно белой церковной общине на Севере, и его голос продолжали бы слушать миллионы людей. Однако судьба выбрала для него совершенно иной путь. На какое-то время он решил остаться в Монтгомери. Церковь на Декстер-авеню должна была послужить приемлемой базой для его все более расширяющейся деятельности, поскольку именно Юг оставался в центре его внимания. Он здесь родился, здесь и надо было продолжать сражение. КЮХР, созданная во времена суровых испытаний, вполне соответствовала этому предназначению. Среди первых же ее начинаний было послание президенту Эйзенхауэру с просьбой «незамедлительно приехать на Юг и выступить в каком-либо из крупных городов с призывом подчиниться решениям Верховного суда США как законам,

обязательным для всей страны». Это обращение, как и аналогичные обращения к вице-президенту Никсону и к генеральному прокурору Браунеллу, были вежливо отклонены либо оставлены без внимания. Во время второго съезда КЮХР 14 февраля в Новом Орлеане эта инициатива была повторена, причем в более решительных выражениях. Президенту предлагалось созвать в Белом доме конференцию, посвященную правам человека и гражданина. Далее его ставили в известность, что в случае, «если с его стороны не будут предприняты решительные меры, мы будем вынуждены организовать массовый поход на Вашингтон».

Между тем в воскресенье, 10 февраля, со многих церковных кафедр страны было зачитано написанное Кингом специальное обращение Национального Совета Церквей по проблеме расовых отношений. Оно называлось «Общество без сегрегации для всех» и призывало «изгнать сегрегацию из всех сфер американской жизни».

Тем временем совет общины баптистской церкви на Декстер-авеню решил, что Кингу необходим отдых, и проголосовал за выделение пастору и его семейству 2500 долларов на поездку за границу. Правление МАУ добавило еще 1000 долларов. Мартин и Коретта решили потратить эти деньги на визит в Золотой Берег, который вскоре должен был объявить свою независимость. 3 марта Кинги прилетели в Нью-Йорк, где присоединились к составу американской делегации, включавшей Ралфа Банчи, А. Филипа Рэндолфа и Эдема Клейтона Пауэлла. Официальным представителем правительства США являлся вице-президент Никсон, однако премьер-министр молодого государства Кваме Нкрума пригласил также лидеров негритянского движения Америки. Путешествие, занявшее двое суток из-за остановок в Лиссабоне и в Монровии, оказалось очень приятным. Доктору Кингу разрешили посидеть в кресле пилота, и он с улыбкой заявил своим спутникам: «Еще бы несколько тренировок, и я смог бы сам довезти нас всех до Аккры».

Мартин и Коретта до этого никогда не выезжали за пределы Соединенных Штатов. Им очень понравилось очарование старинного Лиссабона, по которому в качестве добровольного гида их провел Эдем Пауэлл. В аэропорту Монровии их встречал Ромео Хортон — выпускник Морхаусского колледжа, который в тот момент был президентом Банка Либерии. Однако самое важное и интересное началось тогда, когда они прилетели в Аккру. Их определили в гостевой дом колледжа Агимота вместе с одним английским семейством и сразу же повезли на церемонию провозглашения независимости. Вечером 5 марта

пятидесятитысячная толпа собралась на стадионе для игры в поло. Ровно в полночь, с последним ударом часов Нкрума, облаченный в яркий африканский наряд, встал со своего места и произнес: «Битва закончена. Гана — наша любимая страна, навеки свободна». Британский колониальный флаг был медленно спущен, и вместо него взвился вверх национальный стяг Ганы. Толпа разразилась громкими криками: «Свобода! Свобода! Гана свободна! Гана свободна!» Для Мартина и Коретты эти мгновения имели особое значение. Они переживали торжественный момент освобождения той земли, откуда их предки были похищены и вывезены в качестве рабов. И в течение всех дней торжеств и отдыха они были счастливы постоянно находиться среди свободных чернокожих людей, которые взяли бразды правления своей жизнью в собственные руки. Кинги были в курсе той ненасильственной политики «позитивного действия», с помощью которой Нкрума привел свою страну к независимости. Во время неофициального завтрака премьер-министр рассказал им о том, с какой радостью он узнал новости о борьбе негров в Монтгомери. Мартина, в свою очередь, вдохновила эта встреча с Нкрумой; она укрепила его веру в то, что именно ему предназначено стать вождем собственного народа.

Однако полностью восстановить свои физические силы Мартину не удалось. Еще в Гане он и Коретта заболели тропической лихорадкой. Приступы у обоих продолжались несколько дней. Призрак смерти, преследовавший Мартина в последнее время, теперь вернулся к нему в новом обличье. Его болезнь оказалась значительно серьезнее, чем у Коретты, но оба все-таки справились с нею. По дороге домой они проехали через всю Нигерию, затем посетили Рим, Женеву, Париж и Лондон. В Нью-Йорк они прилетели 25 марта. Мартин задержался здесь, чтобы переговорить с председателем НАСПЦН Роем Уилкинсом и А. Филипом Рэндолфом.

Три негритянских лидера договорились вновь встретиться 5 апреля. Встреча состоялась в здании Столичной баптистской церкви в Вашингтоне, округ Колумбия. В ней приняли участие свыше семидесяти человек. В течение последующих шести недель все эти люди работали не покладая рук. Рой Уилкинс, самый консервативный из трех лидеров, разработал программу действий, а правление НАСПЦН одобрило выделение большей части необходимых финансовых средств. Таким образом, началась подготовка «Похода за свободу».

Под руководством преподобного Томаса Килгора в качестве национального директора проекта и Ралфа Эйбернети в качестве его заместителя на Юге специальные организаторы Байард

Растин и Элла Бейкер немедленно приступили к работе. Утром 17 мая около 37 тыс. демонстрантов со всех концов страны собрались у Мемориала Линкольна. В большинстве своем это были простые негры — члены церковных общин. Но среди них можно было встретить и настоящих звезд, таких, как Джеки Робинсон, Сидни Пуатье, Гарри Белафонте, Сэмми Дейвис-младший, а также около трех тысяч белых граждан.

Митинг начался в полдень. С речами выступили А. Филип Рэндолф, Мордесайя Джонсон, Рой Уилкинс и Эдем Пауэлл. Затем пели хор Университета им. Говарда, хор Филадельфийского общества дружбы рас и Махалиа Джексон. Было уже 3 часа пополудни, когда Рэндолф объявил выступление Мартина Лютера Кинга. Толпа приветствовала его громкими криками, но как только зазвучал его густой баритон, наступила мертвая тишина. «Дайте нам право баллотироваться, и мы не будем больше умолять федеральное правительство в законодательном порядке запретить суды Линча... Дайте нам право баллотироваться, и мы превратим бесчинствующие, кровожадные толпы обездоленных людей в союзы законопослушных граждан, работающих на благо общества. Дайте нам право баллотироваться, и мы заполним залы наших законодательных собраний людьми доброй воли! Дайте нам право баллотироваться, и вы получите народных судей, любящих милосердие. Дайте нам право баллотироваться, и мы спокойно, в соответствии с законами проведем в жизнь постановление Верховного суда от 17 мая 1954 года». Слушая его речь, похожую на проповедь, люди, воспитанные в молитвенных залах негритянских церквей, быстро уловили ритм и всякий раз хором подхватывали рефрен «Дайте нам право баллотироваться!» Затем, когда эта часть выступления завершилась, они хором прокричали: «Аминь!» В следующей части речи Кинг изменил слог и стилистику и выступил с резкой критикой в адрес администрации Эйзенхауэра за то, что она «слишком уж молчалива и безучастна» Конгрессу США досталось за его «чрезмерную косность и лицемерие». Он обвинил умеренных белых политиков, которые исповедуют принципы «квазилиберализма, позволяющего им с равной симпатией относиться к обеим противоборствующим сторонам расового конфликта». Он призвал четче организовать руководство деятельностью как белых либералов-южан, так и самого негритянского движения на Юге. Он рассказал о кампании протеста в Монтгомери и о том, как удалось противостоять белому террору. «Мы не должны ожесточаться, — сказал он. — Если мы позволим себе упиваться ненавистью, новый порядок ничем не будет отличаться от старого образа жизни... Мы должны

бороться против ненависти силой любви, против физического насилия — крепостью духа». Он призвал участников марша сохранять силу духа, столь необходимую в борьбе за гражданские права.

По всем статьям это была взвешенная речь умеренного политика о законных целях и методах борьбы. Право голосовать и избираться — что может быть менее спорным? Но идея крестового похода за гражданскими правами, которую Кинг выдвинул от имени КЮХР, означала, что он отнюдь не намерен ограничиваться, подобно руководству НАСПЦН, исключительно областью избирательных прав. Это свидетельствовало о его зрелом отношении к реальной власти, о том, что он понимал ее специфику. Мартин Лютер Кинг никогда не выдвигал требования «власти черных». Но именно такова была его конечная цель. Он мечтал дать темнокожим людям политический контроль над их собственной судьбой. Лозунг «Власть черным!» появился на свет еще через семь лет.

Организация первого марша стала важной вехой в американской истории. Во время его проведения Мартин Лютер Кинг впервые выступил с речью в качестве деятеля национального масштаба. Вполне логично, что тогда же он был награжден специальной наградой НАСПЦН — медалью Спрингарна за вклад в дело улучшения межрасовых отношений. Кинг мог сильно расходиться с Роем Уилкинсом и всей НАСПЦН во взглядах на стратегию и тактику борьбы, но он взял за правило никогда не доводить дело до раскола сил, работающих на достижение расового равноправия. Он считался с мнением Уилкинса и других консервативных деятелей и всегда стремился заручиться их поддержкой.

Среди множества наград, которые посыпались на Кинга в этот период, были ежегодная премия Фонда религии и труда, которую он разделил с сенатором Гербертом Леманном и преподобным Джоном Лафаргом, докторская степень и почетные звания Чикагской семинарии, Университета им. Говарда и колледжа Морхаус.

Вскоре после марша Мартин Кинг и Ралф Эйбернети получили двухчасовую аудиенцию у вице-президента Никсона. Они настойчиво просили его рассмотреть предложения, выдвинутые ранее от имени руководства КЮХР. Главным результатом этой беседы стало состоявшееся 23 июня следующего года обсуждение расовой проблемы в Белом доме, в котором приняли участие Кинг, Рэндолф, Уилкинс и Лестер Б. Грейнджер из Национальной городской лиги. Однако документ из девяти пунктов, подготовленный этой группой, никакого заметного

влияния на политику президентской администрации не оказал.

Год, прошедший между этими двумя официальными встречами на высшем уровне, оказался беден на события, связанные с движением за равные права. За это время Мартин Кинг выступил публично свыше двухсот раз; кроме того, он продолжал выполнять обязанности пастора церкви на Декстер-авеню, главы МАУ и председателя КЮХР. В сентябре Мартин Кинг второй раз стал отцом.

В этот же период при содействии своего друга Лоренса Реддика Кингу удалось выкроить время для книги об автобусном бойкоте в Монтгомери. Параллельно Реддик работал над биографией Кинга. К февралю рукопись книги о бойкоте, названной «Шаг к свободе», оказалась у издателя. Работа же над биографией «Крестоносец без насилия» продолжалась в течение всего 1958 года с небольшими перерывами.

Обе книги наглядно показывают, что приверженность Мартина Кинга ненасилию, несмотря ни на что, только усиливалась. В 1958 году Кинг вошел в Товарищество по расовому примирению, которое проповедовало ненасильственные методы борьбы. В феврале 1958 года ТПРП открыло в Нэшвилле свое Южное региональное отделение.

Его секретарь Джеймс Лоусон — молодой чернокожий священник-методист, учившийся в Университете Вандербил-та, совместно с Пленном Смайли и Ралфом Эйбернети создал свою «группу примирения». В течение двух месяцев они объехали общины восьми южных и нескольких северных штатов, где организовывали встречи в негритянских церквях и колледжах, на которых распространяли только что изданную товариществом «книгу комиксов» — «Мартин Лютер Кинг и монтгомерское дело». Издание было подготовлено сотрудниками ТПРП при участии Кинга. В течение последующих двух-трех лет было распространено около 200 000 экземпляров этой книги. В этот же период широкой популярностью пользовалась малоформатная брошюрка ТПРП «Практика ненасилия». Готовило ТПРП и новое издание книги Ричарда Б. Грегга «Сила ненасилия». В нее была включена новая глава, посвященная событиям в Монтгомери; открывало это издание предисловие, написанное Мартином Лютером Кингом.

Основной идеей, которую Кинг не уставал пропагандировать, оставалась для него в это время организация силами КЮХР «Крестового похода за гражданские права». 12 февраля 1958 года, в годовщину со дня рождения Линкольна, одновременно прошли митинги в двадцать одном городе Юга. Ответственным за организацию «похода» был назначен Ралф Эйбернети, который из-

за этого был вынужден оставить работу в команде ТПРП. Основной целью крестового похода провозглашалось удвоение числа негров-избирателей.

Эта тема легла в основу одной из самых знаменитых речей Кинга. Он говорил: «Америка должна начинать борьбу за демократию у себя дома. Пропаганда свободных выборов в Европе, осуществляемая американскими официальными лицами, лицемерна, поскольку свободные выборы недоступны значительной части населения самой Америки. От американских негров требуется, чтобы они подчинялись законам, платили налоги и выполняли приказы властей в стране, в правительстве которой они не имеют собственного представительства. И разве не смешно, что именно такая нация выступает защитницей свободных выборов за границей...

Пусть наши намерения будут совершенно ясными. Мы должны быть свободными, и мы обязательно будем свободными. Мы хотим свободы прямо сейчас. Мы хотим иметь право голосовать и избираться. И тоже уже сегодня. Мы не хотим той свободы, которой нас будут кормить в час по чайной ложке в течение еще ста пятидесяти лет...

Кровью обагрены руки тех, кто сдерживает развитие нашей страны и препятствует прогрессу наших народов с помощью насилия и жестокости. Несмотря на это, наш долг молиться за тех, кто плохо к нам относится...

Такая ужасная политика заставляет страдать не только негров. Существование белой бедноты — мужчин, женщин и детей, лишенных как образования, так и всего самого необходимого, убедительно свидетельствует, что общество едино, что зло, наносимое им одному человеку, отражается на всех... Сегодня, поскольку негры не могут свободно голосовать и избираться, конгресс заполнен сенаторами и депутатами с Юга, которые не были избраны честным и законным образом...

Мы, черные и белые южане, не должны более позволять, чтобы нашу родину позорили в глазах всего мира... Наш долг лишить политической власти ничтожное меньшинство, которое уродует экономические и социальные институты нашей страны и таким образом ухудшает и обедняет жизнь каждого из нас».

Время от времени в Алабаме вновь стали происходить вспышки расового насилия. В Вербное воскресенье 1958 года Кинг и Эйбернети возглавили процессию, состоявшую из пятнадцати священнослужителей, облаченных в черное. Они прошли от Декстер-авеню до ступеней Капитолия Алабамы, чтобы провести здесь «покаянный молебен» по поводу казни шестнадцатилетнего негритянского подростка, обвиненного в изнасиловании белой

женщины. Вокруг священников собралась негритянская толпа численностью около 2,5 тыс. человек, сохранявшая полный порядок. Ку-клукс-клан и Совет граждан не вмешивались. Городская полиция по приказу мэра и губернатора объединилась с конным полицейским подразделением штата, надеясь, что на этот раз обойдется без стычек. Полицейское начальство учитывало тот общественный вес, который приобрел Кинг.

В августе Кингу сообщили, что в Оклахоме и в Уичите (штат Канзас) состоялись сидячие демонстрации, организованные молодежными подразделениями НАСПЦН, в которых также принимали участие как белые, так и чернокожие граждане из ТПРП и КЗРР. Эти демонстрации стали откликами на общеамериканский марш молодежи за совместное школьное обучение, организованный вездесущим Байардом Растином.

В это же время Кинга попросили выступить в Университете Пардью перед тремя тысячами делегатов первой национальной конференции по христианскому воспитанию и образованию, созванной только что объединившейся Церковью Христа. Одной из тем этой речи Кинг выбрал вопрос, которым царь Давид задается в Псалме 8: «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Человек, — заявил Кинг, — это прежде всего «биологическое существо, наделенное физической телесностью... Любая религия, которая говорит, что ее интересуют только души людей и не интересуют материальные условия жизни, совращающие души, как и социальные условия, портящие нравы, или правительства, уродующие души, есть не что иное, как сухая оболочка мертвой религии... Такая религия нуждается в притоке новой, свежей крови». Но человек также — «чудесное создание», подобие самого Бога, обладающее духовностью и интеллектом, которым подвластны пространство и время. Это существо, которое «обладает уникальной способностью дружить с Богом». Но человек также и великий грешник. «Мы должны признать, что человек злоупотребил своей свободой. Он утратил часть своего богоподобия... По большому счету реальная сущность нашей природы не соответствует вечному идеалу, и мы постоянно сталкиваемся с этим противоречием. Мы знаем, что надо любить, но все же предпочитаем ненавидеть...

Посмотрите, как мы относимся друг к другу. Одни расы топчут другие, народы подавляют друг друга. Мы воюем, уничтожая ценности и жизни, дарованные нам самим Господом. Мы заливаем кровью поля сражений, а войны кончаются тем, что появляются вдовы и сироты и домой возвращаются мужчины, покалеченные и физически, и нравственно».

Таково трагическое положение человека. Оно трагично потому, что у него был шанс не сбиться с пути истинного, потому, что ему было уготовано нечто лучшее. И до тех пор, пока человек живет на этом дне бытия, он будет разочаровываться и теряться в догадках, как блудный сын из притчи, рассказанной Иисусом. Западная цивилизация, подобно блудному сыну, заблудилась в дебрях колониализма и империализма. Америка сбилась с пути, и Кинг выносит ей суровый приговор как бы от имени самого Господа: «Вы ушли из отчего дома, где вам было уготовано великое наследие, и заблудились в дальних краях сегрегации и дискриминации. Вы подавляете шестнадцать миллионов своих братьев... Среди вашего материального благосостояния вы оказались духовно нищими». Размышления доктора Кинга завершились благодарственной молитвой за тот вдохновляющий пример, который Иисус преподал людям всей своей жизнью: «И пусть мы увидим в этой жизни доказательство того, что мы рождены для высоких, благородных и добрых дел. И да поможет нам Бог жить в соответствии с нашим высоким призванием, с нашей великой судьбой!»

3 сентября та низкая, ужасная реальность, о которой Кинг говорил в своей речи, напомнила ему о своем существовании самым шокирующим образом. Он был еще ребенком, когда однажды его ударили и обозвали «ниггером». Когда он был простым священником, ему угрожали расправой и в его дом бросали бомбы. Сейчас, когда он стал обладателем множества наград, премий, медалей и почетных званий, когда его портрет печатался на обложке журнала «Тайм» и когда он, как равный с равными, беседовал с Нкрумой и Эйзенхауэром, он уже не испытывал на себе, как это происходило с бесчисленным множеством чернокожих американцев, что значат такие понятия, как «сегрегация» и «дискриминация». В тот день Мартин и Коретта пошли вместе с Ралфом и Джуанитой Эйбернети в суд, где Ралф должен был дать показания мировому судье. Угрюмый охранник отказался пропустить в здание сопровождавших. Доктор Кинг, будучи уверенным, что Фред Грей, юрист МАУ, сумеет объяснить полицейскому ситуацию, попросил его связаться с адвокатом.

«Малый, — медленно процедил сотрудник полиции, — если ты не уберешься отсюда, адвокат потребуется тебе самому». И не успел Кинг что-либо ответить, как позади него прозвучал другой голос: «Малый, ты уже попал, ну-ка пошли». Двое охранников крепко схватили его с двух сторон и потащили по лестнице дворца правосудия. Затем они повернули за угол и направились в сторону полицейского управления. Коретта с глазами, полными

слез, побежала вслед за ними. Но один из охранников, отмахиваясь от нее, сердито бросил через плечо: «Ты тоже хочешь прогуляться с нами, барышня? Просто кивни головой». Муж быстро сказал ей: «Ничего не говори, дорогая», и она замедлила шаг.

Но затем к Коретте присоединились другие люди, и они вместе пошли в управление, куда стражи порядка только что затащили доктора Кинга. Они подтащили его к клетке, и один из них пролаял: «Всем очистить помещение!» Затем полицейские затолкали его за решетку. Здесь они обыскали его; потом один из них ударил его коленом в пах, а другой схватил его за горло. Вдвоем они нанесли ему несколько ударов. Можно предположить, что после доклада комиссару полиции Клайду Селлерсу об этой маленькой победе в битве за белое превосходство они получили нагоняй за свою глупую выходку. Во всяком случае, не прошло и десяти минут, как оба полицейских вернулись, пригласили Кинга к столу и разрешили ему освободиться под залог.

В течение многих месяцев сторонники активной ненасильственной деятельности, включая Байарда Растина, убеждали Кинга в том, что тюремное заключение поможет делу значительно больше, чем все легальные маневрирования в судах. Перед Кингом был пример Ганди, о котором он не мог не вспомнить в середине августа, когда его посетил Ранджанат Дивакар. Дивакар был одним из главных помощников Ганди во время кампании «Оставьте Индию» в 1942 году. Он был также автором книги о тактике ненасильственных действий «Сатьяграха». После трехдневного пребывания Дивакара с коллегами в доме Кингов Коретта сказала: «Мы стали глубже понимать философию ненасилия. Наши прежние познания в этой области были слишком поверхностными».

В пятницу, 5 сентября, судья признал Кинга виновным в отказе подчиниться представителю власти и приговорил к уплате штрафа в размере десять долларов плюс судебные издержки. То есть приговор был почти таким же, как и тот, что выносился по делу миссис Розы Парке. «Ваша честь, — сказал Кинг, — я не могу, не покривив душой, оплатить штраф за действие, которого я не совершал, и уж тем более за жестокое со мной обращение, которого я не заслуживал». Адвокат Фред Грей заявил суду, что его клиент хотел бы отсидеть срок за решеткой. Кинга отвели в помещение для задержанных, где он должен был дожидаться тюремного транспорта. Но он был освобожден еще до того, как прибыл очередной полицейский фургон. Кто-то заплатил штраф вместо него. Этим «неизвестным лицом» оказался комиссар Клайд Селлерс, который заявил, что он «предпочел избавить

налогоплательщиков Монтгомери от расходов на питание и содержание Кинга в течение последующих четырнадцати дней»; кроме того, он не хотел, чтобы негритянский лидер использовал городскую тюрьму «в своих собственных корыстных интересах» как своего рода «публичную трибуну».

Тем временем около двухсот негров, присоединившихся к Ралфу Эйбернети, прошли импровизированным, стихийным маршем от дворца правосудия до церкви на Декстер-авеню, где и устроили митинг. Тут внезапно появился доктор Кинг и быстро взял управление митингом в свои руки. «Когда меня сажают в тюрьму, — сказал он, — об этом знают во всем мире. На мое имя уже пришли сотни телеграмм, мне звонили почти изо всех штатов нашей страны. Но когда в тюрьме оказывается кто-то из вас и вам приходится терпеть жестокое с собой обращение, никто об этом не знает. Я счастлив, что мне довелось немного пострадать... Я чувствую, что становлюсь к вам ближе. У нас имеется мандат от Бога на противостояние злу... Мы должны разойтись с этого митинга, охваченные решимостью твердо и мужественно противостоять полицейской жестокости. Мы должны разойтись, с тем чтобы никогда больше нас не пугала бы опасность тюремного заключения». И он дал торжественное обещание никогда впредь не платить штраф за приговоры, связанные «с нашей борьбой за свободу».

Две недели спустя, в субботу 20 сентября, во второй половине дня, Мартин Лютер Кинг сидел за некоторым подобием стола в обувном отделе магазина Блюменстайна в нью-йоркском Гарлеме и подписывал экземпляры своей только что отпечатанной книги «Шаг к свободе», презентация которой только что прошла. Вокруг него собрались люди. Подняв голову, он увидел грузную чернокожую женщину, которая устремилась к нему, протискиваясь сквозь толпу. «Вы — мистер Кинг?» — спросила она. «Да, это я», — кивнул он. «Мистер Кинг, — она выругалась, — я охотилась за тобой целых пять лет!» С этими словами она достала из кармана какой-то блестящий предмет и быстро взмахнула им сверху вниз. Кинг вскрикнул от боли. Через несколько мгновений женщина была арестована полицейскими. При обыске в ее сумке был обнаружен заряженный пистолет. Мартин в состоянии шока продолжал неподвижно сидеть в кресле. Из его груди торчала рукоятка ножа для разрезания бумаги с лезвием длиной двадцать сантиметров. Магазин заполнился истеричными криками женщин. Одна из них попыталась вытащить длинный нож, но вмешался незнакомый мужчина: «Не трогайте, этим займутся врачи!»

Это был мудрый совет, так как кончик ножа находился

неподалеку от аорты. В Гарлемском госпитале трое хирургов сумели удалить лезвие из раны. Процедура заняла около трех часов. Причем она была очень опасной: любой резкий вздох мог привести к летальному исходу.

Коретта тотчас вылетела из Монтгомери в Нью-Йорк. Страх сжимал ее сердце, но, когда самолет приземлился, она узнала, что опасности для жизни Кинга нет. В течение почти двух недель Коретта стойко сдерживала напор людей, желавших навестить раненого. Их буквально засыпали корреспонденцией со всех сторон света — люди выражали свое беспокойство и сочувствовали Кингу. Только самым близким друзьям и нескольким официальным лицам, в частности губернатору Э. Гарриману, было позволено увидеться с Кингом. Через десять дней, сидя в коляске, Кинг дал свою первую после покушения пресс-конференцию. Он не чувствовал «никакого зла по отношению к миссис Изоле Карри, ударившей его ножом, и надеялся, что люди окажут ей помощь, в которой она, несомненно, нуждается... ».

3 октября Мартин Лютер Кинг выписался из больницы. Пробыв в Нью-Йорке еще несколько дней, они с Кореттой вернулись в Монтгомери. Изола Карри была обследована психиатрами больницы Белвью и направлена на излечение в государственную лечебницу Маттеван, где содержались опасные для общества душевнобольные.

Процесс полного выздоровления Мартина Кинга занял еще четыре месяца. Он приостановил почти всю свою деятельность, отменил все выступления и встречи. Борьба за свободу между тем не прекращалась. 12 октября в синагоге Атланты раздался взрыв. Он потряс всю нацию. Билли Грэм, чья идея о крестовом походе христиан в значительной мере предвосхитила концепцию крестового похода за гражданские права, заявил: «Каждый христианин должен выступить против насилия и произвола». К нему присоединились Пол Тиллих и другие авторитетные священники. Даже президент Эйзенхауэр нарушил привычное для него молчание и осудил этот варварский акт.

Взгляды белых на сегрегацию стали понемногу меняться. Согласно опросу, проведенному «Палпит дайджест» в 17 южных штатах, более половины священников были согласны с решением Верховного суда Соединенных Штатов от 1954 года и только три процента из 765 опрошенных выступали за открытое ему неповиновение. Почти все священники, поддержавшие совместное школьное обучение, были готовы отменить расовые барьеры в своих собственных церковных приходах. Правда, к этому были готовы далеко не все прихожане.

В Бирмингеме преподобный Фред Л. Шаттлсворт, член правления КЮХР, был арестован 20 октября в числе еще двадцати бирмингемских негров, которые сели в двух автобусах на места, предназначенные для белых. Это привело к испытанному способу борьбы — бойкоту автобусов. В более умеренной Атланте преподобный Уильям Холмс Бордере также организовал бойкот, к концу января 1959 года приведший к отмене сегрегации в городских автобусах.

Прошло уже больше года с того времени, как Кинг получил официальное приглашение премьер-министра Индии Джавахарлала Неру посетить его страну. Теперь, когда он временно был вынужден отказаться от многих своих обязанностей, Кинг решил принять это приглашение. 2 февраля он выступил на открытии ежегодной конференции Лиги противников войны в Нью-Йорке, а через неделю вместе с Кореттой и Лоренсом Реддиком поднялся на борт самолета, вылетавшего в Дели.

Самолет должен был прибыть на место в воскресенье, 8 февраля, но он приземлился с двухдневным опозданием. По этой причине на аэродроме Пэлем Кингов приветствовала лишь немногочисленная группа встречавших. Тем не менее, как подчеркивали репортеры, среди тех, кто встречал гостей вместе с Джеймсом И. Бристолом, заведовавшим в то время Квакерским центром в Дели, были руководители Национального фонда им. Ганди Дж. Рамачандран и Сачета Крипалани. Гостей увешали гирляндами живых цветов и быстро увезли в отель «Джанпет». Здесь Мартина засыпали вопросами журналисты. «В другие страны, — сказал он, — я могу ездить как турист, но в Индию я приехал как паломник. Потому что Индия для меня — это Махатма Ганди, истинно великий человек нашего времени. Индия для меня также — страна Джавахарлала Неру, этого высокоинтеллектуального, мудрого государственного деятеля, признанного во всем мире. И кроме того, Индия — это страна, где была разработана методика бескровной борьбы за социальный прогресс. Мой народ пользуется этой методикой... Мы считаем эти приемы эффективными и полезными — они работают». На вопрос одного из репортеров насчет ощутимых результатов бойкота автобусов в Монтгомери он ответил: «Подлинное значение нашей победы заключается не столько в отмене сегрегации в городском общественном транспорте, сколько в новом понимании человеческого достоинства и предназначения». В тридцати пяти городах Юга, добавил Кинг, власти добровольно отменили сегрегацию в автобусах после нашего бойкота.

Индийские коммунисты недавно одержали победу на выборах

в штате Керала — в одной из наиболее христианизированных провинций Индии. «Почему, — спросил один из корреспондентов, — американские негры не действуют подобным же образом на Юге?» — «Основная причина, — ответил Кинг, — заключается в том, что негры Америки верят в возможность обретения равенства и справедливости в рамках американской демократической системы».

График визита Кингов был очень плотным. В первый же день они завтракали с Раджкумари Амритом Кауром, пили чай у Сарвепалли Радхакришнана — известного философа, вице-президента Индии, посетили приемы, данные в их честь Квакерским центром и Фондом им. Ганди, обедали с премьер-министром Неру, любезно изменившим график своего рабочего дня по причине задержки рейса, на котором прибыли Кинги. На следующее утро, еще до завтрака, они возложили венок на место кремации Ганди и долго молились, опустившись на колени. В четверг они все утро обсуждали с председателем Фонда им. Ганди Рамачандраном проблемы движения ненасилия. Во второй половине дня Мартин выступил с речью в Делийском университете перед активом Студенческого союза и призвал положить конец всем видам предрассудков и тирании. Затем супруги нанесли визит президенту Индии Раджендре Прасаду. Вместе они прогулялись по роскошным садам Великого Могола. Парк потряс их своим многоцветьем. Коретту часто просили что-нибудь исполнить, и в тот вечер, пока Мартин встречался с активистами «ненасильственного социализма», она пела в Квакерском центре.

Главным идеологом ненасильственного социализма был Джейапракаш Нарайян — соратник Ганди во время борьбы за освобождение Индии. Кинги сначала летели на самолете, потом ехали на поезде, а затем — на джипе, добираясь до его аскетически строгой обители в Сокходеоре. Здесь они познакомились с сельской Индией. Жизнь крестьян и населения маленьких поселков очень мало изменилась за последние столетия. Кинги с удивлением встретили здесь японских ученых, которые прибыли в убежище Джейапракаша с целью изучить его опыт по созданию системы децентрализованной, самоорганизующейся демократии.

Мартин всегда пользовался популярностью у детей. Здесь он тоже никуда не мог пойти без того, чтобы один-два ребенка не шли бы рядом, держа его за руку.

Из Сокходеоры Кинги перебрались в Шантиникетан — обитель великого индийского поэта Рабиндраната Тагора. Именно сюда приезжал на Всемирный конгресс пацифистов

Мордесайя Джонсон. Это обстоятельство в глазах Мартина подчеркнуло значение его собственного пребывания здесь. Он вспомнил 1950 год, приезд Джонсона в Филадельфию и его выступление. Их с Кореттой глубоко тронуло приветствие жителей Шантиникетана. Было удивительно увидеть здесь население, столь разнообразное по этническому составу.

В Калькутту Кинги прибыли 15 февраля. Она поразила их своими контрастами. Один вечер они ужинают в их роскошном номере в отеле «Гранд», а на следующий — обсуждают проблемы бедности с лидерами рабочих. Мартин впоследствии никогда не забывал тысячи изможденных лиц беженцев из Пакистана, заполнявших улицы Калькутты.

Среди тех, с кем он виделся в Калькутте, были личный секретарь Ганди Нирмал Кумар Боуз и другие деятели, тесно связанные с движением за независимость. Коретта была в восторге от посещения студий Всеиндийского радио, где она впервые в жизни услышала такие музыкальные инструменты, как ситару, сарод, тамбурин и мридангам, о которых в те годы в Америке мало что знали. Она едва ли могла вообразить, что в один прекрасный день никому не известные чернокожие музыканты, как Ричи Хейвенс, тоже начнут играть на этих инструментах. Она была очарована необычным звучанием и сложной ритмикой этой незнакомой ей музыки.

В Калькутте Кинги пробыли три дня, а затем перелетели за тысячу миль в Мадрас — третий по численности город Индии. Здесь в течение всей следующей недели они жили среди темнокожих людей — потомков дравидов, которые владели этими землями задолго до того, как арии, выходцы с севера, принесли сюда индуизм. Южная Индия изобилует древними индуистскими храмами, рядом с ними стоят старинные христианские церкви, возведение которых связывают с миссионерской деятельностью св. Фомы. Кинги посетили храм в Махабалипураме, искусно вырубленный в монолитной скале. В Мадрасе они также нанесли краткий, но очень важный для них визит К. Раджагопалачари — государственному деятелю весьма преклонных лет, которого Ганди называл «хранитель моей совести».

Повсюду Мартин обсуждал идеи Ганди с людьми, знавшими Ганди. И, что было еще важнее, он общался с людьми, которые, подобно Раджагопалачари, сами реализовывали идеи Ганди. Ветераны борьбы за независимость Индии приветствовали его как равного себе, как апостола движения ненасилия. Обобщая впечатления от этих встреч, Мартин заметил, что это было очень похоже на то, как если бы, позавтракав с Джорджем Вашингтоном, он затем выпил чай с Джоном Адамсом, пообедал с

Джефферсоном, а вечером побеседовал с Томом Пейном.

Одной из идей Ганди, осуществленной уже после его смерти, было создание «Мирной армии», состоящей из маленьких групп добровольцев, для осуществления миротворческих миссий в регионах, раздираемых конфликтами. В Гандиграме Мартина и Коретту приветствовали пять сотен членов «Мирной армии». Кингам повезло: была как раз пятница и они смогли присутствовать на еженедельной религиозной службе, во время которой читались индуистские, мусульманские, христианские и буддистские тексты. Как и Сокходеора, Гандиграм был своего рода экспериментальным сообществом, где испытывались на практике идеи Ганди. Здесь можно было увидеть реальные результаты осуществления программы Ганди, который основное внимание уделял ручному ремесленному и сельскохозяйственному производству с равным распределением между людьми объемов работ и доходов. Это был единственный пункт на всем их маршруте, где речь Кинга пришлось переводить на местный — тамильский — язык. Жена председателя Фонда им. Ганди миссис Сандарам Рамачандран, которая организовала эту поездку, сопровождала Кингов как гид и переводчик.

Из Гандиграма они отправились на юг, в Мадурай, время от времени останавливаясь по дороге. Первой была деревня, где жили люди из касты неприкасаемых. Это были бедные, но очень гостеприимные люди. В одной из хижин Мартина и Коретту угостили свежим кокосом. Затем на их пути оказались две деревни, во главе которых стоял Виноба Бхаве, один из самых близких учеников Ганди. Винобу называли «странствующим святым», потому что он, распространяя свет истины, пешком прошел по сельским дорогам сотни километров. Виноба говорил о необходимости изъять землю и урожай у крупных землевладельцев и передать их бедному крестьянству. Жители руководимых им деревень пользовались правом самоуправления и справедливо распределяли плоды своего труда. Кинги приехали как раз во время обеда и сели есть вместе со всеми — как миллионы бедных индийцев, расположившись прямо на земле с банановым листом в качестве тарелки.

В Мадурай они приехали к концу дня. Сначала осмотрели величественный и очень древний индуистский храм, а вечером Мартин выступил перед аудиторией, собравшейся в новом музее Ганди. У себя дома Кинга, скорее всего, никто не считал пророком, но в Индии к нему относились именно так. Фонд им. Ганди был, по сути, объединением людей, прошедших школу борьбы за независимость Индии. Его попечительский совет включал Неру, Раджагопа-лачари, Бирла, Морарджи Десаи и

многих других знаменитых людей. Председателем Фонда до своего избрания был президент Индии. Как гостям фонда Кингам повсюду был гарантирован теплый и радушный прием. И где бы они ни появлялись, люди повсюду засыпали Мартина вопросами.

В Тривандруме, столице штата Керала, в аэропорту гостей встречала толпа, увешанная гирляндами живых цветов. Первый министр штата Намбудирипад, недавно вернувшийся из Москвы, дал завтрак в честь Мартина Кинга. Сам он приехал за полчаса до начала, чтобы наедине побеседовать с гостем. А вечером того же дня Кингов свозили в Канньякумари — самую южную оконечность Индии. Они больше часа просидели в размышлениях на скалах, созерцая бесконечную даль Индийского океана, освещаемого роскошным закатом. На следующий день с утра пораньше, еще до завтрака Кинг, Редцик и Бристол купались на тропическом пляже, а вечером Мартин выступил перед огромной толпой. Ганди, сказал он, проложил путь всему человечеству и только этот путь ведет к прочному миру и справедливости. В век термоядерного оружия, заявил Кинг, «выбор более не лежит между ненасилием и насилием, но между ненасилием и несуществованием».

Вновь направившись на север, Кинги три дня провели в Бангалоре, посетив здесь как деревенские мастерские, так и крупные фабрики. Губернатор штата Майсор сопровождал их во время посещения Всеиндийской выставки крупного рогатого скота, где в числе прочих экспонатов им показали быка стоимостью в восемь тысяч долларов, у которого была знатная родословная. Встречу с общественностью назначили на восемь часов 26 февраля в здании Института мировой культуры. Собрался полный зал. Еще две недели тому назад Мартин никогда бы не поверил, что хоть кто-нибудь придет для встречи с ним в столь раннее время.

В поддень 26 февраля Кинги отправились в Бомбей, где встретились с Р. Р. Дивакаром. Мартин долго беседовал с ним о том, как Ганди понимал ненасилие. Дивакар, председатель правления Фонда им. Ганди, провел чету Кингов по дому, в котором жил Ганди. Затем Мартин и Коретта посмотрели часовой документальный фильм «Голос Индии» — о жизни Ганди. Со многими героями этого фильма Кинги встречались во время своей поездки.

Рано утром 1 марта Клнги вылетели в Ахмедабад и оттуда на машине добрались до обители Ганди, расположенной на берегу реки Сабармати. Здесь Ганди жил и работал в течение восемнадцати лет, отсюда он начал свой знаменитый Соляной марш 1930 года. Уходя, Ганди дал клятву, что он не вернется в Сабарматскую обитель прежде, чем Индия завоюет свою

независимость. Мартин и Коретта присоединились к молитве шестисот местных обитателей.

После молитвы они продолжили путь на север и в маленькой деревушке неподалеку от Кишингара вновь встретились с Джейапракашем Нарайяной и Винобом Бхавом, которые приехали сюда на всеиндийскую конференцию. К сожалению, Мартин приболел и не смог выступить перед участниками конференции, но затем ему стало легче, и он присоединился к Винобу во время пешего марша.

На обратном пути в Дели Кинги на целый день останавились в Агре, бывшей когда-то резиденцией Великих Моголов. Утро они провели в Тадж-Махале — в сказочно красивой усыпальнице императрицы Мумтаз Махал, возведенной в XVII веке. Сколько иронии, подумали они, в том, что результатом двадцатидвухлетнего труда многих людей стало создание внушительного ансамбля, предназначенного для одного-единственного покойника. Во второй половине дня Кинги прогулялись по крепости Агры, построенной в XVI веке из местного песчаника. Они осмотрели стены крепости, достигающие двадцати метров в высоту, и многочисленные покои дворца, защищенного этими стенами.

На следующий день Кинги приехали в Дели, где провели несколько часов с Пиарелалем Найяром, автором нескольких книг о жизни Ганди. Пиарелал представил их своим гостям, лично знавшим Ганди; эти люди специально собрались у него, чтобы пообщаться с Кингом.

В Дели Кинги поселились в Квакерском центре и большую часть последней недели своего пребывания в Индии посвятили обсуждению всего того, что им довелось здесь увидеть. В головокружительном турне их провезли вдоль всего побережья Индии. До этого они только однажды покидали пределы США, когда ездили в Гану. Четыре недели, проведенные в Индии, представлялись им подлинным паломничеством по святым местам. Впечатления, вынесенные из этой поездки, они сохранили на всю жизнь. Приглашение президента Нкрумы и краткая с ним встреча в Аккре свидетельствовали о том, что Кинга воспринимают как деятеля международного значения. Недели, проведенные в Индии, наполнили этот статус реальным содержанием. Кинг осознал свою роль на мировой сцене, ощутил себя частью всемирной истории, частью всего человечества. Это оказало серьезное влияние на всю последующую деятельность Кинга.

Чета Кингов и доктор Реддик покинули Дели ранним утром 10 марта. За день до отлета состоялась их пресс-конференция в

Фонде им. Ганди. «Мы очень многое узнали, — сказал Мартин Лютер Кинг, — но было бы крайне опрометчиво полагать, что мы узнали Индию — эту обширную часть континента со всем ее многонациональным населением, с ее проблемами, контрастами и достижениями. И тем не менее мы осмеливаемся предложить вашему вниманию... одно-два обобщения.

Во-первых, мы думаем, что дух Ганди сегодня ощущается здесь гораздо сильнее, чем многие предполагают. Он поддерживается не только его товарищами и единомышленниками, но также деятельностью Фонда им. Ганди и движением, во главе которого находится канонизированный при жизни Виноба Бхаве...

Во-вторых, я хотел бы обратиться с просьбой к народу и правительству Индии. Тема мира во всем мире столь важна, что я чувствую себя вынужденным обратиться к вам с предложением, которое пришло мне в голову во время одной из наших бесед с Винобаджи. (Суффикс «джи» часто добавляется к индийским фамилиям как знак особого уважения: Ганди — Гандиджи, Виноба — Винобаджи и т. д.).

Миролюбивым народам пока еще не удалось убедить мою собственную страну Америку и Советскую Россию избавиться от страха и разоружиться. К несчастью, ни Америка, ни Советский Союз пока не верят в такую возможность и не обладают необходимым для этого мужеством. Винобаджи сказал, что Индия или любая другая страна, которая обладает этой верой и моральным мужеством, могла бы разоружиться хоть завтра, даже в одностороннем порядке. Продемонстрировав всему миру, что нация способна мирным путем добиться своей независимости, — сказал Кинг, — Индия могла бы возглавить это движение, призвав ко всеобщему разоружению. И если никакая другая страна не присоединится к ней незамедлительно, Индии следовало бы объявить о своем одностороннем разоружении.

Такой мужественный поступок был бы грандиозной демонстрацией силы духа Махатмы Ганди и стал бы величайшим призывом остальному миру последовать этому примеру. Любая страна, сделавшая такой шаг, сразу привлечет к себе симпатии большей части жителей планеты. Так что потенциальный агрессор будет вынужден отступиться от планов напасть на нее, рискуя в противном случае вызвать на себя гнев всего человечества».

На следующее утро Кинги уже смотрели из иллюминатора на летное поле: было странно видеть Джима Бристола и Свами Вишвананду в числе провожавших — настолько они привыкли к их присутствию рядом с собой. Как позднее написал Свами: «Некоторые из нас вели себя сдержанно и молчаливо — слишком

уж благоговейными оказались установившиеся отношения. Когда говорит сердце, язык должен молчать. Наши глаза всматривались в небеса до тех пор, пока самолет, уносивший Кингов, не скрылся за горизонтом».

Когда Кинги вернулись из Индии, чернокожая Америка находилась в состоянии беспокойного брожения. Прошло почти пять лет со дня отмены Верховным судом сегрегации в школах. Были приняты и другие постановления, призванные сделать негров равноправными гражданами. Прогресс был очевиден. Тем более что во многих местах цветным не пришлось отвоевывать в борьбе свои гражданские права. В большинстве городов расовые перегородки были убраны без всякого шума. Но десегрегация еще не означала объединения людей разных рас. Грубый экстремизм ку-клукс-клана остался в прошлом, но внимательное изучение американской жизни и нравов выявляло очень мало следов реальной интеграции. В списках ведущих организаций, отстаивавших принципы равенства, в офисах движений «Американцы за демократическое действие» или «Союз борьбы за американские гражданские свободы» можно было увидеть очень мало темнокожих людей. В любой «интегрированной» школе училась в лучшем случае небольшая показательная группа негритянских детишек, часто отвергаемых их белыми однокашниками. Белая Америка еще только изучала свое заболевание, которое подчинило себе души многих белых людей.

Революции порождаются не безнадежным отчаянием, а искрой отчаянной надежды. Надежда порождает потребность в переменах. Во время Второй мировой войны положение негров, хотя они на равных с белыми участвовали в боевых действиях, почти не улучшилось. Не принес решительных успехов и бойкот в Монтгомери. Акт о гражданских правах от 1957 года также в очень малой степени способствовал обеспечению равенства. Однако каждое из этих событий представляло собой шаг вперед; в совокупности они служили гарантией будущих улучшений.

Стремление негров добиться всей полноты гражданских прав не встречало понимания у белых. Чернокожие казались им ненасытными. Белые ссылались на улучшения в положении черных и заявляли, что у негров «дела никогда не обстояли столь хорошо». Но стоит ли удивляться, что негры, понимая, сколь многого они еще лишены, готовы были требовать себе равных прав, не обращая особого внимания на неудобства, которые их требования причиняют белым.

Такова была ситуация в 1959 году. Не прошло и недели со дня проведения 18 апреля второго Марша молодежи за совместное школьное обучение, как в Поплярвилле, штат

Миссисипи, линчевали Мэка Паркера. Негритянская общественность потребовала от властей, чтобы убийцы были наказаны. Однако в этом хоре уже слышались новые нотки, свидетельствующие о воинствующем радикализме черных. Лидер негритянской организации Народ Ислама Илийя Мухаммед и его блестяще одаренный, темпераментный помощник Малколм Литтл, который под псевдонимом «Малколм Икс» отвергал призывы воздействовать на «совесть белой Америки», яростно клеймили Мартина Лютера Кинга за его пропаганду ненасилия перед лицом вероломных «голубоглазых дьяволов». Речи Малколма Икса находили понимание и отклик у тысяч негров, которые собирались послушать его на улицах гетто северных городов. Малколм Икс наносил серьезные удары по учению Мартина Кинга, подрывал его авторитет лидера общенационального движения негров за свободу.

Еще один оппонент Кинга объявился на Юге — в округе Монро, штат Северная Каролина. Здесь руководитель местного отделения НАСПЦН Роберт Ф. Уильямс создал вооруженный негритянский отряд, который вступил в перестрелку с куклукскланновцами и полицией. Уильямс, ветеран войны, морской пехотинец, заявил, что негры округа Монро пытались действовать ненасильственными методами, что они множество раз обращались к властям штата и к федеральному правительству, но ничего этим не добились. «Бойкот автобусов в Монтгомери, — писал он, — был крупной победой американской демократии, но он не может служить руководством к действию во всякой ситуации. Будь у Паркера револьвер, он сумел бы постоять за себя».

«Борьба негров за гражданские права, — признал в это время Мартин Лютер Кинг, — достигла стадии глубокого кризиса... Полная общественная интеграция может стать очень далекой или вообще нереальной целью... Нации может быть жестко навязан такой вариант, при котором интеграция сведется к сплошной показухе на долгие годы вперед. Такой компромисс однажды уже был реализован в 1878 году, но негры больше не примут его. Сегодня они, скорее, возьмутся за оружие, как это сделал Роберт Уильямс. Когда негр использует силу в целях самозащиты, он не лишается общественной поддержки. Возможно, она даже усиливается в связи с проявленными им мужеством и чувством самоуважения... Как бы негр ни вел себя, его борьба не будет свободна от насилия, инициируемого его врагами. Но если он сам начнет искать силовые решения, он не может победить...

Организованные массы, выходящие на демонстрацию, обладают большей силой воздействия, чем пистолеты в руках

кучки отчаянных людей. Наши враги предпочли бы иметь дело с маленькой вооруженной группой, а не с огромной безоружной, но решительно настроенной массой людей. Ганди советовал своим соратникам в борьбе против британцев «никогда не давать им передышки». Мы обладаем мощным оружием. Это — голоса, ноги и тела сплоченного, убежденного народа, который без остановки движется к справедливой цели. Куда более великие тираны, чем южане-расисты, были подавлены и разгромлены таким образом. Мы еще толком ею не воспользовались, этой формой борьбы, и было бы трагедией отвергнуть ее с презрением только потому, что мы не смогли разглядеть ее силы».

Идеологи движения ненасилия продолжали бороться за умы людей. Трехдневный семинар по проблемам ненасилия, проводившийся в июле в аудитории Колледжа Спил-мена, город Атланта, спонсировался совместно тремя организациями — КЮХР, КЗРР и ТПРП. На нем выступали Рэндолф, Реддик, Растин, Лоусон, Ричард Грегг и Уильям Стюарт Нелсон. В августе МАУ привела в боевую готовность свои силы для сентябрьских выступлений за совместное школьное обучение в Монтгомери. 5 сентября в Майами КЗРР организовал двухнедельный семинар по стратегии и тактике ненасильственного действия, особо рекомендуя методику сидячих забастовок, которые широко использовались этой организацией на Севере начиная с 1942 года.

Еще летом коллеги Мартина Лютера Кинга высказали мысль, что ему следует перебираться в Атланту. В 1958 году исполнительный секретарь КЮХР Элла Бейкер обустроила постоянный офис организации в Атланте, которым доктор Кинг время от времени пользовался. Через год стало ясно: КЮХР необходимо иметь штаб-квартиру в Атланте, а лидер должен быть готов к тому, что ему придется проводить в тамошней штаб-квартире все больше и больше времени.

Брат Мартина — А. Д. давно уже помирился с отцом. Он оставил работу в страховой компании и вернулся в Морхаусский колледж. Когда Мартин обосновался в Монтгомери, А. Д. принял приглашение отца и занял должность его помощника в церкви Эбенезер. Теперь он собирался стать пастором Первой баптистской церкви в Бирмингеме. Тем с большим нетерпением Мартин Лютер-старший ожидал возвращения в Атланту своего другого сына и полного тезки в качестве своего помощника.

Мартину и Коретте перезжать не хотелось. Они успели привязаться к Монтгомери. Но интересы дела требовали переезда. В воскресенье, 29 ноября, перед сбором пожертвований доктор Кинг объявил своей пастве, что хочет изменить свою жизнь. Он

сказал: «Я востребован историей, и мне этой судьбы не избежать... Я хотел бы сложить с себя обязанности пастора баптистской церкви на Декстер-авеню в четвертое воскресенье января». Когда с формальностями было покончено, все присутствовавшие взялись за руки и спели «Пусть будет благославен связующий нас узел». Мартин почувствовал, как сжалось его сердце, а на глаза навернулись слезы.

На следующий день он подготовил заявление для печати, указав, что оно должно быть опубликовано во вторник утром. «Пришло время, — говорилось в заявлении, — на всем южном направлении перейти в решительное, широкомасштабное наступление в битве за равенство. Я долго размышлял и молился, пока не пришел к глубокому убеждению, что наступил решающий в психологическом отношении момент, когда массированная атака на несправедливость может принести ощутимые, значительные результаты. Мы не должны упустить наше нынешнее стратегическое преимущество. Очень скоро мы познакомим вас с нашей новой программой. В ней мы не только усилим деятельность по регистрации избирателей, но и осуществим широкое наступление на все формы дискриминации и сегрегации. Мы должны обучать как нашу молодежь, так и взрослых лидеров достигать перемен посредством ненасильственного сопротивления. Мы должны использовать новые методы борьбы, предполагающие участие огромных масс людей».

Глава 5.
Сидячие и Автомобильные Демонстрации в Защиту Свободы

Официально срок полномочий доктора Кинга в монтгомерской церкви закончился 24 января I960 года. Вскоре начались хлопоты, связанные с переездом Мартина, Коретты и двух их детей в Атланту. Здесь их ожидал новый просторный дом из красного кирпича, в котором над любимым креслом Мартин собирался повесить большой портрет Ганди — копию привезенного им из Индии портрета, который украшал его кабинет в офисе КЮХР.

Кинги думали, что пройдет несколько недель, прежде чем Мартин сможет приступить к реализации своего декабрьского призыва перейти к массированному наступлению. Между тем его обращение встречало многочисленные отклики по всему Югу. Особенно горячо их встретили учащиеся негритянских колледжей. Одним из таких молодых людей был Эзелл Блэр-младший, первокурсник из Сельскохозяйственного колледжа штата Северная Каролина в Гринсборо. Он внимательно прочитал и хорошо усвоил книгу комиксов «Мартин Лютер и монтгомерское дело», изданную ТПРП.

31 января сосед Блэра по комнате в общежитии Джозеф Макнилл попытался перекусить в буфете автобусного вокзала. Ему сказали, что негров здесь не обслуживают. Вечером Джозеф рассказал об этом инциденте Блэру, и они решили не оставлять его без ответа. После некоторого размышления Блэру пришло в голову вновь посмотреть «книгу комиксов». Он показал ее Макниллу, и тот, полистав ее, предложил: «А давай устроим бойкот!» На следующий день с двумя другими первокурсниками они отправились в местный универмаг Вулворта и уселись за буфетной стойкой. Как и на автобусных станциях фирмы «Грейхаунд», осуществлявшей междугородние перевозки, здесь обслуживали только белых покупателей. Ребят отказались обслуживать, и они просидели за стойкой с 10 часов утра до 12. 30 пополудни. Тем не менее они возвращались сюда каждый день, а 4 февраля к ним присоединились белые студентки из женского колледжа. Сообщение об этой акции было передано по радио и телевидению. 8 февраля студенты Колледжа Северной Каролины и белые студенты Университета Дьюк начали сидячую демонстрацию в буфете автовокзала в Дёрхеме, в 50 милях к

востоку от Гринсборо, и в Уинстон-Салеме, в 22 милях к западу. Их примеру последовали негритянские студенты Педагогического колледжа и белые учащиеся из Уэйк-Форреста. С каждым днем все больше и больше студентов присоединялось к участникам сидячих демонстраций. За десять дней в них приняли участие студенческие группы из десяти городов штата Северная Каролина, а через две недели к акции примкнули учащиеся учебных заведений Южной Каролины, Теннесси и Виргинии.

В ряде мест произошли столновения. В Портсмуте, штат Вирджиния, например, школьники ответили на провокации белых расистов дракой. В таких случаях представители ТПРП и КЗРР быстро выезжали на места, чтобы погасить страсти.

В действиях студентов не было единства, они не использовали накопленный опыт и действовали в основном методом проб и ошибок. В особенности это относится к первым двум месяцам акции, когда между протестующими из разных колледжей не было постоянных контактов. Каждая группа имела свою собственную, автономную структуру. В некоторых студенческих городках акциями руководили избранные председатели, тогда как в других местах верховодили те, кто первыми проявили инициативу.

Вскоре начались первые аресты: 12 февраля, в день рождения Линкольна, были задержаны студенты из Университета Шоу и Колледжа Св. Августина. Это не только не остановило демонстрантов, но, наоборот, лишь усилило общее чувство солидарности и вызвало расширение участия в акции. На следующий день учащиеся Флоридского университета в Таллахасси толпой промаршировали к буфетным стойкам автовокзалов, а оттуда — прямиком в тюрьму.

К концу марта сидячими демонстрациями было охвачено свыше пятидесяти южных городов. В ряде городов демонстраций дожидаться не стали. Например, в Хьюстоне и Сан-Антонио владельцы универсальных магазинов в спокойной обстановке обсудили ситуацию с местными правозащитными группами и без шума открыли для негров свои буфетные стойки. Студенческие организации северных городов активно поддерживали чернокожее студенчество Юга и их борьбу за равенство. Они писали петиции в их защиту, собирали для них деньги и пикетировали местные представительства тех торговых компаний, которые в своих буфетах на Юге продолжали вести политику сегрегации. В Нью-Хейвене 200 учащихся Йельской теологической школы провели марш молчания в поддержку сидячих демонстраций. Ими также был составлен «черный список» наиболее непримиримых в расовом отношении хозяев

гостиниц. В Нью-Йорке члены профсоюзов, либеральных организаций и КЗРР пикетировали сотни магазинов компании «Вулворт». Координатор бойкота от КЗРР Гордон Кэри 4 апреля докладывал: «В некоторых из этих магазинов за всю вторую половину дня не было и дюжины покупателей».

Учащиеся Колледжа Монтгомери обратились к новому председателю МАУ Ралфу Эйбернети с просьбой помочь им организовать сидячую демонстрацию в здании суда. За эту акцию из колледжа отчислили семь студентов. Среди них был и Бернард Ли — председатель Студенческого комитета протеста Алабамы. Некоторое время спустя Ли вместе с Джеймсом Бивелом и несколькими другими активистами сидячих демонстраций были приняты в штат КЮХР. Новые члены привнесли с собой в движение совершенно новый настрой, они изменили всю конфигурацию сил, выступавших за расовое равенство.

В Нэшвилле, где располагалась штаб-квартира представителя ТПРП Джеймса Лоусона, местное отделение КЮХР сумело установить очень крепкие связи с местным Советом христианского руководства, который возглавлял Келли Миллер Смит. В течение многих месяцев сотрудники этих организаций совместно занимались проведением семинаров по организации ненасильственных действий. При их содействии было организовано пикетирование местных буфетов. В первый же день этой акции, 13 февраля, было арестовано в общей сложности 79 студентов. Их обвинили в нарушении общественного порядка. Джеймсон Джонс, издатель общеамериканского методистского студенческого журнала «Мотив», работавший в Нэшвилле, дал в своей статье описание происшедшего: «Их всячески обзывали, но они хранили спокойствие. Они не отвечали ударом на удар. И даже тогда, когда белые подростки таскали за волосы и тушили окурки о спины негритянских девушек, они не сопротивлялись. Они молились и были готовы с достоинством вынести все, что им предстояло».

Сидячие забастовки продолжались в Нэшвилле в течение двух месяцев, пока массовый марш протеста, проведенный 12 апреля, чуть было не закончился вооруженным противостоянием. Только тогда местные коммерсанты согласились на переговоры. Они пошли на это, чтобы избежать серьезной вспышки насилия. Однако нельзя сбрасывать со счетов и экономический бойкот. Эти два фактора в равной мере влияли на урегулирование ситуации в различных населенных пунктах. Через месяц буфеты шести универсальных и специализированных крупных магазинов Нэшвилла были открыты для чернокожих клиентов. Однако даже три года спустя сидячие забастовки здесь продолжались. Полная

десегрегация мест общественного питания была достигнута только после столкновений, приведших к человеческим жертвам.

Белые участники сидячих демонстраций — расисты называли их «любителями черномазых» — подвергались особо жестокому преследованию. Малколм Карнахэм — белый однокашник Джеймса Лоусона по богословскому факультету — был однажды избит молодыми расистами, а затем арестован полицией вместе с ними за драку, несмотря на то что сознательно не оказывал никакого сопротивления. В Новом Орлеане, где сидячие демонстрации встретили яростное сопротивление, власти арестовали белого студента Тьюлейна Сидни Голдфинча, обвинив его в «преступном анархизме». С 28 марта I960 года по февраль 1962 года в Новом Орлеане было арестовано свыше трехсот участников демонстраций. Но выступления протеста здесь продолжались, и 12 сентября 1962 года для негров были открыты буфеты в пятнадцати крупных магазинах. В Джексонвилле, штат Флорида, белый американец Ричард Паркер был приговорен к трехмесячному тюремному заключению. Однако по всей стране прокатились протесты, через шестьдесят дней его освободили. В Далласе 58 белых студентов из Южного методистского университета присоединились к двум своим негритянским однокашникам, устроившим сидячую забастовку за буфетной стойкой в местной аптеке. Их пытались выгнать, даже опрыскали ядохимикатами, но они просидели до закрытия аптеки.

Преподобный Мэттью Макколам, один из основателей КЮХР, начал работать в Оранджберге, где господствовали расистские настроения, еще до автобусного бойкота в Монтгомери. Сидячие демонстрации в этом городке отличались превосходной организацией. Учащиеся Колледжа Клофлин и Южно-Каролине кого государственного колледжа были разбиты на группы по сорок человек. Планы действий разрабатывались самым тщательным образом, учитывалась любая мелочь, включая точный хронометраж: устанавливалось, к примеру, сколько минут занимает дорога из колледжа до каждого магазина. К участию в демонстрациях допускались только те, кто был уверен, что он не ответит, «даже если его лягнут, ударят или плюнут на него». Поэтому, выйдя в тот день, 25 февраля, из студенческого городка группами по 3—4 человека, каждый из черных студентов знал, в какую именно дверь магазина он должен войти и на какой именно стул за буфетной стойкой он должен был сесть. Для каждой группы разрабатывался самостоятельный маршрут, чтобы они подошли одновременно к универмагу, избежав при этом ареста за несанкционированное массовое шествие. Это было начало кампании, которая достигла своего апогея 15 марта. Было

холодно, температура упала ниже 0° по Цельсию. Полиция встретила демонстрантов слезоточивым газом и водой из брандспойтов. Все участники марша промокли до нитки, а некоторые оказались на асфальте — их сбило с ног струями воды. В их числе оказались слепая девушка и еще несколько инвалидов. Свыше 500 учащихся было арестовано. Из них 150 отвезли в городскую и окружную тюрьмы. Остальных, порядка 350 человек, дрожавших от холода и сырости, загнали на открытую площадку, где они начали громко молиться и распевать псалмы. Участь тех, кого развезли по тюрьмам, была немногим лучше. Некоторых заперли в подвале, рядом с бойлерной, где стояла страшная жара. Один из учащихся оказался в камере, пол которой был залит трехдюймовым слоем воды.

Повсюду на Юге демонстранты носили с собой отпечатанную в типографии памятку: «Помни учения Иисуса Христа, Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Помни, что ты должен любить людей и избегать насилия». Многие изучали книгу Кинга «Поход за свободой». Участники протеста видели в Мартине Лютере Кинге прежде всего своего символического лидера. Они читали листовки и брошюры, выпущенные КЗРР, например «Как действовать без насилия»; популярна была книга Ричарда Грегга «Сила без насилия», но имя Мартина Лютера Кинга имело для них совершенно особое значение. Темнокожие студенты часто спрашивали друг друга; «Как ты думаешь, что бы в такой ситуации сделал Мартин Лютер Кинг?» Даже те, кто считал, что их собственные взгляды отличаются от воззрений Кинга, постоянно упоминали его. Они говорили: «Никуда не деться от того факта, что Кинг уникален. Быть может, он не самый лучший из всех возможных вариантов лидера, но он — настоящий вождь». Каким бы ни был Кинг, он сделался символом, и это стало главным. Он был повсеместно признан вождем.

Так сложилось, еще когда КЮХР только зарождалась. Всегда следует иметь в виду, что Кинг как глава КЮХР и Кинг как апостол ненасилия — не всегда один и тот же человек. Его нравственный авторитет играл более значительную роль, нежели все стратегии, разработанные КЮХР. Организаторы сидячих забастовок часто спорили с ним и даже ссорились. Однако в их отношении к нему всегда было почти сыновье чувство. В период сидячих демонстраций Кинг одним своим неоспоримым авторитетом влиял на происходившее. В потоке быстро и хаотично развивавшихся событий он возвышался над ними, как могучая скала.

Семейство Кингов еще продолжало обустраиваться на новом месте, когда Элла Бейкер предложила организовать конференцию

активистов сидячих демонстраций. Мартин с готовостью принял эту идею; для этого КЮХР выделил 800 долларов. Элла Бейкер сумела убедить руководство университета Шоу, который сама закончила, предоставить аудиторию и общежитие участникам конференции. К началу трехдневной конференции, которая открылась 15 апреля, Движение охватило шестьдесят населенных пунктов в двенадцати штатах Юга. Оттуда прибыло 126 делегатов и еще 19 — из учебных заведений Севера. Вместе с представителями КЮХР и других правозащитных организаций всего присутствовало 212 участников. Когда конференцию объявили открытой, все встали и пропели гимн «Мы победим!».

Двумя основными докладчиками были Мартин Лютер Кинг и Джеймс Лоусон. В своем обращении Кинг привел пять пунктов, без реализации которых, по его мнению, невозможно добиться победы. Во-первых, нужно создать какую-либо постоянную организацию; во-вторых, необходимо развернуть «в масштабах всей страны кампанию финансового давления на расистов, бойкотируя их торговые предприятия»; в-третьих, нужны «добровольцы, которые охотнее будут сидеть в тюрьме, нежели станут вносить залог или оплачивать штраф»; в-четвертых, борьба за свободу должна развернуться в каждом населенном пункте Юга без исключения. Такое расширение фронта борьбы докажет решимость ее участников и непременно вызовет энергичную их поддержку со стороны всей прогрессивной общественности, которая станет оказывать давление на федеральное правительство и требовать его вмешательства. И наконец, в-пятых, Кинг убеждал студентов в необходимости «глубже постигать философию ненасилия… Существует важный элемент, который придает нашему сопротивлению и ненасилию подлинный смысл. Это стремление к расовому примирению. Нашей конечной целью должно стать создание гуманного, человеколюбивого общества. Надо помнить: приемы ненасилия, лишенные духа ненасилия, могут превратиться в новый тип насилия».

Затем на трибуну поднялся Лоусон. Он выступил с резкой критикой системы белого господства; особенно же он обрушился на негритянский средний класс, который стремился к сохранению расового неравенства, поскольку оно обеспечивало его имущественные интересы. Кинг и Лоусон были ровесниками. Лоусон три года провел в Индии в качестве миссионера, а во время конференции был студентом теологического факультата в Вандербилте (вскоре его отчислили за участие в сидячих демонстрациях). Он помог установить тесный контакт между Кингом и учащейся молодежью. Более резкий, нежели Кинг, он

был близок юной аудитории и многим казался наиболее вероятным кандидатом в руководители негритянской организации. Однако личная жизнь Лоусона сложилась так, что он не только не стал одним из руководителей, но и вообще вышел из движения протеста. После исключения из Университета Вандербилта он учился в Бостонском университете, а затем стал пастором методистской церкви в Шелбивилле, штат Теннесси. Другим потенциальным лидером был Чарлз Джоунс — весьма незаурядный и очень мужественный студенческий вожак из маленького Колледжа Шарлотт. Он смело противостоял полицейскому насилию в Рок-Хилле, штат Южная Каролина, потом некоторое время работал секретарем молодежного отдела ТПРП, принимал участие в автомобильных демонстрациях и, в конце концов, предпочел стать уполномоченным федерального правительства в Вашингтоне. Сидячие студенческие демонстрации выдвинули немало таких личностей, которые впоследствии проявили себя совершенно непредсказуемым образом.

Впрочем, это относится не только к чернокожим лидерам. Первым временным исполнительным секретарем зарождавшегося студенческого комитета был Эд Кинг — белый священник-методист, уроженец штата Миссисипи. Он был приговорен в Алабаме к исправительным работам за то, что попытался пообедать вместе с чернокожим священником Элроем Эмбри в одной из гостиниц Монтгомери. Его преемницей стала Джейн Стембридж, белая американка из Вирджинии, ученица Нибура и Тиллиха в

Союзной богословской семинарии. В июне она переехала в Атланту, где Элла Бейкер уступила ей половину своего кабинета.

На конференции были избраны пятнадцать членов правления, призванных создать «постоянную организацию», о которой упоминал Мартин Лютер Кинг. Одновременно дискутировался вопрос, станет ли эта организация филиалом КЮХР? Делегаты решили, что это будет независимая группа, поддерживающая дружеские связи с КЮХР. Комитет пятнадцати в мае собрался в Университете Атланты вместе с Кингом, Лоусоном, Эллой Бейкер и Леном Холтом — юристом КЗРР из Норфолка, штат Вирджиния. Здесь и было решено называться Координационным комитетом студенческого сопротивления (ККСС). Было принято заявление: «Мы подтверждаем, что философско-религиозный идеал ненасилия является первоосновой, определяющей наши цели, наше кредо и наш образ действий. Ненасилие, вырастающее из иудейско-христианской традиции, требует установления справедливого социального порядка, проникнутого

человеколюбием. Объединение усилий людей доброй воли представляет собой первый шаг на пути создания такого общества... » Эта декларация полностью отвечала идеям Кинга, пусть даже он собственной рукой не вписал в нее ни одной буквы. Но прошло немного времени, и руководство комитета было очищено от белых, и основным мотивом его действий стала не проповедь ненасилия, а, скорее, пропаганда силы черных.

Между тем за три месяца, в течение которых разрасталось и крепло движение сидячих демонстраций, защитники белого господства приложили немало усилий для того, чтобы дискредитировать человека, которого они считали главным виновником и организатором общественных беспорядков. 17 февраля два помощника шерифа появились в баптистской церкви Эбенезер. Они вручили Кингу постановление об его аресте, выписанное в Алабаме. Большое жюри окружного суда Монтгомери обвинило его в фальсификации налоговых деклараций за 1956 и 1958 годы. Лучшего способа опорочить апостола жертвенной любви, чем выставить его мошенником, набивающим свои карманы деньгами, собираемыми на благие цели, нельзя было и придумать. Возрождение злостных домыслов, распускавшихся против него в 1956 году, привело Мартина в состояние ужаса и оцепенения. Обвинение, безусловно, было ложным.

Он с большей охотой принял бы смерть по обвинению чисто политическому, связанному с его моральными принципами, чем лишился бы доброго имени. Обладая чувствительной душой чернокожего пуританина, постоянно помня об учениях Иисуса и Ганди, он не мог испытывать в связи с этим обвинением ни гнева, ни ярости. Его охватило ощущение отвратительного беспокойства.

Он должен был выступать в Чикаго, но сначала отменил поездку. Затем, собрав в конце концов воедино всю свою волю, мужество и веру, все-таки решил, что в Чикаго поедет. Так в течение многих недель он колебался в своих действиях — его, кажется, выбили из колеи. Он испытывал адские муки, неся свой необычный, невидимый миру тяжкий крест. Только Коретта и горстка самых близких людей видели и понимали, чего это ему стоило, 11 мая он появился в Нью-Йорке на завтраке, устроенном профсоюзными лидерами, которые уже внесли 1000 долларов и дали слово собрать еще 2000 на его судебные расходы и продолжение борьбы за свободу. Он сказал им, что сидячие демонстрации наверняка поспособствуют либерализации избирательных прав в связи с предстоявшими в ноябре президентскими выборами. Тем не менее он не мог избавиться от

горечи при мысли, что должен отстаивать свою честь в зале суда. Более всего его расстраивало то обстоятельство, что он будет тратить общественные деньги на себя с целью доказать, что он не использовал общественные фонды в своих личных целях. У него не было выбора, и это уязвляло его. Он должен был выиграть это дело, не дав упрятать себя в тюрьму. Во время нью-йоркского визита Кинга губернатор штата Нелсон Рокфеллер, убежденный баптист, предоставил ему личный самолет для полета в Университет Олбани, а перед очередным благотворительным званым обедом в Нью-Йорке они долго беседовали наедине. «Он произвел на меня глубокое впечатление силой своих убеждений», — позднее сообщил Кинг. Он был счастлив получить щедрое пожертвование в фонд КЮХР, но при этом отказался поддержать Рокфеллера в качестве кандидата в президенты США.

После тяжелых юридических баталий дело Кинга о налогах и доходах было наконец рассмотрено судом присяжных. Жюри состояло сплошь из белых мужчин, жителей Алабамы. Здание суда во время этих заседаний окружалось кольцом полицейских, помахивавших дубинками, и конными помощниками шерифа, готовыми разогнать любую демонстрацию. Атмосфера в зале была напряженной, даже накаленной настолько, что Коретта не выдержала и разрыдалась, когда, ко всеобщему удивлению, жюри присяжных вынесло оправдательный приговор. Это произошло 28 мая, в субботу. На следующий день, вернувшись в Атланту, Мартин Лютер Кинг произнес проповедь, названную им «Автобиография страданий». В ней он поделился со своей аудиторией всеми теми душевными муками, которые испытал с момента предъявления ему обвинения. А затем он с чувством сострадания стал говорить о своих преследователях, о двигавших ими мотивах. Не ненависть, а страх побудили их пойти на столь низкий поступок, как предумышленное ложное обвинение. Конечно, это — явное зло, но и на него нужно ответить любовью. Что же касается жюри, то «никакого чудесного превращения оно не испытало, хотя с присяжными что-то случилось». После этого случая Мартин Лютер Кинг глубоко уверовал, что дух примирения все же снизошел на этих белых граждан Алабамы.

Многие заметили, что помощник Кинга — Байард Растин не принимал никакого участия в событиях 1960 года. Его уход из Движения стал для Кинга источником еще более острых терзаний, чем даже дело о налогах. Эдем Клейтон Пауэлл, подобно Рокфеллеру и многим другим деятелям, стремился расположить к себе Кинга и заставить его авторитет работать на себя. Растина и Рэндолфа Пауэлл рассматривал как барьер между собой и Кингом. Оба они были активными членами

Социалистической партии, а Пауэлл был, возможно, самым влиятельным негром в Демократической партии. Он хотел, чтобы Кинг порвал всякие отношения с Растином. Чего конкретно надеялся добиться Пауэлл, осталось неясным, но он требовал от Кинга, чтобы тот отказался от Растина. В противном случае, заявил Пауэлл, он готов сделать публичное заявление, которое повредит Движению.

Кинг рассказал Растину о своей стычке с Пауэллом и сказал, что он готов во что бы то ни стало защищать своего помощника. «Не следует этого сделать, Мартин, — ответил Растин. — Я этого не допущу. Судьба Движения должна быть важнее всех личных соображений. У тебя и без этого забот полон рот. Выбора нет: я подаю в отставку». Кинг попытался его отговорить, но в конце концов сам принял его доводы. В определенном смысле это было самое мудрое из всех возможных решений. Однако и здесь не обошлось без недоброжелателей, попытавшихся использовать эту историю в корыстных целях. Несколько месяцев спустя Джеймс Болдуин написал в «Харперс»: «То, что Кинг позволил Эдему Клейтону Пауэллу добиться отставки Растина, очень сильно повредило его моральному авторитету, и особенно в глазах молодежи... Методы, использованные Пауэллом — вопрос о его мотивах мы обсуждать не будем, — были далеко не безупречными. Кинг должен был либо защищать своего соратника, который к тому же был его другом, либо принять требование Пауэлла. Он выбрал последнее». Болдуин, как и другие, остался в неведении, что Растин сам отказался от защиты. В последующие годы судьба развела Кинга и Растина в разные стороны. Но это не мешало им, встречаясь время от времени, стоять на публике рядом, плечом к плечу, как это было, в частности, во время Похода на Вашингтон.

Этот случай, как и совпавшее с ним по времени дело о налогах, заставил Мартина Кинга прочно усвоить, сколь беззащитен общественный деятель перед коварными интриганами. Вторым усвоенным им уроком стало понимание, что от таких людей, как Эдем Пауэлл, надо держаться подальше.

Кинг старался изо всех сил прояснять свою позицию, но не ввязывался во фракционные свары. Он эффективно использовал такой подход и в церковных делах — например, когда спокойно, но твердо поддержал Гарднера Тейлора и его фракцию в их претензиях к консервативной политике президента Национального конвента баптистов США Дж. Г. Джексона. В 1961 году Кинг встал на сторону Тейлора, Джорджа Лоренса и еще 800 других священников, которые вышли из вышеназванной организации, чтобы создать собственный — Прогрессивный

баптистский конвент.

В июле начались стычки между белой и негритянской молодежью после того, как в Гринвилле, штат Южная Каролина, были арестованы участники сидячей демонстрации в публичной билиотеке. В это же время в Спартанберге во время сидячей демонстрации в буфете магазина Вулворт были арестованы два негра. Их заковали в наручники и принялись избивать, хотя они и не оказывали сопротивления. Эти инциденты происходили на фоне крупных международных событий. Летом Патрис Лумумба провозгласил независимость Конго от Бельгии. Начались кровопролитные бои между его войсками и бельгийскими наемниками в провинции Катанга. 21 марта, когда в США движение сидячих демонстраций достигло своего апогея, в Шарпвилле, Южная Африка, было убито и ранено 67 участников мирной демонстрации африканцев, а вскоре после этого в ЮАР были запрещены все основные негритянские организации. Многие чернокожие американцы стали рассматривать свою собственную борьбу за свободу как часть всемирного освободительного движения.

Мартин Лютер Кинг не питал никаких иллюзий насчет бесконечной терпимости негров. Тактикой ненасилия он вовсе не хотел замедлить движение к свободе, но лишь хотел сделать его управляемым. Одновременно он предупреждал белых о необходимости ускорить темпы перемен или же в противном случае быть готовыми принять нелегкие последствия своей медлительности. Он считал, использование вооруженной силы ради установления справедливости возможно, но только тогда, когда нельзя достичь ее ненасильственными методами. Его идеализм был замешан на нибурианском прагматизме, не свойственном ни Толстому, ни Ганди. Мало кто лучше него осознавал готовность угнетенных прибегать к насилию, но он также понимал, что эту готовность лучше всего сохранять на самый крайний, трагический случай, ибо массовое насилие, черное или белое, непременно порождает хаос.

В начале августа Южный региональный совет опубликовал отчет, в котором указывалось, что благодаря сидячим демонстрациям с сегрегацией в буфетах покончено уже в двадцати семи южных городах. 10 августа в Вашингтоне генеральный прокурор США Уильям П. Роджерс сообщил прессе, что дискриминация отменена в региональных филиалах крупных торговых фирм в шестидесяти девяти населенных пунктах Юга. В это же время КЮХР организовала в Атланте очередные курсы по теории ненасилия. В своих лекциях на курсах преподобный Уйат Ти Уокер, баптистский священник из Питерсберга, штат

Вирджиния, недавно назначенный исполнительным директором КЮХР, обратил внимание слушателей на отчет совета и отметил, что результатов, достигнутых сидячими демонстрациями за шесть месяцев, через суд пришлось бы добиваться многие годы. «Бойкот магазинов, — добавил он, — не преследует их финансового разорения, он лишь подталкивает их к необходимости перемен». Мартин Кинг в своих лекциях вновь подчеркивал необходимость «целиком и полностью принимать философию ненасилия, а не прикрывать показным человеколюбием элементарное желание причинять зло. Ненасилие прежде всего и более всего означает готовность служить правде; поэтому в нашей борьбе нет никаких тайн».

Почему преданность идеологии ненасилия должна быть «абсолютной»? Как объяснить все возраставшую требовательность Кинга к бескомпромиссной самодисциплине? Разгадка, возможно, кроется не столько в реальных требованиях, предъявляемых практикой борьбы, сколько в опыте личных переживаний самого Кинга. Дело о налогах и уход Растина почти лишили его гибкости. Надо еще вспомнить угрозы, которым он постоянно подвергался и к которым был по складу своего характера и воспитания совершенно не готов. Все это, вместе взятое, усилило его буквальное восприятие жизни настоящего христианина как непрекращающегося страдания. Само бремя существования представлялось ему мучительным как в физическом, так и в психологическом отношениях. В небольшой статье «Страдание и вера», написанной в апреле, как раз во время первого заседания ККСС, он фактически повторил слово в слово свою же проповедь от 4 ноября 1956 года: «Человек может быть самовлюбленным даже в своем самоотречении, когда готовность жертвовать собой способна принять форму самооправдания». В статье I960 года эта максима соседствует рядом с утверждением: «Человек, который постоянно привлекает внимание к своим трудностям и страданиям, рискует развить в себе комплекс мученика, заставив окружающих почувствовать, что он сознательно добивается их сочувствия... Поэтому мне никогда не хочется говорить о моих личных жертвах и потерях. И если поначалу я пытался рассматривать свои личные хождения по мукам как шанс изменить себя, как лекарство, предназначенное для людей, хорошо знакомых с трагической стороной существования, то теперь они стали для меня высшей истиной. Последние несколько лет я прожил с убеждением, что незаслуженное страдание обладает спасительной силой». Чувство горечи было не единственной его проблемой. Психологи могли бы сказать, что постоянно подавлявшийся гнев оказался направлен против него

самого. Отсюда постоянная готовность Кинга обвинять самого себя в отсутствии святости, в том, что он сам далек от совершенства. Когда во время учебных занятий он уделял столь значительное внимание «абсолютному» ненасилию, он как бы совершал обряд личного самоочищения. Он был мужественным человеком, но он не был лишен чувства страха. Каждый великий человек наделен своим собственным трагическим недостатком. Неспособность принять собственное человеческое несовершенство и неумение вполне освобождаться от страха, свойственного ему как и всякому другому человеку, воспринимались им как роковая слабость. И он не мог ничего с этим поделать. Ему оставалось лишь с удвоенной силой обращаться к вере, по-своему подражая Иисусу Христу.

Не мудрствуя лукаво, можно сказать, что внутренний конфликт в душе Кинга был, вероятно, обусловлен тем, что, ступив на путь мученичества, он никоим образом не был предрасположен к этой роли. Более того, психологически он был прямым антиподом идеала мученика. В нем не было ни капли аскетизма. Напротив, он любил жизнь во всех ее проявлениях и любил пожить хорошо. Ганди, например, принял обет безбрачия и держал себя в строгости: он одевался исключительно в домотканую одежду, его привлекала суровая простота. Иное дело — Мартин Кинг. Он всегда остро переживал неудобства и лишения. Только в последний год жизни, с приближением «к самым вершинам», это бремя перестало казаться ему столь уж тяжким. Духовные борения Кинга в значительной мере напоминали процесс восхождения на гору. Они требовали постоянного напряжения сил, без которого он не смог бы приблизиться к им самим созданному христоподобному идеалу достойного существования. Он редко беседовал с кем-либо о своей личной жизни или о своих чувствах. Он говорил, что ощущает в себе призвание стать мучеником, страдающим слугой, учеником Христа, но признавал, что для него это очень трудно, так же трудно, как и признать, что он не соответствует уготованной ему свыше судьбе.

В течение всей весны, лета и ранней осени 1960 года Мартин Лютер Кинг находился в постоянных разъездах — он выступал на митингах, собраниях, съездах, читал лекции, собирал пожертвования в различные фонды. Сотни студентов уже были арестованы во время акций протеста, и Кинг мучился мыслью, что он должен быть за решеткой вместе с ними. Он всерьез думал о том, чтобы пойти на рожон и сесть в тюрьму. Его соратники советовали ему воздержаться от этого шага, а пока, заявляли они, куда важнее его общее руководство Движением, его лекции и

участие в митингах.

12 октября на ежегодной конференции КЮХР, состоявшейся в Шривпорте, штат Луизиана, делегаты от тринадцати штатов приняли программную резолюцию, призывавшую «усилить массовость и интенсивность ненасильственных действий, направленных против сегрегации в транспорте, в залах ожиданий, в школах, на избирательных участках, а также добиться организации экономического бойкота на территории всего Юга». В качестве сигнала к началу осеннего наступления Мартин Лютер Кинг в сопровождении 75 студентов негритянских колледжей вошли 19 октября в универмаг Рич в Атланте и попросили обслужить их в кафе при магазине. Кинг и 36 студентов были арестованы. Им предъявили обвинение в нарушении общественного порядка и незаконном вторжении на территорию, являющуюся чужой собственностью. Когда они отказались переслать по почте залоговые суммы, их взяли под стражу, и Кинг твердо заявил, что он «останется в тюрьме год или десять лет», сколько потребуется, чтобы покончить с сегрегацией в сети универмагов Рич. Его заявление вызвало незамедлительную реакцию властей: мэр города Уильям Б. Хартсфилд вмешался и добился установления двухмесячного перемирия, в течение которого должны были состояться переговоры. С Кинга и со студентов были сняты все обвинения.

Студенты были тотчас же освобождены. Что касается Кинга, то судья соседнего округа воспользовался представившейся возможностью и отменил условность наказания, которому был подвергнут Мартин за месяц до того в связи с незначительным административным правонарушением. Переселившись в Атланту, Кинг не успел получить водительские права штата Джорджия в установленный законом срок. Выяснив это, дорожные патрули специально начали за ним охотиться. Это стало ясно тогда, когда судья сельского округа объявил, что участие Кинга в «незаконных» сидячих демонстрациях отменяет условный характер его предыдущего приговора. Поэтому 25 октября он был закован в наручники и перевезен из одного суда в другой. На следующий день он уже томился в одиночной камере тюрьмы штата в Рейдсвилле, приговоренный к четырем месяцам заключения.

До президентских выборов 1960 года оставалось всего восемь дней. При равенстве сил голоса негритянских избирателей могли сыграть решающую роль. В течение последних нескольких лет Никсон напрямую контактировал с темнокожим лидером, оказавшимся за решеткой. Теперь республиканцы подготовили заявление, в котором президент Эйзенхауэр обещал

вмешательство генерального прокурора. Заявление, однако, так и осталось неопубликованным, а Никсон отказался давать по этому поводу хоть какие-то объяснения.

Демократы действовали совершенно иначе. Харрис Вуффорд-младший, помощник Кеннеди, был юристом, членом ТПРП и поклонником Ганди. В результате его энергичных действий в доме Кингов 26 октября раздался телефонный звонок. Трубку сняла Коретта. «Одну минутку, миссис Кинг, — сказала оператор, — с вами хотел бы поговорить сенатор Джон Ф. Кеннеди».

— Как поживаете, миссис Кинг? — по-дружески тепло приветствовал ее сенатор. — Я знаю, что вы ждете ребенка. И вы, должно быть, очень тяжело переживаете ситуацию, в которой оказался ваш муж.

— Да, я сильно переживаю, — ответила удивленная Коретта.

— Так вот я хочу, чтобы вы знали — я лично заинтересован в судьбе вашего мужа, и мы собираемся сделать все возможное, чтобы вам помочь.

Сказанное оказалось не пустыми словами. Брат Джона Кеннеди и руководитель штаба его предвыборной кампании Роберт Ф. Кеннеди вскоре убедил судью отпустить Кинга под залог в 2000 долларов. Адвокат Кинга зафрахтовал самолет, на котором они прилетели в Атланту, где 800 прихожан собрались в церкви Эбенезер на благодарственный молебен. «Мы должны быть готовы к страданиям, к жертвам и даже к смерти, — сказал им Кинг. — Мы должны сохранять мужество, чтобы повсеместно противостоять системе сегрегации в школах, в городских парках, в церквях, в буфетах или в публичных библиотеках».

Мартин Лютер Кинг-старший был настолько воодушевлен освобождением сына из тюрьмы, что с церковной кафедры объявил о своей поддержке кандидатуры Кеннеди. «Кеннеди, — сказал он, — обладает нравственным мужеством защищать то, что он считает правильным». Его сын обладал большей предусмотрительностью. Он испытывал чувство личной благодарности, но не стал делать никаких политических заявлений.

Перемирие, объявленное после арестов в универмаге Рич, ни к чему не привело; вновь начались сидячие демонстрации. К чернокожим активистам Студенческого движения Атланты примкнули белые студенты из Университетов Эмори и Джорджии. Борьба оказалась упорной и долгой. Она затянулась на два с половиной года. Личное участие в ней Мартина Лютера Кинга было кратковременным. Он не ввязывался в кампании локального характера, если только они не имели значения для Движения в целом. Студенты Атланты в его непосредственной помощи

нуждались значительно меньше, чем вся КЮХР и все Движение. Его участие в демонстрации в универмаге Рич стало своего рода символическим жестом. Многие месяцы, последовавшие за этим, Мартин Кинг большую часть времени посвятил публичным выступлениям, написанию статей и участию в конференциях. Он, не переставая, бомбардировал федеральное правительство, требуя его содействия в деле защиты гражданских прав и свобод, а также предлагая администрации Кеннеди целую серию мер по улучшению условий жизни чернокожих американцев.

Настроение американских негров в 1961 году вполне наглядно проявилось во время демонстрации, состоявшейся 18 января в Нью-Йорке у здания ООН. Это была отнюдь не миролюбиво настроенная толпа темнокожих ньюйоркцев, протестовавших против предательского убийства премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. Для них, как и для многих других, Лумумба был гордым символом негритянской независимости, а его убийцы, вне зависимости от конкретных обстоятельств дела, были агентами колониализма, империализма, белого превосходства.

Одновременно с усилением освободительного движения происходило возрождение негритянской музыки с ее блюзами и спиричуелсами; чернокожие гордились ею так же, как и своим происхождением. Значение сидячих демонстраций было весьма широко, они свидетельствовали об общем неприятии чернокожими американцами образа «негра», который создан белой Америкой. Учась отстаивать свои гражданские права, предпочитая страдать, а не прятаться, негры учились также отстаивать права на свою собственную историю. А когда мир узнал о таких людях, как Нкрума, Кеньятта, Каунда и другие лидеры африканского освободительного движения, американские негры убедились, что находятся на правильном пути. Они пели «Черные и белые вместе», но рассматривали борьбу за равенство как свое дело. Они предпочитали утверждать собственные ценности и образы, не приспосабливаясь ни к чему из того, что хотя бы отдаленно походило на белое покровительство. Белые союзники или попутчики могли приходить к ним и уходить от них, но негритянская революция как таковая принадлежала самим черным, была их собственностью.

Сидячие демонстрации продолжались. В этой связи КЗРР выступил с новой инициативой, предложив «посадить сидячие демонстрации на колеса». Заявление Конгресса было опубликовано 13 марта после консультаций с руководством КЮХР и ККСС. КЮХР дала согласие на организацию массовой поддержки этой акции в городах, расположенных по маршруту:

Вашингтон—Новый Орлеан. Мартин Кинг принял предложение возглавить Координационный комитет «Автопробега за свободу». Таким образом, хотя КЗРР и выступил организатором акции, кампания стала делом всего Движения в целом. Это была генеральная проба сил, прямая и повсеместная атака на сегрегацию на Юге. Это был вызов, брошенный администрации Кеннеди, которая на смелые предложения Кинга отвечала с характерной для нее уклончивостью. 28 апреля в письме президенту Кеннеди генеральный директор КЗРР Джеймс Фармер поставил правительство в известность относительно маршрута «Автопробега за свободу», а 4 мая шесть пар белых и темнокожих добровольцев-участников и белый журналист-обозреватель, член КЗРР, заняли места в автобусах компаний «Грейхаунд» и «Трейлвейс», осуществлявших междугородние пассажирские перевозки. Демонстранты должны были объехать Вирджинию, обе Каролины, Джорджию, Алабаму и Миссисипи. На каждой остановке они намеревались посещать места общего пользования, заходить в залы ожиданий с табличками «Только для белых», добиваться обслуживания в станционных буфетах. В некоторых случаях черно-белые пары должны были ходить вместе, в других — неграм следовало появляться в местах общего пользования, предназначенных для белых, а белым — в рассчитанных на «цветных».

Первый арест был произведен в Шарлотте, штат Северная Каролина. Члена КЗРР Джо Паркинса задержали за то, что он сел в кресло чистильщика обуви, зарезервированное для белых. Он был оправдан местным судьей на основании постановления Верховного суда о незаконности сегрегации на территории междугородних автовокзалов, принятого в декабре 1960 года. Однако неподалеку, всего в нескольких милях от Шарлотты, по другую сторону границы с Южной Каролиной, участникам мобильной демонстрации пришлось впервые столкнуться с насилием. Это случилось в Рок-Хилле. Здешние жители были знакомы с сидячими демонстрациями, которые более года уже регулярно проводились в местных буфетах. Причем в Рок-Хилле демонстранты часто встречали сильное противодействие. Как местные учащиеся, так и активисты ККСС избивались хулиганьем и подвергались арестам. Автобус, на котором ехали участники рейда, встретила толпа молодчиков. Двое из них кинулись избивать чернокожего семинариста Джона Льюиса, как только он приблизился к залу ожидания для белых. Трое других принялись охаживать Алберта Биг-лоу — крупного белого мужчину, одно время служившего в ВМФ. Ни Льюис, ни Биглоу не оказывали сопротивления. Полиция стояла, наблюдая за происходящим, и

вмешалась только тогда, когда Женевьев Хьюз, белая активистка КЗРР, была сбита с ног.

В Винсборо, штат Южная Каролина, участники демонстрации Генри Томас и Джеймс Пек были арестованы и оказались за решеткой за то, что сидели вместе за буфетной стойкой, предназначенной для белых. Они просидели в камере в течение восьми часов, затем, однако, были отпущены без предъявления каких- либо обвинений. Больше никаких инцидентов вплоть до самой Атланты не произошло. В столице Джорджии демонстранты встретили теплый прием со стороны руководства КЮХР. Совсем иным оказался прием в Эннистоне, штат Алабама. Автобус компании «Грейхаунд» с демонстрантами прибыл сюда 14 мая. Рассерженная толпа белых, вооруженных железными прутьями, перебила в автобусе окна, проколола шины и швырнула в салон зажигательную бомбу, от которой автобус загорелся. Некоторых демонстрантов избили, когда они выбрались из дымящегося автобуса. Генри Томас получил сильный удар по голове, нанесенный твердым предметом. Затем приехала полиция и после некоторой заминки разогнала толпу.

Один из руководителей КЮХР Фред Шаттлсворт отправил в Эннистон машины, на которых пострадавшие были перевезены из местных больниц в Бирмингем. Некоторое время спустя ФБР арестовало девять белых мужчин, участвовавших в этом нападении. Часть из них затем была оправдана, дела других были закрыты. Никто не понес наказания. Таким образом, победу праздновало правосудие в стиле «белого превосходства».

Час спустя в Эннистон прибыл автобус компании «Трейлвейс». Восемь хулиганов забрались внутрь него. Они заставили всех членов КЗРР отойти в заднюю часть салона. Джеймс Пек и Уолтер Бергмен, бывший преподаватель колледжа, попытались убедить нападавших, но были повалены на пол ударами. Через два часа автобус прибыл на вокзал Бирмингема. Первыми из него вышли Чарлз Персон и Джеймс Пек. Их окружила толпа белых мужчин. Едва они вошли в зал ожидания для белых, как были схвачены крепкими деревенскими парнями, которые быстро вытолкали их в аллею. «Теперь ты, ниггер, заплатишь за все!» — прорычал один из них, внезапно набросившись на Персона. Четверо его дружков присоединились к нему. Они били чернокожего студента руками и ногами, тогда как остальные шестеро принялись яростно молотить Пека, выкрикивая: «Любитель черножопых» и прочие ругательства. Полиция знала о происходящем, но не вмешалась. Персон отделался распухшим лицом и рваной раной на затылке. Пеку досталось больше. В больнице на его истерзанную голову

пришлось наложить 53 шва.

По плану следующая остановка должна была быть в Монтгомери, но шоферы автобусов отказались ехать дальше. Участникам демонстрации по графику следовало прибыть в Новый Орлеан к 17 мая, чтобы принять здесь участие в массовом митинге. Демонстранты решили вылететь туда на самолете. Фотографии, на которых изображалось избиение Пека и его покрытое ранами лицо, обошли новостные программы на телевидении и были опубликованы газетами всего мира. В передовицах подчеркивался мирный характер рейда, о чем часто забывали писать в сообщениях по поводу «стычек» между участниками ненасильственных сидячих демонстраций и нападавшими на них белыми. Несомненно, потому, что Пек был белым, а возможно, еще и по причине высокого социального положения его семьи, владеющей компанией «Пек и Пек», нападение белой толпы обсуждалось очень широко. Сидни У. Смайер, президент Торговой палаты Бирмингема позднее заявил, что нападение на участников рейда существенно подорвало престиж города. «Пройдет немало времени, прежде чем мы сумеем это загладить», — сказал он.

Рейд за свободу, организованный КЗРР, был только началом. 18 мая полный автобус студентов из Нэшвилла отправился в Бирмингем. Чуть ранее Мартин Лютер Кинг планировал приехать в Монтгомери, чтобы возглавить там массовый митинг в поддержку участников первого рейда, но, когда они решили не заезжать в этот город, он предпочел продолжить свое собственное турне. Однако когда студенты из Нэшвилла, проведя всю ночь на автовокзале Бирмингема, нашли водителя, который согласился отвезти их в столицу Алабамы, Кинг прервал свои выступления и тоже направился в Монтгомери. Участники рейда за свободу прибыли сюда утром 20 мая. Ку-клукс-клан оповестил своих членов об этом, и местные расисты собрались в полном составе. Угрюмая их толпа насчитывала около 300 человек. Демонстрантов, едва они выходили из автобуса, начинали жестоко избивать. Полиции не было видно. За несколько дней до того губернатор штата Джон Пэттерсон фактически выдал белой толпе карт-бланш. «Народ Алабамы настолько возмущен, — сказал он, — что я не могу гарантировать защиты этой горстке возбудителей черни».

Первым из десяти демонстрантов, покинувших автобус, был Джеймс Цверг — красивый, гладко выбритый, строго одетый белый студент из Висконсина. Несколько женщин закричали: «Убейте этого сукиного сына, любителя черномазых!» Его окружили шестнадцать белых юнцов, вооруженных палками.

Женщины продолжали их натравливать. Юнцы сбили Цверга с ног. Он поднялся. Они снова сбили его, затем еще раз, еще и еще. Цверг не предпринял никакой попытки ударить в ответ, он даже не пытался защищаться. Он был ошеломлен; вскоре он упал без сознания. Нападавшие ногами выбили ему передние зубы. Цверг пролежал на земле более часа уже после прибытия полиции. Журналист попросил комиссара полиции Л. Б. Салли-вена вызвать «скорую помощь». Комиссар ответил: «Все белые станции «скорой помощи» в городе заявляют, что у них нет исправных машин». Журналист продолжал настаивать: «Но человек нуждается в медицинской помощи». Салливен ответил жестко: «Он ее не просил».

Несколько участников рейда спаслись чудом: их вывезли в безопасное место члены МАУ, поставившие неподалеку свои автомобили. Однако большинство серьезно пострадали. Негритянский студент Уильям Барби подвергся нападению нескольких куклукскла новцев, вооруженных бейсбольными битами. Он получил травмы, с которыми провалялся в больнице несколько недель. Был жестоко избит Джон Льюис, прилетевший из Нового Орлеана для участия во втором рейде. Досталось на орехи и посторонним лицам, не участвовавшим в рейде. Так, в числе пострадавших оказались уполномоченный Департамента юстиции Джон Сигенхалтер и руководитель отдела новостей в журналах «Тайм» и «Лайф» Норман Риттер.

Акты насилия против черных продолжались весь день. Сообщалось, что одного несчастного негра, не имевшего никакого отношения к рейду, облили керосином и подожгли. К вечеру федеральное правительство направило в штат 400 судебных приставов. Еще 266 приставов прибыли на следующее утро. Федеральный судья Фрэнк М. Джонсон вынес постановление, запрещавшее три организации ку-клукс-клана.

Губернатор Пэттерсон продолжал настаивать, что федеральные судебные исполнители ему не нужны, и грозился их арестовать. Прямо во время его выступления местные радиостанции сообщили, что Мартин Лютер Кинг проводит в церкви Ралфа Эйбернети массовый митинг, посвященный участникам рейда свободы. В баптистскую церковь битком набилось более 1200 чернокожих; были там и белые граждане. Кипя от гнева, но внешне сохраняя невозмутимость, Кинг заявил: «Вся полнота ответственности за ужасные события, происходившие в Алабаме в течение минувшей недели, ложится на губернатора штата». Он говорил о беззаконном насилии, творившемся в Эннистоне и Бирмингеме, а также об избиении, происходившем за день до того в самом Монтгомери. Разговор об

этих событиях он завершил своей любимой аксиомой: «Закон не может заставить человека полюбить меня, но он может удержать его от желания меня линчевать».

В то самое время, когда Кинг произносил свою речь, грузовики с белыми мужчинами из сельской местности съезжались в Монтгомери и направлялись к церкви. Вскоре она оказалась в кольце многотысячной толпы. В церковь полетели бутылки и булыжники. Посыпались стекла. Один человек был ранен осколками. «Давайте возьмемся за руки и будем петь», — предложил доктор Кинг. Участники рейда, стоявшие на алтарном подиуме, затянули «Мы победим». Прихожане подхватили гимн. А снаружи федеральные судебные исполнители принялись метать в озверевшую толпу гранаты со слезоточивым газом. Однако прошло еще несколько часов, прежде чем губернатор Пэттерсон под сильным нажимом из Вашингтона отдал приказ применить для разгона толпы национальную гвардию. Таким образом, люди, собравшиеся в церкви, находились в осаде в течение всей этой ночи. Внутри было тесно, душно и жарко, но никто не жаловался. Кинг, Эйбернети и члены ККСС ходили по церкви и подбадривали уставших людей.

Полная история рейдов за свободу займет не один массивный том. Генеральный прокурор США Роберт Кеннеди призвал обе стороны «на время остыть», но те, кто сражался за свободу, не намеревались гасить пламя борьбы. Собравшийся в Атланте исполком КЮХР принял решение продолжить акции протеста. Группа участников рейда из Нэшвилла, покинув Монтгомери, направилась в Джексон, штат Миссисипи, где вскоре многие из них были арестованы. Помня призыв Мартина Лютера Кинга наполнить тюрьмы, они предпочли провести в заключении два месяца, но не платить штрафы в 200 долларов. Тюрьма в Миссисипи была не самым лучшим местом для отдыха. Преподобному К. Т. Вивиану, активисту КЮХР из Чаттануги, здесь до крови разбили голову только за то, что он забыл сказать охраннику «сэр».

Рейды продолжались в течение всего лета. Список арестованных их участников пополнялся известными, уважаемыми именами: среди них были Стоукли Кармайкл, Ралф Эйбернети, Уйатт Ти Уокер, А. Д. Кинг, Уильям Слоун Коффин — капеллан Йельского университета, теолог Роберт Макафи Браун, Джеймс М. Лоусон, Джеймс Фармер, священник епископальной церкви Малколм Бойд.

Их усилия не были тщетными. Они сумели изменить общественное мнение. С 1 ноября междугородние автобусы, пересекающие границы штатов, были обязаны иметь на бортах

надпись: «Места в этом транспортном средстве занимаются вне зависимости от расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания или страны происхождения». Вокзалы, обслуживавшие эти автобусы, также развесили аналогичные объявления, а на следующий год эта надпись была напечатана на билетах для автобусов дальнего следования.

Для деятельности КЮХР рейды свободы сыграли роль катализатора. Ее кадры теперь набирались в основном из числа участников этих демонстраций на колесах, и Мартин Кинг получил возможность окружить себя помощниками, прошедшими боевое крещение, — такими людьми, как К. Т. Вивиан, Бернард Ли и Джеймс Бивел. Их появление стало убедительным, конкретным ответом на многие вопросы, в том числе и на те, что были подняты писателем Джеймсом Болдуином. Болдуин, встревоженный делом Растина, опасался, как бы Кинг не начал тяготеть к умеренным действиям, характерным для богатых чернокожих. Его опасения не были совершенно безосновательными. Мартин и в самом деле был склонен к умеренности. Но вот участники рейдов свободы были крайними радикалами. Они и стали теми людьми, которые предопределили преобразования в КЮХР.

Теперь события развивались быстро. Движение выделило грант в 100 000 долларов под программу обучения избирателей. Программа должна была осуществляться под руководством Объединенных христианских церквей, возглавить ее поручили темнокожему священнику Эндрю Дж. Янгу. В начале сентября он вместе с Уайтом Уокером приступил к созданию Дорчестерского центра. Дорчестер, расположенный в округе Либерти, первоначально был академическим заведением; его основала Американская миссионерская ассоциация сразу после Гражданской войны. В период Великой депрессии он осуществлял кредитование фермеров и их обучение научным методам ведения сельского хозяйства. Вместе с другими членами КЮХР и добровольцами Янг и Уокер организовали курсы подготовки работников районного звена. Они должны были овладеть грамотой и азами гражданского права.

Позже Дорчестерский центр стал составной частью наступления на расизм, которое велось по двум основным направлениям. На одном из них главным средством давления использовались выборы. На втором направлении использовались ненасильственные действия во всем их разнообразии. Тот факт, что Кинг стал главой освободительного движения негров, в определенном смысле был результатом парадоксальным, поскольку те, кого он вдохновлял, в массе своей предпочитали

идти на открытую борьбу. Как бы то ни было, Кинг в это время решил выходить на акции вместе со своими людьми. Он хотел, чтобы его голос звучал на улицах. Вскоре ему должно было исполниться тридцать три года. Он был значительно старше тех юношей и девушек, которые на волне событий выдвинулись на передний край борьбы. Это было время его выбора: он мог стать заслуженным стареющим политическим деятелем или же непосредственно возглавить армию бойцов ненасильственного фронта. И он с радостью выбрал второе. В статье, опубликованной 10 сентября 1961 года в «Нью-Йорк тайме мэгэзин», он писал: «Молодые негры сознательно и обдуманно борются за осуществление тех революционных задач, которые возложены на плечи целого народа. Отсюда их поразительная готовность идти в тюрьмы; отсюда их понимание, что с ними могут расправляться по-зверски, могут даже убить. Но они полны решимости не отвечать насилием...

Из этого котла всенепременно выйдут зрелые люди, которые будут обладать огромным жизненным опытом и социальным самосознанием. Они будут обладать духом общественного служения и преданностью великому идеалу...

Они целиком и полностью преданы борьбе за равенство людей, за достоинство человеческой личности. Для достижения этой цели они готовы заплатить любую цену».

«Поскольку за последние семь лет только семь процентов общественных учебных заведений реально допустили в свои стены негров, то получается, что все школы будут очищены от сегрегации не ранее чем еще через девяносто три года, если против расизма бороться только в залах судов», — сказал Кинг. Молодое негритянское студенчество заявило: «Мы не будем ждать!» Под этим заявлением готов был подписаться и сам Кинг. Причем если энтузиазм молодежи мог объясняться нетерпеливостью и горячностью молодости, то его настрой с этими качествами никак не был связан. Революционная судьба чернокожей Америки не была иллюзией юности. Кинг принял ее как свою собственную судьбу.

Глава 6.
Тяжелый Урок Битвы за Олбани

«Когда знаешь, что стал символом, — сказал Мартин Лютер Кинг во время одного из телевизионных интервью в 1961 году, — то это заставляет тебя постоянно копаться в своей душе, чтобы выяснить, насколько ты дорсс до тех высоких и благородных качеств, которыми наделяют тебя люди». Кинг понимал, что он стал живым воплощением расовой революции в той же мере, в какой Линкольн и Джефферсон олицетворяли собой демократию. Рейды за свободу, по его убеждению, стали «поворотным пунктом во всей истории борьбы за равные права... ».

Мартин Кинг не выбирал для себя театра военных действий, на котором ему пришлось провести его первое крупное после Монтгомери сражение. Олбани с населением в 56 000 человек был тогда пятым по численности городом штата Джорджия. Почти треть его жителей составляли темнокожие граждане. До Гражданской войны Олбани был центром хлопководства и работорговли. Когда на рубеже XIX и XX веков Уильям И. Б. Дюбуа посетил Олбани, количество негров в его сельских округах превосходило белых в соотношении шесть к одному. К середине XX века хлопок перестал быть королем полей. В значительной мере благодаря трудам чернокожего ученого Джорджа Вашингтона Карвера Юго-Запад стал в США крупнейшим производителем арахиса. Часть урожая арахиса, как и часть урожая кукурузы, шла на откорм крупного рогатого скота и свиней. Почва здесь была богатая, черная, и люди, которые ее обрабатывали, тоже в основном были черными. Но сам Олбани считался городом белых людей. Об этом постоянно напоминал своим читателям Джеймс Грей — главный редактор ежедневной газеты «Олбани геролд», который любые новости из жизни негритянской общины подавал в негативном, уничижительном ракурсе и публиковал только те письма, которые служили укреплению белого превосходства.

Вдохновленная новыми веяниями, порожденными сидячими демонстрациями, в январе 1961 года группа негритянских священников написала Грею открытое письмо с просьбой прекратить публикацию материалов, дискредитирующих негров. «Геролд» ответил передовицей, в которой священникам рекомендовалось «заботиться о своей пастве» и не влезать в дела газеты. В качестве конкретного подкрепления данной

рекомендации в ночь на 20 января в дом преподобного Бенджамина Гея были брошены камни из проезжавшей мимо машины. Подпись Гея стояла под письмом первой. В последующие ночи камнями забросали дома еще двоих негритянских священнослужителей. Полиция и пальцем не пошевелила, чтобы установить и задержать хулиганов.

Бенджамин Гей с радостью приветствовал активистов ККСС, прибывших в Олбани. Это были Чарлз Шеррод и Корделл Рейган. Двадцатидвухлетний Шеррод, выпускник негритянской семинарии из Вирджинии, считался уже ветераном освободительного движения. Впрочем, и восемнадцатилетний Рейган тоже не был новобранцем. Оба они прошли курс обучения в Дорчестере и активно участвовали в сидячих демонстрациях и в рейдах за свободу. В Олбани они без особого шума занялись организацией подготовительного центра для темнокожих избирателей Олбани.

17 ноября, находясь под сильным впечатлением от работы активистов ККСС, преподобный Уильям Дж. Эндерсон, чья подпись также стояла под письмом мэру, созвал представителей различных местных организаций с целью создать в Олбани центр Движения, который мог бы координировать кампанию борьбы за улучшение положения негритянского населения в городе. Среди его спонсоров оказались такие организации, как Клерикальный альянс, Федерация женских клубов, Лига негритянских избирателей, ККСС, местное отделение НАСПЦН, Совет молодежи, а также Клуб Крайтерион — ассоциация негров — специалистов высокого класса. Сама структура организации, названной Движением, свидетельствовала, что моделью для нее послужила МАУ, а руководством при написании его программы стали последние высказывания Мартина Лютера Кинга.

25 ноября пятеро темнокожих попытались заказать обед в столовой городского автовокзала и были за это арестованы. Движение стало готовить ответные акции. 10 декабря в Олбани из Атланты прибыла новая группа участников рейдов, чтобы выступить совместно с теми, кто уже находился здесь. Среди десяти тотчас арестованных демонстрантов оказался заведующий молодежным отделом КЮХР Бернард Ли. Движение организовало марш протеста, который состоялся в день судебного заседания по делу Ли. Во время марша было арестовано почти 400 учащихся и студентов колледжей. На следующий день аресты продолжились. Всего было арестовано 560 негров, и 300 из них предпочли не выплачивать штрафы и остаться в тюрьме. Мартин Лютер Кинг пристально следил за развитием этих событий из своего офиса в Атланте.

Наступило 14 декабря. В этот день полиция освободила 118 чернокожих заключенных, и под патронажем мэра Келли начались переговоры представителей белых и черных представителей. Но вскоре переговоры прервались, поскольку негритянские лидеры узнали, что отряд Национальной гвардии штата Джорджия, мобилизованный по указанию мэра, был приведен в состояние боевой готовности.

Эндерсон позвонил в Атланту Кингу и Эйбернети. Они прибыли в Олбани вечером следующего дня. Отправляясь на общее собрание, они не имели никакого готового плана действий, но вскоре заразились энтузиазмом местных ораторов. Преподобный Эндерсон говорил резким от напряжения голосом, и вдруг Мартин услышал его слова: «Поведет нас преподобный Кинг. Не так ли, преподобный Кинг?» Кинг был изумлен, он стоял перед толпой, которая гремела аплодисментами. И он сказал: «Наденьте удобные туфли, мы пройдем вместе, дети мои!»

16 декабря Кинг, Эйбернети и Эндерсон прошли до здания муниципалитета во главе демонстрации. После этого переговоры возобновились. В результате городская комиссия согласилась прекратить дискриминацию на автобусном и железнодорожном вокзалах. Была также достигнута договоренность о перемирии. Но, дав согласие на перемирие, Движение не собиралось сидеть сложа руки. Негры Олбани стали практиковаться в овладении новыми приемами организованной борьбы. На общем собрании они решили не покупать больше «Геральд», а многие чернокожие распространители отказались продавать эту газету. По инициативе Кинга началась также кампания покупательского бойкота. Исполнительный секретарь Движения М. Пейдж специально ездил в Коламбус за рождественскими подарками для своей семьи. Его примеру последовали и другие. Таким образом, руководство Движения оказывало давление на городские власти, с тем чтобы они отменили законы, которые охраняли расовую сегрегацию. Но этот шаг, как и многие последующие, оказался плохо продуман. Чернокожие клиенты не оказывали на потребительский рынок Олбани серьезного влияния.

Другой акцией стал бойкот городских автобусов с требованием прекратить в них раздельное размещение пассажиров, а также предоставить рабочие места чернокожим водителям. К концу декабря автобусная компания начала сдаваться, но руководство Движения не остановило бойкота и стало добиваться от городских властей письменных гарантий, что они не будут препятствовать нововведениям на транспорте. Это решение соответствовало желанию Мартина Кинга «сломать хребет» политике дискриминации негров на Юге, однако оно

противоречило реальной оценке местных обстоятельств. Ошибка привела к тому, что городская комиссия отвергла требования Движения, а Движение ничего не смогло этому противопоставить.

Одновременно со всем этим сотрудники КЮХР в Атланте в течение нескольких недель занимались сбором юридических и иных документов, на основе которых было составлено обращение к президенту Кеннеди. В нем администрации предлагалось «вернуться к принципам некогда провозглашенной национальной политики эмансипации негров, создав систему такой исполнительной власти, которая бы запрещала сегрегацию». Этот объемный документ, врученный Мартином Лютером Кингом президенту 17 мая, содержал обзор актов, принятых законодательными собраниями южных штатов. Этими актами утверждалась дискриминация в системе образования, в жилищно-коммунальном хозяйстве и в сфере транспортного обслуживания. В обращении содержался также краткий анализ конкретных несоответствий южного законодательства нормам федеральных законов и специальным судебным постановлениям против сегрегации. В документе, кроме того, шла речь о полномочиях и обязанностях президента страны, связанных с защитой прав граждан Соединенных Штатов, и анализировались легальные средства, которыми располагает президент для достижения всеобщего подчинения существующим законам, а в особенности Акту о гражданских правах от 1957 года.

Это обращение было результатом коллективного творчества, в первую очередь плодом усилий юрисконсульта Уильяма Канстлера и всего юридического отдела КЮХР, однако в его заключительных разделах безошибочно угадывается рука Мартина Кинга: «Хорошо известно, господин президент, что мы морально, духовно и практически привержены принципам и заповедям ненасилия. Мы уверены, что наше мирное сопротивление сегрегации и дискриминации, которые существуют абсолютно незаконно, пробудит совесть и нравственное чувство в тех, кто во мраке невежества, не испытывая ни любви, ни уважения к понятию человеческого достоинства, стремится представить нас гражданами второго сорта.

Мы убеждены, что нам нет необходимости бороться в одиночку, не рассчитывая на помощь со стороны. Ведь наши усилия добиться человеческого к себе отношения путем отмены всех незаконных ограничений наших гражданских и конституционных прав с неизбежностью способствуют духовному подъему и культурному обогащению всех граждан нашей страны...

Господин Президент, мы твердо убеждены, что в Вашем распоряжении имеется достаточный объем конституционных, установленных законом полномочий, с помощью которых, а также творчески используя высокий авторитет и моральный престиж Вашей должности, Вы имеете возможность решительно улучшить положение дел с правами человека в Америке. По мере того как приближается столетняя годовщина со дня провозглашения Прокламации об эмансипации негров, мы вместе с миллионами наших сограждан и с народами всего мира с нетерпением ждем, когда же Америка приступит наконец к реализации тех надежд и мечтаний, которые были пробуждены отменой рабства. Мы обращаемся к Вам потому, что наше терпение на исходе и мы не хотим больше ждать. Мы обращаемся к Вам потому, что мы страстно любим нашу великую страну. Мы обращаемся к Вам потому, что с нетерпением жаждем наступления того момента, когда мы тоже сможем полностью испытать на себе сияние человеческого благородства и, взявшись за руки с белыми нашими братьями повсюду — на Севере, на Юге, на Востоке и на Западе, с радостью возвысить наши голоса во славу Господа Всемогущего:

Пусть громко звучат слова
Над темными водами Красного моря,
Яхве сокрушил мощь Египта,
Дав свободу своему народу!»

В течение многих лет, еще со студенческой скамьи в Морхаусе и Кроуцере Кинг поддерживал добрые отношения с Конвентом американских баптистов. 22 мая 1962 года конвент подтвердил пасторские полномочия Кингов — отца и сына. Таким образом, они приобрели своеобразное двойное подданство, поскольку не вышли из организации Прогрессивные баптисты. Кинг-младший также вел еженедельные колонки в целом ряде негритянских газет и раздел пасторских советов в ежемесячном журнале «Эбени», своеобразном негритянском аналоге журнала «Лайф».

27 февраля он принял участие в трехчасовом заседании, которое проводилось под председательством мирового судьи с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам в Олбани, Кинг вместе с Ралфом Эйбернети и двумя другими гражданами был обвинен в участии в незаконной демонстрации и нарушении общественного порядка. Это свидетельствовало, что городские власти намерены преследовать в судебном порядке всех участников предрождественских демонстраций. Кинг и Эйбернети

со товарищи были признаны виновными, но приговор объявили только 10 июля. Каждый был приговорен к штрафу в 178 долларов или к 45 дням общественных работ. Кинг и Эйбернети решили отработать незаслуженный срок.

На следующий день один из руководителей отделения КЮХР в Таллахасси К. К. Стил прибыл в Олбани, привезя с собой группу, в которую входили двадцать один взрослый и одиннадцать подростков. Они промаршировали к зданию тюрьмы с песней «Мы победим!». События в Олбани не остались незамеченными и на официальном уровне. В Вашингтоне сенатор от штата Пенсильвания Джозеф Кларк заявил: «В нашей стране все еще встречаются районы, где Конституция… не имеет силы». Берк Маршалл, возглавлявший отдел гражданского права в Департаменте юстиции, позвонил в Атланту Коретте Кинг. Он заверил, что министерство «сделает все возможное для освобождения» ее супруга. Вмешались, однако, какие-то неустановленные личности. Кто-то из представителей власти, возможно сам мэр, читал книгу «Поход за свободой». В ней рассказывалось, как в Монтгомери Клайд Селлерс однажды оплатил штраф, предъявленный Кингу. Версия шефа полиции в Олбани Лаури Причетта звучала следующим образом: «Хорошо одетый неизвестный чернокожий мужчина оплатил штраф в городскую казну». Кинга и Эйбернети вытолкали из тюрьмы.

После этого, в течение нескольких дней, состоялись массовые митинги, в которых приняли участие тысячи чернокожих. Ежедневно негры поодиночке или маленькими группами пытались проникнуть в городские места общего пользования и общественного питания, предназначенные исключительно для белых. 17 июля Джеймс Грей выступил по телевидению, обвинив в беспорядках «приезжих, действующих в своих корыстных интересах. Но это не пройдет. Олбани никогда не уступит». Преподобный Эндерсон попросил разрешения выступить с ответом и получил эту возможность 19 июля. Впервые представитель чернокожей общины Олбани смог через СМИ обратиться к белым гражданам города. В тот же день представитель федерального правительства в регионе издал постановление, в котором запрещалась организация бойкотов, пикетов и публичных выступлений, призывавших к участию в антирасовых демонстрациях. Однако вместо того, чтобы остановить борьбу, постановление лишь усилило ее накал: 21 июля в городе состоялись сразу три массовые демонстрации, в ходе которых был арестован 161 человек.

Тюрьма в Олбани оказалась переполненной, и поэтому многих задержанных отправили в тюрьмы соседних округов. 23

июля жена Слейтера Кинга, агента по недвижимости, вице-президента Движения, попыталась передать посылку с продуктами одному из заключенных в тюрьме округа Митчелл. Она была на пятом месяце беременности, а на руках держала трехлетнюю дочь, когда ее принялся избивать заместитель местного шерифа. От ударов она потеряла сознание и упала, но полицейский продолжал пинать ее ногами. В результате у нее случился выкидыш. В тот же вечер после собрания в баптистской церкви чернокожий священник Винсент Гардинг привел с собой шесть человек к зданию городской управы, где они устроили пикет-молебен, протестуя против избиения миссис Кинг. Их всех арестовали. На следующий день было арестовано еще сорок человек. Возмущенная этими арестами чернокожая молодежь собралась толпой в две тысячи человек. На их разгон было направлено 170 полицейских. Когда полицейские пошли в наступление, их встретили градом камней и бутылок. Двое полицейских получили ранения. Куклукскланновцы публично обещали за это отомстить.

В этот момент Мартин Лютер Кинг призвал временно приостановить демонстрации и объявить 25 июля «Днем покаяния» за устроенные беспорядки. Активисты Движения прошлись по игровым залам, барам и ресторанам, склоняя чернокожих сограждан к ненасильственным формам борьбы. По настоянию Кинга активная деятельность в оставшуюся часть недели была ограничена только пикетами маленьких групп молящихся. Первый из таких пикетов днем в пятницу, 27 июля, возглавили Эндерсон, Кинг и Эйбернети. Они были арестованы и посажены за решетку. Суд над Кингом назначили на 10 августа; ему предстояло провести в тюрьме до суда две недели.

Арест Кинга и случаи проявления жестокости со стороны полиции задели за живое общественное сознание нации. Группа христианских священников и раввинов начала планировать автопробег с целью повлиять на Белый дом, чтобы заставить его вмешаться в события. Группа из десяти сенаторов обратилась в Департамент юстиции с просьбой предпринять «все возможные шаги» по защите арестованных. 1 августа президент Кеннеди публично заявил, что не может понять нежелание властей Олбани сесть за стол переговоров. Мэр Олбани Келли ответил: «Мы никогда не будем вести переговоры с теми, кто с очевидностью не уважает местные законы, законы штата и предписания федеральных инстанций». В организации беспорядков он обвинил «пришлых агитаторов» и конкретно Мартина Кинга.

«Олбани стал символом, последним оплотом сегрегации, — писал Кинг из тюремной камеры в газетную колонку «Народ в

действии». — Это произошло почти случайно. Здесь наружу выбилось возмущение, которое копилось в течение целого столетия. В социологическом отношении Олбани имел все необходимое для того, чтобы стать городом решающего сражения. Однако таким же бастионом с легкостью мог стать любой из сотни городов Крайнего и Среднего Юга...

Негритянки здесь получают в среднем по 15 долларов в неделю, работая служанками в чужих домах. Если не считать военные объекты федерального подчинения, расположенные в регионе, здесь имеется очень мало рабочих мест, где негры-мужчины могли бы зарабатывать установленный федеральным законодательством минимум в 1,15 доллара в час. Экономическое порабощение также является не чем иным, как одной из разновидностей сегрегации...

Олбани способен сыграть роль указательного столба для всех других негритянских общин, столкнувшихся с трудной дилеммой ускорения мучительно медленного процесса десегрегации, когда дискриминация по-прежнему все еще мешает множеству людей и уродует их души.

Почему именно Олбани? Потому что Олбани напоминает собой крепость сторонников сегрегации, бастионы которой штурмуются силами нравственного очищения вкупе с силами справедливости».

5 августа Уйатт Уокер привез Коретту с тремя детьми на свидание с Мартином. Когда они подъехали к тюрьме, какие-то белые молодые люди стали громко кричать:

«Ниптер!» Семилетняя Иоланда спросила: «Мама, почему белые ненавидят цветных?» Коретта напомнила ей о Хэнке — белом семинаристе, который провел в их доме часть лета: «Не все белые ненавидят нас, Йоки».

Дети не видели отца целый месяц. И они никогда прежде не видели его в тюрьме. Готовясь к такой ситуации, Коретта объясняла им, «что папе надо сесть в тюрьму, чтобы помочь бедным». Эта тема впервые возникла в их беседах во время задержания Мартина в Атланте. Иоланде тогда только что исполнилось шесть, и, узнав по телевизору, что ее отца посадили в тюрьму, она расплакалась. Коретта сказала ей: «Йоки, папа собирается помогать людям. Кое-кому он уже помог, но надо помочь еще другим. Он вернется». Йоки перестала плакать. Марти теперь было четыре года, а Декстеру — всего восемнадцать месяцев. Они еще ничего не понимали, а просто скучали без отца.

Мартин тоже скучал по детям. Он не хотел, чтобы они видели его за прутьями ограды, и попросил охранников разрешить ему встретить их в коридоре. В их распоряжении было пятнадцать

минут. Коретта чувствовала сильное напряжение. «Ма-ам, можно коки?» — пристал к ней маленький Мартин. «Нет, нельзя», — ответила она, и тогда малыш направился к фонтанчику с питьевой водой. Дети находились в шаловливом настроении. Они совершенно не осознавали того факта, что они — темнокожие детишки, которые находятся в тюрьме, построенной белыми, тогда как сами взрослые никак не могли избавиться от этого ощущения. «Мартин, — сказала Коретта, заставив себя улыбнуться, — если ты задержишься здесь надолго, младший совсем забудет тебя».

Мартин улыбнулся в ответ. По крайней мере, он был рад видеть их сейчас. «Да, дорогая, я знаю», — сказал он.

Затем на выходе Коретта попала в толпу репортеров. «Как вы думаете, — спросил один из них, — сколько лет все это будет еще продолжаться?» — «Я думаю, пять лет, — ответила она с грустной улыбкой. — Потом все будет по-другому».

Кинг, Эйбернети и другие обвиняемые были признаны виновными, но получили условные приговоры. На следующий день Движение возобновило акции, направив группы смешанного расового состава в места общественного питания в трех городских парках и в двух библиотеках. На этот раз власти просто закрыли парки. Они также на время прикрыли и библиотеки. Несколько месяцев спустя один из муниципальных бассейнов был продан Джеймсу Грею, который объявил его «частным заведением», предназначенным исключительно для белых.

По мере приближения выборов активисты ККСС и КЮХР все интенсивнее занимались просвещением и обучением избирателей в церквях негритянских сельских приходов. На их собрания часто врывались представители белых властей. Активистов не оставляли в покое: им угрожали, их избивали. На рассвете 15 августа была взорвана негритянская баптистская церковь в Лисберге.

Ранним утром работники ККСС позвонили Уолкеру и Кингу, и они тотчас же помчались в Лисберг. «Я рассматривал руины со слезами на глазах, — писал Кинг в газетной статье. — Стоя там, ощущая сильный жар от дымящихся развалин, я стал вспоминать все то, что мне доводилось выслушивать от сторонников сегрегации, от белых консерваторов и либералов, от очень многих негров, все еще не осознавших значение ненасильственного прямого действия... Здесь речь не шла о каких-либо буфетных стойках... здесь всего-навсего горстка обычных, простых людей, обрабатывающих землю, пыталась освоить элементарный минимум знаний, чтобы голосовать, исполняя свой гражданский долг... И тем не менее здание, в котором они проводили свои

практические занятия и предвыборные собрания, теперь лежит в руинах. Почему? Почему? Почему?

Неприкрытая истина заключается в том, что негритянская община всегда и повсюду встречает непримиримого врага в лице белого расиста вне зависимости от конкретного содержания своих действий: стремится ли она к отмене сегрегации за буфетными стойками или в общественном транспорте, добивается ли она реализации первой поправки к Конституции или же устраивает крестный ход, стремится ли она покончить с дискриминацией в школах или же требует избирательных прав. Совершенно не важно, что именно мы хотим, если эти наши желания как-то связаны с расширением наших гражданских прав, с самоуважением, с человеческим достоинством и подразумевают перемены в «южном образе жизни». В этом случае у негра почти нет никаких шансов получить одобрение, согласие или же просто терпимое отношение со стороны белого Юга, поддерживающего сегрегацию.

Вещественное доказательство: обугленные руины баптистской церкви Тенистая Роща. Такова ужасная цена, которую приходится платить на Крайнем Юге за право голоса».

27 августа более 80 раввинов, священников-протестантов, а также множество прихожан — как протестантов, так и католиков, прибыли в Олбани. На следующее утро 75 священников собрались у здания Городской управы. Когда раввин Ричард Израил из Фонда Хиллеля в Йеле начал декламировать 114 псалом, шеф полиции Лаури Причетт потребовал от собравшихся разойтись. А затем он приказал «отправить их в тюрьму». Полиция оттеснила демонстрантов к боковому проходу под одобрительные выкрики белых зевак. Один из полицейских снял с раввина Израиля ермолку, надел ее на себя, напялил накладную бороду. Священников разделили на три группы. Двадцать белых, которых поместили в тюрьму для военнослужащих в округе Ли, решили объявить голодовку; восемнадцать из них отказывались от приема пищи в течение 36 часов, а двое — в течение суток. Из семидесяти пяти человек только несколько остались в тюрьме на неделю. Большинство по окончании голодовки предпочли выйти под залог и разъехаться по домам. Их акция не оказала сколь-либо заметного влияния на белое население Юга, но она воодушевила негров.

Впрочем, не успели священники закончить голодовку, как ночью были обстреляны из винтовок дома тех четырех негритянских семейств, которые приходили на встречу с «чужаками» в их самый первый приезд. 3 сентября уехал последний из восемнадцати голодавших священников. В тот же

вечер около 3000 белых собрались по призыву ку-клукс-клана, но городские власти не дали им разрешения пройти маршем через Олбани.

Одновременно состоялся массовый митинг негров. На нем преподобный Эндерсон заявил о необходимости немедленно приступить к совместному школьному обучению. На следующее утро он лично провожал свою четырнадцатилетнюю дочь Лауриту и еще тринадцать других школьников мимо полицейских заслонов и коряво написанных плакатов: «Никаких ниггеров, пожалуйста!» Они направлялись в среднюю школу города Олбани, в которой обучались старшеклассники. Одновременно четыре негритянских малыша пришли с родителями в две начальные школы города.

Нападения на сельские церкви между тем продолжались. В воскресенье 9 сентября в 10 часов вечера была подожжена баптистская церковь Оливковый Холм в Сэссере. Затем поджигатели проехали пять миль до Чикасохэтчи, где предали огню церковь Холм Марии. ФБР прислало сюда из Атланты одного из своих агентов. Когда он прибыл в Чикасохэтчи, какой-то белый фермер набросился на него с кулаками и был за это арестован.

Восемь дней спустя сгорела еще одна — четвертая — молельня: баптистская церковь Первая Надежда в Доусоне, и ФБР перешло в наступление, арестовав троих взрослых мужчин и одного шестнадцатилетнего подростка. Они признали свою вину, и 22 сентября мужчины были приговорены к семи годам тюремного заключения каждый.

Помимо поджигателей и прочих исполнителей, были еще и любители подстрекать. Такие, как бывший губернатор Джорджии Марвин Гриффин. В своей колонке в газете «Атланта конститьюшн» Ралф Макгилл открыто обвинил Гриффина в «поджигательских призывах». «Когда люди, занимающие высокие уважаемые должности, а также известные общественные деятели прямо или косвенно одобряют неприятие закона и судебных решений, беда не заставляет себя ждать. Хулиганье, агрессивные антиобщественные элементы чувствуют, что это развязывает им руки». На первичных выборах среди демократов Гриффин потерпел сокрушительное поражение, уступив политику с умеренными взглядами Карлу И. Сэндерсу.

В начале сентября агенты ФБР арестовали двух белых мужчин, которых обвинили в поджоге церкви Тенистая Роща. Тем временем Мартин Лютер Кинг попросил Джеки Робинсона — бывшую звезду бейсбола, возглавить кампанию КЮХР по сбору средств на восстановление разрушенных церковных зданий.

Читатели «Атланта конститьюшн» собрали 10 000 долларов. Столько же пожертвовал мультимиллионер губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер. Объединенная Церковь Христа собрала 5000 долларов; Протестантская епископальная церковь — 4000 долларов, как и Движение Олбани; Национальный совет церквей выделил 1000 долларов. За восемь месяцев было собрано свыше 80 000 долларов, причем больше половины из них собрал Робинсон. Монахи из монастыря Св. Духа в Коньерсе, неподалеку от Атланты, добровольно взялись сделать для новых церквей 24 цветных окна. После продолжительных задержек (сотрудники КЮХР были обременены многими другими обязанностями) три из четырех церквей были восстановлены. Пока они строились, службы и собрания проводились в больших палатках. Церковь, сожженная последней, по иронии судьбы, оказалась восстановлена раньше других. Мэр Доусона Карл Раунтри объявил: «Поскольку эта церковь сожжена кем-то из жителей Доусона и округа Террелл, мы понимаем, что должны сами восстановить ее».

Не следует полагать, что священников, которые ответили на зов Кинга, повсюду встречали с одобрением. Доктор Джозеф Х. Джексон из Чикаго, председательствовавший на ежегодном (обычно рассчитанном на неделю работы) съезде Национального баптистского конвента (НБК), не сказал ни одного доброго слова в адрес священников, выступавших в Олбани с протестами. Джексон, как и многие из его белых единомышленников, с неодобрением относился к сидячим демонстрациям и к рейдам за свободу. Он в общих словах рассуждал о том, что негры должны стать самодостаточными в экономическом отношении людьми, но не выдвигал никакой конкретной программы, которую можно было бы противопоставить программе доктора Кинга. При этом Джексон являлся главой самой крупной организации негров-баптистов и от него не так-то просто было отмахнуться. От имени Движения преподобный Эндерсон отправил в Чикаго делегатам съезда от Олбани телеграмму, в которой в резких словах отозвался о позиции Джексона: «Философия бесконечной подготовки — без протеста — не может стать решением расовой проблемы. Она должна быть осуждена как полумера».

Одновременно со съездом НБК, предположительно насчитывавшим пять миллионов сторонников, в Филадельфии проходил съезд недавно созданного Прогрессивного баптистского конвента (ПБК), который уже насчитывал почти миллион членов. ПБК энергично подтвердил свою поддержку позиции Мартина Лютера Кинга. Имея в виду комментарии Джексона, председатель ПБК доктор Т. М. Чэмберс сказал: «Иные утратили веру и стали

вопрошать: «А какая польза? Почему бы Кингу, Эйбернети, Шаттлсворту и другим не сдаться — жертвы слишком велики?» Я хочу спросить, почему Ганди не сдался до того, как проложил путь освобождению Индии? Почему Америка не сдалась прежде, чем добилась своей независимости? Мы стоим на пороге нового дня, новой эры, нового мира, в котором новые негры призывают по-новому взглянуть на проблему перехода от рабства к свободе, от ненависти к любви, от мрака к свету, от сегрегации к интеграции, от унижения к чувству собственного достоинства».

Организация прогрессивных баптистов, сторонники которой в основном были сконцентрированы в Нью-Йорке, Филадельфии, Лос-Анджелесе и Чикаго, была создана в январе 1962 года при поддержке Мартина Лютера Кинга после неудачных попыток сместить Джексона с председательского кресла в НБК в i960 и 1961 годах. После съезда в Канзас-Сити в 1961 году Джексон обвинил Кинга в раздувании вражды, которая едва не переросла в потасовку между делегатами противостоящих фракций.

Сам Мартин Кинг не имел большого опыта общения с сельским Югом, но он был окружен теми, кто таким опытом обладал. Он постоянно находился в эпицентре событий, из которых и формировалась принципиально новая расовая ситуация 1960-х годов, связанная с появлением образованного «нового негра» и выходом на политическую арену чернокожей бедноты; на все это накладывала отпечаток борьба религиозных течений внутри негритянских церквей, претензии на национальное лидерство, сращивание религиозных движений со светскими. Кинг любил цитировать слова Виктора Гюго о силе идеи, время которой пришло. Он также осознавал собственную ответственность в качестве живого воплощения одной из таких идей — «идеи ненасилия». Подобно Ганди, Ленину, Кастро, де Голлю, Линкольну и многим другим вождям, обладавшим харизмой, Кинг мог ошибаться и как стратег, и как теоретик. Как любой из этих вождей, он не был бесподобен в каждом своем качестве, но подбор этих качеств был уникален. Он был человеком, необычайно созвучным своему времени.

Кампания в Олбани одновременно может быть оценена как полный провал и как большая победа. И в этой оценке нет ни противоречия, ни демагогии. Подобно акции гражданского неповиновения, проводившейся Ганди в 1930—1931 годах, эта кампания породила великий энтузиазм. Она потребовала массу времени, сил и средств, почти не принеся ощутимых результатов. Как сказала миссис Руби Хёрли, директор юго-восточного регионального отделения НАСПЦН: «Кампанию в Олбани можно считать успешной только в том случае, если ее участники ставили

перед собой цель угодить в тюрьму». Белое господство осталось незыблемым, все акции Движения — и крестный ход-молебен, и решимость лидеров найти «всеобъемлющее решение» расовой проблемы, выглядели наивным донкихотством.

В мае 1963 года преподобный Эндерсон объявил, что Мартин Лютер Кинг приглашен в город, чтобы снова возглавить демонстрации. «Тогда полыхнет, и вокруг полетят искры», — пообещал он. Но Кинг в то время отправился в Бирмингем. Искры в Олбани все равно полетели и без него, но демонстрации так и не переросли в массовые акции протеста. Участники их, как обычно, арестовывались. Время от времени возникали локальные стычки. Только в 1964 году благодаря постановлениям федеральных судебных инстанций негры Олбани получили право на проведение мирных маршей протеста, а сегрегация была запрещена Гражданским правовым актом.

По окончании кампании 1962 года в Олбани ее неудачи были рассмотрены весьма скрупулезно. Одним из самых глубоких критиков кампании стал Говард Зинн: «Движение в Олбани не имело никаких шансов. Оно поддерживается исключительно общей решительностью и воинственностью, столь характерными для радикальных негритянских элементов.

Подобная бесформенность имеет как свои преимущества, так и недостатки. Подчас в ней проявляется тенденция действовать по-старому в совершенно изменившейся обстановке. В частности, Движение неохотно пользуется юридическим инструментарием, имеющимся в его распоряжении, и продолжает зависеть в основном от демонстраций... Кроме того, оно не пользуется тактикой концентрации всех сил на какой-нибудь одной, заранее выделенной цели. А такой подход не только разумен, но и создает весьма благоприятные условия для ведения переговоров с противоборствующей стороной. Общество как бы сталкивается с весьма определенным, конкретным требованием, а не с лоскутным одеялом различных претензий и пожеланий. Подобная неопределенность лишь усиливает извечную неспособность любого человеческого общества рационально относиться к своим собственным недостаткам».

Отвечая на эту критику, Уйатт Ти Уокер дал собственный комментарий: «Конечно, мы совершали ошибки... Затрачивая невероятные усилия, мы шли на жертвы, которые не дали никаких непосредственных результатов. Но наше Движение еще очень молодо. В Олбани мы боролись вдохновенно, честно и дружно. Это было настоящее ненасильственное восстание негров, хотя мы и не обладали практическими навыками и тактикой борьбы». Эта кампания, заявил Уокер, «стала началом больших

перемен в самом сердце Юга». Но даже если эту кампанию оценивать как проигрыш движения ненасилия, как личную неудачу Мартина Лютера Кинга, то нет никаких сомнений, что его дело было правым. А это не только не умаляет, но и, пожалуй, даже подчеркивает нравственный масштаб его личности и возглавлявшегося им движения. Это было поражение, поражение болезненное. Но проигравшие все же сумели вкусить глоток свободы, их ряды пополнились новыми бойцами, которые, присоединившись к многотысячному хору, дружно запели «Мы победим!».

Глава 7.
Бирмингем: Триумф и Трагедия

На заседании правления КЮХР в мае 1962 года, проводившегося в Чаттануге, преподобный Фред Ли Шаттлсворт предложил общерегиональной организации соединить свои усилия с его Бирмингемской группой, чтобы провести в Бирмингеме массовую кампанию ненасильственного сопротивления. Шаттлсворт был красивым, стройным мужчиной. Он хорошо одевался и вполне мог бы сойти за светского льва. Мартин Лютер Кинг однажды назвал созданную Шаттлсвортом организацию Христианское движение Алабамы (ХДА) «самым сильным филиалом КЮХР», а самого Шаттлсворта «наиболее мужественным борцом за права человека на Юге». С момента создания ХДА в Бирмингеме прогремело более десятка взрывов. Взрывали негритянские церкви и дома активистов Движения, включая церковь и дом самого Шаттлсворта. Было зарегистрировано свыше пятидесяти сборищ куклуксклана, на которых сжигался крест. Многие местные негры оказались за решеткой. Несколько чернокожих женщин было изнасиловано полицейскими под дулами пистолетов. Куклуксклановцы схватили одного негра и кастрировали его. В ночь на 10 апреля 1959 года члены клана похитили преподобного Чарлза Биллапа, одного из создателей ХДА, и избили его автомобильными цепями.

На совещании КЮХР в Чаттануге Шаттлсворт выступил с отчетом о кампании, развернутой в Бирмингеме по инициативе учащихся колледжа Майлс. Был организован покупательский бойкот. Он приносил убытки белым коммерсантам. Некоторые из них согласились в качестве первого шага снять таблички «Для белых» и «Для цветных» с фонтанчиков для питья и с комнат отдыха. Однако под давлением, оказанным расистами из городского начальства, они вскоре дали обратный ход. Давление это исходило прежде всего от пресловутого «Быка» — Юджина Коннора. В ноябре 1961 года Коннор, отвечавший в правительстве города за общественную безопасность, четыре раза в течение двух недель арестовывал начальника автовокзала, который, подчиняясь приказу Международной торговой палаты, допускал совместное обслуживание посетителей в буфете. В Бирмингеме несладко приходилось не только неграм, но и тем белым, которые придерживались умеренных взглядов по расовым вопросам. «Бык» Коннор в течение двадцати пяти лет делал все от него зависящее, чтобы дела в городе обстояли именно так.

Правление КЮХР решило оказать поддержку группе Шаттлсворта. Собрание постановило, что следующая ежегодная конференция КЮХР состоится в сентябре 1962 года в Бирмингеме. Мартин Лютер Кинг собрал правление КЮХР на совещании в Дорчестере, где в течение трех дней обсуждался стратегический план действий. Необходимо было учесть опыт Олбани. Дискуссия продолжалась в течение многих часов и ее выводы совпали с оценками Говарда Зинна. Как сказал позднее сам Кинг: «Мы настолько увлеклись нападками на сегрегацию в общем и целом, что не сумели направить наш протест ни на одно из основных ее проявлений». Но и теперь у Кинга не было никакого плана действий. Это выяснилось в процессе обсуждения. Простое сочетание сидячих демонстраций, элементарного бойкота и «целого букета претензий», как это было в Олбани, уже не годилось.

В ходе дискуссий план действий был рожден. Он получил название «Проект К» (по первой букве в слове «конфронтация»). Согласно ему, всем лидерам были присвоены кодовые имена, все акции получили кодовые названия. Негритянское освободительное движения отчаянно нуждалось в таком улучшении организации дела.

В сентябре 1962 года некто Джеймс Мередит сделал важный шаг, добившись своего зачисления в Государственный университет штата Миссисипи. Кинг был настроен весьма критически к администрации президента Кеннеди за то, как она управлялась с беспорядками на Юге, считая расовую политику Белого дома в целом не соответствующей сложившейся ситуации. 16 октября он целый час провел с Кеннеди, стремясь добиться от него ответа на апелляцию КЮХР от 17 мая. Президент был любезен, но отвечал уклончиво. Позднее Кинг сказал: «Президенту следует изменить своей привычке вечно говорить: «С этим надо что-то сделать». Он сам должен выходить на авансцену с сильной программой действий. Бесполезно мазать вазелином раковую опухоль». Тем не менее в деле Мередита федеральное правительство заняло четкую позицию, и это, по словам Кинга, «показало тем, кто этому сопротивлялся, их истинное положение на берегу моря житейского, подобное тем, кто пытается противостоять приливной волне истории».

Дело Мередита, однако, было бы корректнее сравнивать не с приливом, а с крохотным ручейком. Образцово-показательные негры, расставленные по всему фасаду американского образа жизни, никогда не являлись частью мечты Мартина Лютера Кинга. «Если бы наша цель была чисто показушной, — писал он, — нынешняя администрация поспособствовала бы нам в ее

достижении. Однако показушность для нас вещь не только совершенно бесполезная, но и таящая в себе реальную опасность. Это — паллиатив, который дает эмоциональную разрядку, но оставляет болезнь неизлеченной». «Проект К», напротив, должен был усилить воинственность духа и направить его на достижение целей, способных облегчить жизнь бирмингемским неграм и показать путь борьбы всему Югу и всей нации.

Через две недели после окончания совещания в Дорчестере Кинг, Эйбернети и Уокер поселились в номере 30 мотеля «А. Г. Гастон» в Бирмингеме, превратив его в штаб-квартиру на время всей операции. В течение многих месяцев они будут встречаться здесь с Шаттлсвортом и с руководством ХДА, чтобы обсуждать детали, возникающие по ходу реализации «Проекта К».

На 2 апреля (963 года были назначены выборы городского главы. За эту должность сражались «Бык» Коннор и умеренный политик Элберт Бутвелл. Готовились к этой дате и участники «Проекта К». Активисты Движения проводили семинары по теории и тактике ненасилия, а Уйатт Уокер, воспользовавшись методикой, которую Мэттью Макколем применял во время сидячих демонстраций в Оранджберге, провел тщательную рекогнисцировку центральной части Бирмингема. Он составил план местности, указал ориентиры, вырианты подходов к каждому крупному магазину, количество сидячих мест в буфетах и т. п. К концу февраля он тщательно проинструктировал две с половиной сотни человек, изъявивших готовность провести за решеткой, по меньшей мере, пять дней.

Запустив маховик кампании, сам Мартин Кинг 16 января отправился в головокружительное турне по стране, в течение которого выступил с речами двадцать восемь раз в шестнадцати городах. Впервые он публично упомянул о существовании бирмингемского «Проекта», выступая в Чикаго 31 января. Он заявил, что ведет подготовку «самой трудной из когда-либо проводившихся им кампаний». Символическое значение данного заявления подчеркивалось тем фактом, что оно было приурочено к столетней годовщине со дня отмены рабства в США. Турне не ограничивалось речами: Кинг вербовал добровольцев и договаривался о денежных переводах для тех, кто будет арестован в Бирмингеме. Коретта опять была в положении. Родить она была должна вскоре после возвращения Мартина в Атланту, запланированного на 29 марта. Роды, однако, оказались преждевременными, и, когда Мартин добрался до больницы, в которую положили его супругу, она уже родила дочь Бернис Элбертину, которую вся семья вскоре стала любовно называть Банни. Первым так ее назвал двухлетний Декстер, который

просто не мог выговорить полное имя сестры.

Между тем стремительно приближалась дата общего выступления, назначенная на первый день после выборов. 3 апреля ХДА опубликовало манифест, в котором кратко суммировалось все то, что вызывало недовольство негритянской общины города и звучал призыв: «Мы обращаемся ко всем жителям Бирмингема, как черным, так и белым, присоединиться к нашей борьбе за нравственную чистоту, за самоуважение и человеческое достоинство. Ваша личная и коллективная поддержка может существенно приблизить наступление «дня свободы и справедливости для всех». Для Бирмингема пробил «час истины, и каждый горожанин может сыграть свою роль в его судьбе».

В тот же день начались и акции протеста. В пикетах и сидячих демонстрациях участвовало около тридцати негров, и двадцать из них были арестованы в универмаге «Бритт». Маленькие группы демонстрантов заняли буфетные стойки также в «Вулворте», «Лавмене» и в других универмагах. Их не стали трогать, но буфеты быстро закрылись. Вечером Мартин Лютер Кинг выступил на митинге, на который пришло около 500 человек. «Мы отправились на поиски свободы, — провозгласил он, — и никто не сможет остановить нас. Мы намерены превратить Бирмингем в центр антирасистской деятельности для всей страны. Я приехал сюда и останусь здесь до тех пор, пока мы не добьемся хоть каких-то успехов. Вы становитесь участниками очень серьезной акции, преследующей цель снести расовые барьеры в Бирмингеме — в этом на сегодняшний день самом сегрегированном из больших городов Соединенных Штатов».

Сидячие демонстрации продолжались. В субботу, 6 апреля, к ним добавился еще и марш протеста, который возглавил Шаттлсворт. Демонстранты дошли до здания Городской управы, где 42 негра были арестованы. В Вербное воскресенье А. Д. Кинг, который с 1960 года являлся активным членом ХДА, устроил шествие с молебном в центре города. Когда его вместе с 25 участниками шествия арестовывали, один негр из числа зрителей вышел из себя и ударил ножом полицейскую собаку. На него набросились шестеро полицейских. Они отобрали у него нож и арестовали его. В газетах ошибочно написали, что в толпе, состоявшей из 500 белых и темнокожих очевидцев, произошла небольшая потасовка. В действительности активисты КЮХР просто уговорили толпу разойтись.

На массовом митинге в среду вечером Мартин Кинг и Ралф Эйбернети объявили, что они оба вместе со слепым певцом Аль Хибблером отправятся в тюрьму в Страстную пятницу. «Лучше

идти в узилище с гордо поднятой головой, чем смириться с сегрегацией, — со страстью заявил Кинг своим зычным голосом. — В качестве дани уважения к тем, кто сейчас томится в тюрьмах, отстаивая свои убеждения, мы вполне можем обходиться без больших магазинов. Всякий негр, который в эти дни будет расхаживать по центру города с покупками, недостоин стать свободным». Затем Кинг обрушился на тех темнокожих священников, которые с надменным и равнодушным видом устранились от участия в борьбе. «Здесь, в Бирмингеме имеется несколько пастырей, которые не поддерживают наше Движение. Я устал от проповедников, ездящих на больших лимузинах, живущих в прекрасных домах и не желающих участвовать в битве. А ведь они — это самые свободные люди в негритянской общине. Но если человек не может быть вместе со своим народом, он не может быть для него ни пастырем, ни лидером!» «Негритянский народ, — заявил Кинг, — совсем не интересуется «возвращением» в Африку. Мы просто хотим обладать всеми нашими правами здесь и сейчас. Негры больше не испытывают страха. Мы побеждаем в борьбе, ради победы в которой мы уже многим пожертвовали, но мы должны быть готовы даже умереть за свободу, если это необходимо».

Затем с зажигательной речью выступил Ралф Эйбернети. По окончании ее он, уставившись на белого репортера, сказал: «Сообщите им, что мы намерены раскачать этот город так, как его никогда прежде не раскачивали». Затем он повернулся к аудитории и спросил: «Кто готов пойти в тюрьму вместе со мной, с Мартином и с Аль Хибблером?» Поднялся лес рук. Добровольцев попросили выйти вперед. С места поднялась седая женщина: «Я никогда прежде не была в тюрьме, — сказала она со слезами на глазах, — но я тоже пойду». Вскоре на ноги поднялись все присутствовавшие. Зазвучал орган, громко воспроизводя ритм блюза, люди запели и закричали: «Я на пути к земле свободы!»

В Страстную пятницу, 12 апреля, Мартин Лютер Кинг встал на рассвете. С полудня четверга он начал поститься. Он надел джинсы и простую рубашку, но даже в такой повседневной одежде Кинг ухитрялся выглядеть щеголевато. Он волновался о судьбе тех, кто уже находился за решеткой. Его ждали отец, Ралф и другие люди. Кинг молча сотворил молитву: «Во всем буду полагаться на Господа!» — сказал он сам себе. Затем он обнял отца, пожал руки всем присутствовавшим и вместе с Эйбернети отправился в баптистскую церковь на Шестой улице. Помолившись здесь напоследок, они собирались пройти к зданию Городской управы и тем самым нарушить постановление, принятое судом штата неделю тому назад, — это постановление

категорически запрещало дальнейшее проведение демонстраций.

Наконец наступило назначенное время. Кинг, Эйбернети и Хибблер в сопровождении пятидесяти добровольцев, распевавших псалом, вышли на улицу по обеим сторонам которой сгрудилось около 800 зевак. Демонстрантов на маршруте уже ждали пять полицейских фургонов. Заталкивая людей в эти фургоны, полицейские особо не церемонились. Вскоре все арестованные были доставлены в тюрьму. Полиция специально отделила Кинга и Эйбернети от всех остальных. Шаттлсворт, который примкнул к процессии в самый последний момент, подчинившись внезапному импульсу, также оказался за решеткой.

Мартин обещал Коретте, что он ей позвонит. Однако, вопреки обычной процедуре, ему этого не разрешили сделать. Коретта стала волноваться. Не дождавшись звонка, она позвонила Уйатту Уокеру. Уокер сам не был в курсе событий и предложил ей позвонить президенту Кеннеди. Ей не удалось связаться с президентом, который находился в это время на отдыхе в своей резиденции в Палм-Бич, но она поговорила с пресс-секретарем Белого дома Пьером Сэлинджером, а затем с генеральным прокурором Робертом Кеннеди. Тем временем Уокер тоже не слезал с телефона, и в 11 часов вечера он услышал заспанный голос Берка Маршалла из департамента юстиции. Маршалл сообщил ему, что в данном случае у его ведомства нет никаких законных прав вмешиваться.

В субботу вечером Коретте позвонил президент. Он сказал, что Мартина видели сотрудники ФБР, что с ним все в порядке и что в скором времени он сам позвонит домой. Через пятнадцать минут раздался звонок, и в трубке послышался голос Мартина. Коретта сообщила ему о своей беседе с Кеннеди, и Кинг сказал, что понял, почему так резко к ним изменилось отношение в тюрьме. До президентского вмешательства, пояснил он, охраники демонстрировали ему свое презрение и мелочную жестокость, а тут вдруг стали почти вежливыми.

На Пасху, в Вербное воскресенье, пока Кинг продолжал сидеть за решеткой, небольшие группы негритянских верующих попытались попасть на утреннюю службу в шесть христианских храмов, предназначенных для белых. В Первой баптистской церкви священник Эрл Столлингс обменялся рукопожатием со всеми негритянскими гостями — двумя молодыми женщинами, явившимися в сопровождении Эндрю Янга. Столлингс сказал им, что будет рад видеть их в любое время. В Первую пресвитерианскую церковь зашел помощник Янга с еще одной молодой чернокожей дамой. Оба были сердечно приняты и церковными приставами, и конгрегацией, а проповедник, доктор

теологии И. В. Рэмедж, предложил им заходить регулярно. В Первой христианской церкви двух темнокожих женщин внутрь не пустили, но четыре церковных старшины сопроводили их до приходского странноприимного дома, где им постарались объяснить ситуацию и помолились вместе с ними. Двое из старшин утирали слезы, когда темнокожие гостьи стали прощаться. Старшин явно мучили угрызения совести. Однако в трех других храмах для белых негритянские делегации получили от ворот поворот. Преподобный Бернард Ли в сопровождении двух женщин не успел подняться до половины лестницы, ведущей ко входу пресвитерианской церкви на Шестой улице, как был встречен грубым криком. Церковный пристав, заслонив телом дверь, заявил им: «Идите в церковь для цветных. Эту церковь построили белые, и они здесь молятся».

Позднее в тот же день преподобный А. Д. Кинг после долгой службы вышел на улицу в своем священническом облачении с Библией в руке. Его сопровождали 28 негров. Он направился к городской тюрьме, чтобы помолиться там за своего брата и еще за 150 заключенных. Процессия прошла совсем немного, прежде чем их всех арестовали. Пока они ждали полицейские фургоны, вокруг собралась негритянская толпа, которая быстро увеличилась с первоначальных пяти сотен до двух тысяч человек. Из этой толпы стали раздаваться гневные крики. Когда демонстрантов увезли, полицейские выхватили из толпы одну женщину и стали скручивать ей руки. В ответ посыпался град камней. У одной из полицейских машин разбили лобовое стекло. Полиция схватилась за дубинки и пошла в атаку на толпу. В течение примерно десяти минут сохранялась опасность серьезного бунта, но затем прибыли машины с крупными полицейскими собаками, и толпа рассеялась. Люди последовали за активистами КЮХР, которые вернулись в церковь Тёргуд, чтобы отслужить еще один молебен.

Негритянские церкви при реализации «Проекта К» сыграли роль бастионов. В порыве энтузиазма один из докладчиков КЮХР заявил, что двести с лишним священников-баптистов Бирмингема «единодушно проголосовали за поддержку кампании ненасильственного действия». Председательствовавший на конференции доктор Дж. Л. Уэер поправил оратора. «Мы против сегрегации во всех ее видах и проявлениях, — сказал он, — однако по отношению к Движению мы еще не вполне определились... Мы далеко не во всем с ним согласны, но мы не сделаем ничего, что могло бы помешать Движению».

Евангелист Билли Грэм публично заявил, что он советовал Мартину Лютеру Кингу, «с которым находится в хороших

приятельских отношениях, слегка нажать на тормоза», чтобы установился «период покоя». Восемь бирмингемских священников, включая доктора Рэмеджа и доктора Столлингса, допустивших на Пасху в свои церкви негров, поддержали слова Грэма. Они с теплотой отозвались о полиции, похвалив ее за сдержанность, с которой в городе поддерживался порядок. В январе эти священники опубликовали «Призыв установить законность и порядок на основе здравого смысла». Они высказали мнение, что расовые пробемы должны решаться в судебном порядке, признавая при этом, что демонстрации есть проявление вполне понятного, «естественного нетерпения» негров; впрочем, они осуждали демонстрации как «неразумные и несвоевременные» акции. Их заявление заканчивалось словами: «Мы и впредь будем призывать негритянскую общественность воздерживаться от поддержки этих демонстраций... » Это заявление не было адресовано Кингу. Ни он сам, ни его Движение не удостоились в обращении чести быть названными по имени. Вместо этого в тексте с долей высокомерия обвинялись «некоторые из наших негритянских сограждан, ведомые пришлыми людьми».

Билли Грэм, по мысли «Крисчиен сенчури», давал советы не тому человеку. Ему следовало обратиться к белым, чтобы «они воздали должное неграм как людям и гражданам». Что касается призыва восьми священников, то Мартин Лютер Кинг сам взялся за перо и написал им из тюремной камеры длинное письмо, датированное 16 апреля. Предельно вежливое по тону, это письмо демонстрирует истинно христианскую любовь и всепрощающую терпимость. «Мои дорогие коллеги-священнослужители, — говорится в письме, — вы осуждаете демонстрации, которые в настоящее время проводятся в Бирмингеме. Но мне жаль, что в вашем письме не нашлось места осуждению тех условий, которые эти демонстрации порождают». Кинг не был согласен также с оценкой полицейской сдержанности. «Я не верю в то, что вы столь же искренне хвалили бы полицейские силы, если бы сами увидели, как свирепые псы в буквальном смысле рвут в клочья шестерых безоружных, не оказывавших сопротивления негров. Я не верю в то, что вы с такой же готовностью оценили бы положительно полицейских, если бы видели их безобразное, бесчеловечное отношение к неграм здесь, в городской тюрьме; если бы видели, как они бранят и толкают негритянских старушек и молодых негритянских девушек; если бы вы знали, как они дважды запретили давать нам еду только потому, что мы хотели спеть хором предобеденную молитву. Мне очень жаль, но я не могу присоединиться к вашим славословиям в адрес

полицейского управления».

Вскоре после ареста Кинга и Эйбернети президенту и генеральному прокурору были отправлены телеграммы, в которых осуждался полицейский произвол. Телеграммы были подписаны Стивом Алленом, Джеймсом Болдуином, Гарри Беллафонте, Маршалл Филд, преподобными Джорджем Б. Фордом и Гарри Эмерсоном Фосдиком, а также Джорджем Лондоном, Фредерием Марчем, Полом Ньюменом, Джэкобом С. Потофски, Робертом Райаном, Дэвидом Зюсскиндом, Эли Уоллахом, Шелли Уинтерсом, Джоан Вудворд и многими другими знаменитостями.

В субботу, 29 апреля, Кинг и Эйбернети согласились освободиться под залог в 300 долларов наличными, чтобы провести совещание с комитетом, отвечавшим за стратегические разработки. Потратив весь вечер на обсуждение в мотеле Гастона текущего момента, они решили мобилизовать негритянских школьников Бирмингема на массовую ненасильственную акцию против сегрегации. Этот прием прежде применялся в Стейтсвилле и в Дюрхеме, штат Северная Каролина. Бивел, Янг, Ли и Дороти Коттон пошли по школам во главе группы дюжины добровольцев, чтобы сообщить о принятом решении. Они заходили в классы и в школьные библиотеки. Иногда руководство школ вызывало полицию. Узнав об этом, глашатаи ретировались, но возвращались после того, как полицейские уезжали. Они уговаривали школьников зайти в церкви, поддерживавшие Движение, чтобы посмотреть там фильмы «Поход за свободой» и «Нэшвиллская история», а также послушать Кинга, Бивела и других деятелей, объяснявших, что такое «ненасилие».

К четвергу, 2 мая, удалось собрать около 6000 школьников, готовых выйти на демонстрацию. Идея Джеймса Бивела заключалась в том, чтобы собрать их единой массой в «День СС» (то есть в День Страшного суда) и фактически заполнить тюрьмы под завязку. Когда школьники в тот исторический четверг пришли в церкви и сообщили о своей готовности выступить, их прежде всего накормили. Вскоре после ленча в баптистской церкви на Шестнадцатой улице Мартин Кинг и другие лидеры КЮХР обратились к первому отряду численностью в 300 человек. Выступления продолжались 45 минут. Аудитория состояла из школьников всех классов — от шести до шестнадцати лет, — и они были полны энтузиазма. Взявшись за руки и запев гимн «Мы победим», первая группа из 38 подростков вышла на улицу. Ее приветствовали около 300 негров. Когда группа была арестована в двух кварталах от церкви, вышла вторая группа, а затем еще одна. Отрядами численностью от 10 до 50 человек они через

определенный интервал устремлялись вниз по улице, а тем временем в церковь приходило все больше и больше детей, готовых маршировать. Полиции вскоре перестало хватать фургонов и машин, и тогда она начала использовать школьные автобусы. За четыре часа в центр города выплеснулось десять больших потоков детей. Трем группам удалось достичь торгового центра. Их арестовали в пяти метрах от Городской управы. Только несколько самых юных демонстрантов, побросав свои плакаты и лозунги, убежали, когда увидели полицию. Но в большинстве случаев дети сохраняли безупречную дисциплину. При приближении полицейских молодежь быстро становилась на колени и начинала молиться. Всего в этот день было арестовано 959 детей и 10 взрослых. Среди последних оказался и А. Д. Кинг, который совсем недавно вышел на свободу под залог.

«Вчера в Бирмингеме был День Страшного суда, — заявил в пятницу Мартин Кинг. — Сегодня он повторится с удвоенной силой. Число арестованых может достичь нескольких тысяч человек». Но полиция прибегла к иной тактике. В церкви на Шестнадцатой улице собралась тысяча школьников, но как только 500 из них вышли на улицу, полицейские заблокировали все выходы. Против демонстрантов-тинейджеров были направлены пожарные машины с брандспойтами. Струи воды сбивали детей с ног. С одного юноши водой сорвало тенниску. Были задействованы также собаки. Эндрю Янг свидетельствовал: «Собак использовали самым варварским способом. Их специально спускали с поводков, чтобы они кусали женщин и детей. Полицейские не предпринимали никаких попыток приструнить собак, и поэтому звери злобно нападали на толпу. Дело внешне выглядело так, словно полиция провоцировала людей на бунт». Газеты опубликовали фотографию, на которой была видна собака, рвущая свитер на чернокожем подростке. По меньшей мере, пятеро негров были покусаны собаками. И все же, несмотря на это, чернокожие сохраняли необычайное спокойствие до тех пор, пока один из полицейских дознавателей не врезался на машине прямо в толпу. В ответ с крыши ближайшего дома посыпался град камней и бутылок. Ранения получили фотограф и двое пожарных. Взбешенные пожарные развернули брандспойты в сторону крыши, окатив заодно водой толпу на улице. Одной девочке струя попала по глазам, а у какой-то женщины от удара воды носом пошла кровь.

Из столицы, встревоженной взрывами насилия в Бирмингеме, в субботу приехал Берк Маршалл, представитель департамента юстиции. Он провел переговоры с Мартином Кингом и с белыми бизнесменами. Демонстрации между тем продолжались,

мятежные элементы вновь бросали камни и бутылки. Когда столкновения достигли своего апогея, Джеймс Бивел позаимствовал у одного из полицейских мегафон и громко объявил: «Тот, кто не желает участвовать в ненасильственной демонстрации, должен уйти». После того как толпа рассосалась, было принято решение отменить в этот день все запланированные демонстрации. Бивел заметил в руках негритянских зрителей ножи и пистолеты и хотел избежать бунта.

На следующий день негры маленькими группами вновь попытались проникнуть в белые церкви. Их пустили только в четыре храма. Незадолго до заката преподобный Чарлз Биллапс вывел из баптистской церкви Новый Пилигрим несколько сотен негров. Они подошли вплотную к полицейским, остановились и молча опустились на колени. Биллапс начал громкую молитву: «Пусть они обрушат на нас потоки воды, пусть они натравят на нас своих собак, мы не уйдем. Прости их, Господи!» Затем направились к парку имени Джулиуса Эллсбери, названного так в честь первого темнокожего воина, погибшего в Пёрл-Харборе.

«Бык» Коннор приказал им повернуть назад. Биллапс отказался. Тогда полицейские расступились и Биллапс провел своих пилигримов в парк, который примыкал к Саутсайдской тюрьме. Там демонстранты провели полчаса, читая молитвы и громко распевая псалмы, чтобы их слышали заключенные. Затем они маршем вернулись в церковь. Полиция арестовала нескольких, отставших от общей массы людей, но на этом ее вмешательство в процессию закончилось. Когда прихожане опять собрались в церкви, было объявлено, что дети непременно будут участвовать в демонстрациях, запланированных на понедельник.

Из Чикаго прибыл Дик Грегори, и 6 мая в 13 часов он вывел на демнстрацию девятнадцать мальчиков и девочек из церкви на Шестнадцатой улице. Они несли плакат: «Все хотят свободы». Дети пели: «Шагай и не бойся, я хочу быть свободным сейчас». Старший полицейский чин остановил

Грегори и, перекинувшись с ним несколькими словами, прокричал в громкоговоритель: «Дик Грегори говорит, что они не разойдутся. Вызывайте фургон». Прибыл полицейский фургон, всех демонстрантов арестовали и отвезли в тюрьму. В течение последующего часа школьники волна за волной выходили из церкви и тоже подвергались аресту. За это время около двухсот демонстрантов просочились в центр города поодиночке и начали пикетировать крупные магазины.

Согласно сообщению газеты «Бирмингем ньюс», с арестованными детьми обращались вежливо. Однако один из присутствовавших на месте членов оперативной группы КЗРР

доложил: «Всех девочек осмотрели на предмет наличия у них венерических заболеваний. Врачи осматривали их, не меняя резиновых перчаток...

В один из дней 800 детей не старше пятнадцати лет продержали под проливным дождем в течение четырех часов во дворе тюрьмы. Затем их посадили в открытые грузовики. Заключенных, протестовавших против подобного обращения, перевели в одиночные камеры... Мэри Хэмилтон, деятельница Конгресса, была избита. Дика Грегори, протестовавшего против плохого обращения, избивали трижды. Девочкам, попросившим аспирин, дали слабительное, а потом поместили в камеры без унитазов.

Затем они пригласили представителей прессы посетить тюрьмы и убедиться, в сколь превосходных условиях содержатся участники демонстраций. Правда, сначала тюремные власти удалили из своих учреждений постоянных заключенных. Девочек заставляли говорить журналистам, что все прекрасно. Они отказались и сообщили репортерам реальные факты. В наказание этих девочек заставили мыть коридор зубными щетками и металлическими мочалками». Тюрьмы были переполнены. Когда около 500 чернокожих школьников вышли из церкви во вторник после ленча, полиция заставила их смешать ряды и рассеяться. Узнав об этом, Джеймс Бивел объявил во всеуслышание: «Если они больше не собираются арестовывать наших демонстрантов, мы прорвемся прямо в центр города и все произойдет прямо на глазах у белых». Чернокожие начали сотнями покидать церковь. По пути к ним присоединялись новые добровольцы, и в результате, пройдя разными маршрутами, они вновь соединились в центре. Их оказалось более 3000 человек. Разделившись на небольшие группы, они быстро прошли по универмагам и крупным магазинам, распевая: «Я никому не позволю указать мне на дверь!» и «Я иду своим путем к земле свободы». Затем они вновь рассеялись и вернулись в церковь, откуда вскоре вновь устремились в центр.

Общественное мнение страны уделяло событиям в Бирмингеме все больше внимания. Сенатор Уэйн Морс сравнил действия Коннора «с натравливаем коммунистической военной машины на мирных демонстрантов в странах Восточной Европы». А сенатор от Кентукки Джон Шерман Купер сказал, что использование пожарных средств и собак «должно потрясти совесть и чувство справедливости американского народа»; он выразил сильное сомнение в том, что так уж много жителей Алабамы поддерживают «чрезвычайные меры» Коннора. Оба сенатора осуждали администрацию Кеннеди за пассивность.

Директор колледжа Морхаус Бенджамин Мейс сказал, что, будь протестующим меньшинством католики или евреи, «федеральное правительство изыскало бы возможность вмешаться в конфликт».

С момента своего приезда Берк Маршалл многократно встречался с комитетом, ответственным за переговоры. Это отнимало львиную долю времени у Мартина Лютера Кинга! В Вашингтоне генеральный прокурор Роберт Ф. Кеннеди, министр финансов Дуглас Диллон и министр обороны Роберт Макнамара провели десятки телефонных переговоров с влиятельными бизнесменами и промышленниками, настаивая на скорейшем урегулировании ситуации. Юджин В. Ростоу, декан юридического факультета Йельского университета, добровольно предложил свою помощь правительству. Он связался с Роджером Блафом, председателем совета директоров крупнейшей сталелитейной компании. Блаф в свою очередь позвонил своим коллегам в Бирмингем и убедил их в том, что решение конфликта имеет большое значение для национальных интересов США. По-видимому, этот звонок стимулировал переговоры, которые во вторник продолжились глубоко за полночь.

Они завершились принятием предварительного соглашения и перемирием на один день, в течение которого предстояло доработать все детали договора.

На пресс-конференции в среду Кинг, Эйбернети и Шаттлсворт объявили о том, что на переговорах достигнут прогресс. В тот же вечер Кинг и Эйбернети попали за решетку во исполнение приговора, вынесенного им прежде, за участие в демонстрации в Страстную пятницу. Негр-миллионер Э. Дж. Гастон, один из членов переговорного комитета, быстро отправил залог в 5000 долларов, и их освободили. Активисты КЮХР почувствовали себя преданым. Шаттлсворт даже решил самолично организовать новую массовую демонстрацию, но представитель департамента юстиции уговорил его побеседовать по телефону с генеральным прокурором Р. Кеннеди. Последнему удалось уговорить Шаттлсворта не предпринимать каких-либо действий прежде, чем не освободят Кинга и Эйбернети.

Сумма залогов за освобождение всех арестованных участников демонстраций достигла 237 000 долларов. Ко второй половине четверга большая часть этих денег уже поступила в Бирмингем благодаря Объединенному профсоюзу автомобильных рабочих и Национальному профсоюзу моряков. На следующее утро 790 демонстрантов, все еще томившихся в камерах, были выпущены под залог. Вечером того же дня Мартин Лютер Кинг объявил о договоре, состоявшем из четырех основных пунктов: 1) Во всех центральных магазинах в течение 90 дней будет

покончено с сегрегацией в буфетах, в комнатах отдыха, в примерочных и у питьевых фонтанчиков; 2) в этих магазинах неграм будут предоставляться те административные и коммерческие должности, которые прежде предназначались исключительно для белых; с этой целью за 60 дней должна быть изменена система найма на работу или же организованы курсы повышения квалификации; 3) должны быть освобождены все арестованные участники Движения; 4) должна осуществляться прочная, постоянно действующая связь между руководством белой и черной общин. «Это самая значительная победа справедливости, когда-либо достигавшаяся на Крайнем Юге, — заявил Кинг, сияя от счастья, но тут же добавил: — Настало время, когда мы должны проявлять спокойствие, достойную и благоразумную сдержанность. Не надо избытка эмоций. Ни один из нас не должен проявлять склонности к насилию... Мы также не имеем права проявлять высокомерие. Теперь мы должны нашу готовность протестовать заменить готовностью идти на перемирие». Кинг поблагодарил тех «белых людей, которые усердно работали для достижения справедливого решения нашей общей проблемы. Им необходимо отдать должное. Это — люди доброй воли».

Непреклонный «Бык» Коннор призвал белых граждан бойкотировать этот договор. Однако Снайдер У. Смайер, глава группы белых коммерсантов на переговорах, публично заявил: «Вражда и взаимные обвинения ничего нам не дадут». Тем не менее белые экстремисты были настроены решительно. Ночью в субботу, в 23 часа 15 минут перед домом А. Д. Кинга взорвались две динамитные шашки. Через двадцать минут еще один взрыв разворотил стену в мотеле Гастона. К счастью, Мартин Кинг уехал на выходные домой в Атланту, и только три женщины получили незначительные травмы. Согласно сообщению «Бирмингем ньюс», нашелся свидетель, который видел машину с сельскими номерами, быстро отъезжавшую с места последнего теракта.

В ответ собралась толпа чернокожих. «Вот до чего доводит ваше ненасилие!» — кричали они; затем начали бить стекла у полицейских машин и резать им шины. Был также подожжен мотоцикл и едва не перевернут патрульный фургон. Один полицейский был ранен ножом, несколько избито. Полиция, однако, действовала сдержанно и не прибегла к огнестрельному оружию.

Возбужденные негры вломились в три продуктовых магазина, которыми владели белые. Магазины были разграблены и подожжены. Затем они забросали камнями полицейских, когда те

стали тушить огонь. «Пусть весь этот город сгорит!» — кричали поджигатели.

Только к 3 часам 40 минутам ночи совместными усилиями белой полиции, пожарных, негритянского отряда гражданской обороны и активистов КЮХР мятеж удалось утихомирить. Возможно, решающую роль в этом деле сыграл разговор А. Д. Кинга с вожаком толпы. «Ты доктор

Кинг? Ты был в тюрьме? Твой дом взорвали?» А. Д. на все вопросы ответил утвердительно. Тогда мужчина громко крикнул: «Это — наш вождь! Он сказал «по домам», вот и идите по домам». Хотя, по словам А. Д., мужчина был явно пьян, его контроль над толпой был «поразительным». Люди тотчас стали расходиться. Во время ночного побоища пострадало 50 человек, но все они остались живы. По оценке «Бирмингем ньюс», городу был причинен материальный ущерб на сумму 41 775 долларов. Осадное положение не вводилось, но в качестве мер предосторожности президент Кеннеди отправил в форт Маклеллан и на военно-воздушную базу Максвелл армейские спецчасти.

В воскресенье Мартин Кинг и Ралф Эйбернети вернулись в Бирмингем и пешком обошли негритянские кварталы, как уже делали в Монтгомери и Олбани, с проповедью ненасилия. Входя, например, в бильярдную, Эйбернети представлял Кинга, а затем Кинг перечислил разрушительные последствия субботней ночи и призвал присутствовавших впредь отказаться от насилия: «Мы не должны избивать полицейских, сколь бы жестокими они ни были. Мы не должны никого резать ножами. Мы не должны поджигать магазины». Так лидеры КЮХР шли из дома в дом и везде повторяли одно и то же.

В течение последовавших за этим нескольких недель напряжение стало ослабевать. Многие из негров, арестованных полицейскими штата, были освобождены «за недостатком доказательств», что прежде в Бирмингеме было делом неслыханным. В понедельник, 20 мая, Верховный суд США объявил дискриминационные решения властей Бирмингема неконституционными, отменив таким образом все приговоры, вынесенные неграм на их основании. В четверг, 23 мая, Верховный суд штата Алабама единогласно утвердил избрание мэра Баутуэлла. Эпоха «Быка» Кон-нора осталась в прошлом. Когда осенью встал вопрос о совместном школьном обучении, неумолимая прежде в данном вопросе «Бирмингем ньюс» в передовице заявила: «Нужна уступчивость».

Перемены в Бирмингеме происходили далеко не гладко. 14 сентября, через четыре месяца после взрыва в мотеле Гастона,

белые террористы швырнули бомбу в окно баптистской церкви на Шестнадцатой улице. Четыре маленькие девочки были убиты и еще двадцать детей получили ранения. Первой реакцией негров Бирмингема была слепая ярость. Сотни людей вышли на улицы, забрасывая камнями полицейских и пожарных, пока преподобному Дж. Х. Кроссу не удалось уговорить их разойтись.

На церемонии похорон четырех юных жертв романист Джон О. Килленс воспользовался случаем объявить о кончине ненасилия как главной идеологии негритянского освободительного движения. Негры, сказал он, в случае необходимости должны быть готовы защищаться с оружием в руках.

Мартин Лютер Кинг назвал юных мучениц «героинями святого крестового похода за свободу и человеческое достоинство... Их смерть напоминает нам, что мы должны работать истово, не покладая рук, во имя того, чтобы американская мечта стала былью... Они погибли не напрасно. Господь еще способен творить добро из самого зла. История вновь и вновь доказывает нам, что незаслуженное страдание обладает спасительным эффектом. Невинная кровь этих маленьких девочек вполне может стать той спасительной силой, которая по-новому осветит этот темный город».

Глава 8.
«У Меня Есть Мечта»: Поход на Вашингтон

В один прекрасный день, когда хроники истории Соединенных Штатов будут отражать историческую реальность, а не вкусы оккупированных белыми ученых советов, негритянская революция 1960-х годов предстанет в ее истинных масштабах. Тогда она затмит Карибский кризис. Полицейские собаки и брандспойты в Бирмингеме, убийство президента Джона Ф. Кеннеди, поход на Вашингтон — это не разрозненные, не изолированные друг от друга эпизоды, а вершины одного крупного горного массива. Они суть порождения глубинных процессов истории. Согласно данным департамента юстиции США, не менее 1412 отдельных правозащитных демонстраций было проведено в стране за трехмесячный период.

Сидячие демонстрации 1960 года, с которых, собственно, и началась негритянская революция, привели к тому, что за восемь месяцев было арестовано 3600 человек. За тот же самый период в 1963 году число арестованных достигло, как минимум, 14 733 человек. Но какие переживания стоят за этими числами! 31 марта 1963 года организация ПОИ (Проект обучения избирателей), тесно связанная с КЮХР, выпустила 17-страничный список, в котором содержится описание 64 актов насилия, совершенных в отношении негров за предыдущие 27 месяцев. Приведем выдержку из этого списка за первые три месяца 1963 года. Сильвестр Максвелл был кастрирован, обезображен и повешен в округе Мэдисон. В Гринвуде, неподалеку от пункта регистрации и обучения избирателей, принадлежавшего ККСС, были сожжены четверо негритянских бизнесменов. Сотрудник ККСС Джеймс Тревис получил огнестрельное ранение. Чуть позднее четверо сотрудников ПОИ чудом уцелели, когда в их машину влепили мощный заряд дроби. Был подожжен один из офисов ПОИ. Из дробовика был обстрелян дом Дьюи Грина. В Кларксдейле в аптеке для негров выбили окно. В Джексоне кто-то трижды выстрелил в лобовое стекло припаркованной машины, которая принадлежала местному секретарю КЗРР. Эти происшествия никоим образом не были связаны со вспыхнувшим бунтом.

19-страничное резюме событий, связанных с борьбой за гражданские права, опубликованное Южным региональным советом, хронологически охватывает последние пять недель до

начала Похода на Вашингтон. Оно содержит множество сведений — как с положительной, так и с отрицательной окраской. В Монтгомери 3 августа три чернокожие женщины были наняты на работу в полицию в качестве постовых. В Сент-Огастине, штат Флорида, все демонстрации проводились мирно до тех пор, пока полиция не начала арестовывать подростков; 25 июля за попытку освободить задержанных тинейджеров здесь были арестованы пятеро негров. В Олбани, штат Джорджия, 23 июля несколько раз была обстреляна штаб-квартира ККСС; 6 августа — предъявлены обвинения девяти участникам демонстраций; убит лидер негритянских железнодорожников; Епископальная церковь открыла двери своих храмов для негров. В Севанне, штат Джорджия, демонстрации, возглавлявшиеся КЮХР, привели к соглашению о десегрегации части мотелей.

Роль Кинга в этих событиях была в чем-то преувеличена, но в чем-то, наоборот, недооценена. Он не руководил непосредственно всеми действиями протеста, но он находился в самом центре происходившего. В глазах десятков миллионов людей, не имевших никакого отношения к Движению, Кинг стал его неотъемлемым символом. Он называл себя «старшим барабанщиком». Это была очень точная характеристика его функции в Движении.

В июне 1963 года, когда борьба на Юге шла своим ходом, Мартин Лютер Кинг решил проехать с выступлениями через всю страну, с востока на запад — «от моря и до моря». Многие назвали это его турне «триумфальным». Бирмингемский триумф, и Кинг очень хорошо это понимал, явился прорывом, эффект которого уже ничто не могло уничтожить. И поскольку об отступлении не могло быть и речи, единственной гарантией поступательного развития событий — и это тоже было абсолютно ясно — становилось усиление натиска. Выступая в Нью-Йорке 16 июня, Кинг предсказал рецидив «периода террора и насилия»- в том случае, если Билль о гражданских правах не будет быстро утвержден и введен в действие. На основе своего бирмингемского опыта он прекрасно осознавал, что в каждом негритянском гетто «отдельные элементы... прибегнут к насилию, если нация не поймет, в сколь отчаянном положении находятся темнокожие граждане... Жестокость, которую они испытывают на себе в результате их стремления к равенству, может вызвать ответную реакцию».

В Лос-Анджелесе послушать Кинга пришло 25 000 человек, в Чикаго — 10 000. 23 июня Мартин Кинг возглавил шествие в Детройте, в котором приняло участие 125 000 человек. Это была самая массовая демонстрация свободолюбивых сил, которую он

когда-либо прежде видел. По сравнению с ней паломничества в Вашингтон, ежегодно устраивавшиеся 17 мая в 1957—1959 годах, казались скромными, малолюдными акциями. Таким огромным митингом Детройт — центр автомобильной промышленности США — отметил 20-ю годовщину расового бунта, вспыхнувшего в нем и унесшего жизни тридцати четырех человек и здоровье тысяч раненых и получивших увечья. Только маленькая часть собравшихся людей смогла попасть внутрь гигантского зала Коубоу-Холла. «Словно прорвало огромную дамбу, — освещала событие газета «Детройт ньюс». — Тысячи и тысячи негров заполонили Вудфорд-авеню, двигаясь волнами во время своего воскресного "похода за свободой"». Бок о бок с Кингом шли Уолтер П. Рейтер, руководитель Объединенного профсоюза автомобильных рабочих, и преподобный К. Л. Франклин, председатель недавно созданного Детройтского совета по правам человека. Эти две организации и финансировали данное мероприятие.

Большая часть выступления Кинга, заканчивавшегося словами «У меня есть мечта... », может рассматриваться в качестве ее первоначального варианта его более поздней речи, с которой он выступал во время Похода на Вашингтон. В ней он не сказал ничего нового. Но аудитория слушала его с большим воодушевлением. «Мы собрались, чтобы увидеть мощь движения ненасилия, — сказал он. — Мы собрались, чтобы убедиться, что этот метод борьбы не для слабых. Ибо только очень сильный человек может устоять на ногах и не ответить на нападение силой... Вы видите, что этот метод способен разоружать противника. Метод обнажает нравственный фундамет его взглядов и убеждений... и он просто не знает, что ему делать... Если он вас не бьет, это чудесно! Но если он бьет вас, вы должны иметь мужество принять удары и не ответить на них. Если он не сажает вас в тюрьму, это замечательно! Никому из здравомыслящих людей не нравится быть за решеткой. Но если он сажает вас в тюрьму, вы идете в нее и превращаете эту темницу стыда и порока в приют свободы и солидарности. Я скажу вам, что человек, который не нашел в жизни ничего, за что он готов умереть, не достоин того, чтобы жить!» В Детройте, как и повсюду, Кинг был представлен аудитории как «любимый в Америке борец за свободу». Клич «Свободу сейчас!» был на слуху, на устах и в сердцах миллионов чернокожих американцев, которые не отделяли себя от безоружного населения Дэнвилля, Севанны, Гринвуда, Бирмингема, Джексона и десятков других городов и поселков, которые впервые выступили с этим требованием.

Чернокожих все чаще поддерживали белые. В 1955 году таких белых была маленькая горстка, но совесть белой Америки постепенно просыпалась. В январе Мартин Кинг выступал главным докладчиком на четырехдневной всеамериканской конференции в Чикаго, посвященной проблемам религии и расы. Финансировали эту конференцию представители основных христианских конфессий и иудеи. Сам факт проведения конференции уже значил многое.

Негритянская революция началась как просьба о некотором улучшении несправедливой системы. Затем она доросла до требований устранить дискриминацию и относиться к темнокожему гражданину как к суверенной человеческой личности. Эти шаги привели чернокожих к желанию полностью контролировать свою собственную судьбу, то есть обрести власть, которая только и способна сделать свободу реальной. Поэтому то, что до 1960 года широко именовалось «движением за гражданские права», в 1963 году стали называть «освободительным движением». Те, кто некогда называли себя «участниками ненасильственного сопротивления», все чаще и чаще стали называться «борцами за свободу ненасильственным путем». Потом слова «ненасильственным путем» стали забираться в скобки, а затем и вовсе стали опускаться.

Мартин Лютер Кинг рос вместе с революцией. В определенной мере его собственное идейное становление опережало события. Он понимал и учитывал как растущую воинственность чернокожих, так и пробуждение доброй воли у белых. Процесс поляризации общества, которому в равной мере содействовали как «Бык» Коннор, так и Малколм Икс, заставлял Кинга сдвигаться в самый центр сцены.

Бирмингем, ставший символом Движения, так или иначе мобилизовал совесть Америки. Это было важнейшим достижением тактики непротивления. У администрации Кеннеди появился солидный стимул для того, чтобы обеспечить прохождение в Конгрессе Билля о гражданских правах. Несмотря на всю их жертвенную дисциплинированность, демонстрации были игрой мускулов, проявлением силы. А сила не может сама собой испариться. Не встретив понимания, она становится разрушительной. Что бы ни говорилось о ненасилии как о силе чисто духовной, оно остается преобразованной ипостасью силы. Индивидуум, который развивает свою способность терпеть издевательства и боль, вырабатывает в себе мужество, которое способно проявить себя и в иной ситуации. У тех, кому недостает дисциплинированности, это мужество превращается в дерзость.

... Приближался очередной Поход на Вашингтон. Нынешний

оргкомитет Похода, куда входило множество сил и групп, был вовсе не похож на тот маленький отважный триумвират, который собрался в Нью-Йорке в 1957 году.

Первые прибывшие в Вашингтон группы стали собираться на лужайке неподалеку от памятника Джорджу Вашингтону 27 августа в час ночи, словно готовясь к ночному пикнику. К рассвету поездами, самолетами, автобусами, автоколоннами прибыли еще тысячи людей. Это были делегаты правозащитных групп, церквей, профсоюзов и учебных заведений. Были среди них и независимые участники. В нескольких автобусах приехали делегаты молодежного комитета НАСПЦН. Их было 240 человек, и они, как капля в море, могли раствориться в девяностотысячной толпе, собравшейся к 10.45 утра. Однако темнокожие тинейджеры принялись хором петь, хлопать в ладоши, подтанцовывать в такт гимну «Мы победим» и собрали вокруг себя толпу зрителей.

День выдался солнечный. Лужайка, украшенная голубыми, пурпурными, малиновыми флагами, развевавшимися на нежно-голубом фоне неба, стала напоминать яркий цветник. На многих флагах было написано: «Свободу сейчас!» Но больше всего здесь было разных оттенков коричневого цвета — палитра, вид которой сразу заставляет американца вспомнить метафору Лэнгстона Хьюза: «Большой шоколадный торт в самом сердце моего города». Впрочем, встречались здесь и белые лица. У многих из них было дружелюбное, но несколько смущенное выражение, какое бывает у людей, оказавшихся на чужом семейном торжестве.

Призывно зазвучали мелодии песен свободы, и люди пешком потянулись к мемориалу Линкольна. Это была медленная процессия. Люди не успевали отойти от памятника Вашингтону, как сюда прибывали все новые и новые тысячи. К часу дня свыше 200 000 человек собрались у мемориала Линкольна. Началась официальная часть митинга. Первым выступил Фред Шаттлсворт: «Мы собрались здесь потому, что мы любим нашу страну, потому что наша страна нуждается в нас, а мы нуждаемся в нашей стране... Каждый в Америке должен быть свободным. Если политики действительно хотят мира, если судьи не намерены беспрестанно протирать штаны в зале судебных заседаний, пусть они снимут путы с американских негров! Тогда все мы будем свободными».

Ралф Эйбернети передал собравшимся «приветствия от тех, кто еще томится в плену земли египетской». Дик Грегори пошутил: «В последний раз, когда я видел вокруг так много своих собратьев, выступал только «Бык» Коннор». Из Парижа Ралф Банше и Берт Ланкастер привезли приветственное письмо в адрес митинга, подписанное 1500 американцами, проживавшими во

Франции. На митинге присутствовали звезды шоу-бизнеса и представители интеллектуальной элиты: Лина Хорн, Сидни Пуатье, Марлон Брандо, Сэмми Дейвис-младший, Чарлтон Хестон, Луис Ломаке, Джеймс Болдуин, Джеки Робинсон, а также полторы сотни конгрессменов. Горячее августовское солнце уже перевалило зенит и подул свежий ветерок, когда над головами митингующих поплыл очень глубокий, торжественно звучавший голос А. Ралфа Рэндолфа: «Мы — авангард многомиллионной революционной армии, сражающейся за право на труд и право на свободу. Эта революция сотрясает всю страну. Она ощущается в каждом городе, в каждом поселке и селении, если в них дискриминируются и эксплуатируются чернокожие люди. Эта революция не является исключительно негритянской, — заявил он. — Наши белые союзники знают, что они сами не могут быть свободными, пока несвободны мы... Массовые действия, подобные нашему Походу, необходимы, поскольку, пока мы не вышли на улицы, федеральное правительство было совершенно равнодушным к нашим требованиям».

Рэндолф, главный распорядитель митинга, вел собрание всю оставшуюся часть дня. После своего короткого выступления он представил собравшимся женщин, входящих в руководство Движения: миссис Джеймс Бивел, в девичестве Дайану Нэш; миссис Герберт Ли, жену активиста, застреленного в Либерти; миссис Глорию Ричардсон, главу отделения Движения в Кембридже, штат Мэриленд; миссис Розу Парке из Монтгомери; миссис Медгар Эверс. Ее на митинге не было, но при упоминании этого имени установилась мгновенная тишина, а члены Конгресса поднялись на ноги. Боб Дилан спел песню «Пуля из кустов пролила кровь Медгар Эверс...»; Одетта исполнила песню «О, свобода»; Джоан Баез выступила с «Мы победим», а группа «Питер, Пол и Мери» спели «Если бы у меня был молоток... ».

Юджин Карсон Блейк, представлявший Комиссию по делам религии и рас при Национальном совете церквей, принес верующим гражданам Америки официальное покаяние, признав, что «церквам страны не удалось навести порядок в собственном доме». Отвлекаясь от текста заранее подготовленной речи, он обратился к чернокожим активистам освободительного движения: «Вы одни, без нас сумели сохранить дух Иисуса Христа; вы подвергали свои тела испытаниям темницами, водой из пожарных шлангов, клыками собак, а некоторые из вас прошли даже испытание смертью».

Председатель ККСС Джон Льюис также изменил текст речи, так как Патрик А. О'Бойл, католический архиепископ Вашингтона, заявил, что выйдет из оргкомитета, если Льюис не

откажется от «поджигательства». Льюис намеревался критиковать президента Кеннеди за склонность «систематически назначать расистов на должности судей», но учел просьбы О'Бойля. На этом основании Малколм Икс позднее назвал все мероприятие «распродажей и предательством». Тем не менее речь, с которой выступил Льюис, была далека от примиренчества. «Мы устали! — кричал он в микрофон голосом, дрожавшим от страсти. — Мы устали от того, что нас избивают полицейские. Мы устали наблюдать, как наших близких и друзей снова и снова тащат в тюрьмы! И при этом вы взываете к нам: «Наберитесь терпения!» Сколько нам еще терпеть? Мы хотим свободы и мы хотим ее сейчас! Мы не хотим садиться в тюрьмы, но мы пойдем в них, если это — та самая цена, которую мы должны заплатить за любовь, братство и истинный мир. Я обращаюсь к вам и призываю вас всех принять участие в великой революции, которая охватывает нашу страну. Влейтесь в ряды ее бойцов и оставайтесь на улицах наших городов, пока задачи революции 1776 года не будут решены окончательно». Что касается Билля о гражданских правах, добавил Льюис, то «мы поддерживаем его, но далеко не безоговорочно, так как он мало что дает и принимается слишком поздно».

С приближением вечера солнце стало быстро клониться к горизонту. Сотни участников митинга потянулись к своим автобусам, когда на сцену к микрофону вышла известная певица Махалия Джексон. Она запела «Меня упрекали и меня бранили» с таким чувством, что руководители Похода, конгрессмены и даже полицейские стали прихлопывать ей в такт, а затем громко кричали.

Но если Махалия Джексон лишь на время приостановила тех, кто стал расходиться с митинга, то, как писалось в репортаже в «Атланта конститьюшн», «доктор Кинг, выступая последним, заставил их остановиться. Все замерли как вкопанные». Могло показаться, что настоящий митинг только начинается. Мартину Лютеру Кингу пришлось ждать довольно долго, пока утихли овации.

«Я счастлив быть с вами сегодня на этом митинге, который войдет в историю нашего народа как самая крупная демонстрация сил освободительного движения.

Сотню лет тому назад великий американец, под чьей символической тенью мы сегодня собрались, подписал Декларацию об отмене рабства... Но столетие спустя негр еще не вполне свободен». Кинг сравнил Конституцию США и Декларацию независимости с деловыми обязательствами, которые так и остались неисполненными «в связи с отсутствием финансовых

средств». Для граждан, живущих в богатой стране, трудно было придумать более подходящую метафору, и аудитория оживилась еще сильнее. «У нас имеется вексель, и по предъявлению он даст нам все богатства свободы, гарантирует ту безопасность, которую приносят с собой закон и справедливость», — продолжил Кинг и далее вновь прибег к испытанному приему повтора. За формулой «Мы никогда не смиримся» последовал целый список претензий и требований. Он говорил и о полицейской жестокости, и о дискриминации, и об отсутствии у негров гражданских прав.

Пересказывать Кинга трудно. Слова, которые на бумаге выглядят банально, в его устах в тот августовский вечер звучали как гимны, насыщенные вечным, мудрым смыслом. В них иногда слышался гнев, но значительно больше в них было страсти. В сущности, его речь была проста и сводилась к тому, что негры не должны прекращать борьбы за свои гражданские права.

Кинг ничего не сказал о Билле о гражданских правах. Это сделали за него другие. Он вообще постарался не говорить ни о чем конкретном. Его речь была подобием сосуда, в котором собраны и смешаны все те чувства и страстные ожидания, которые он столь глубоко разделял вместе со своим народом. Свой народ — это понятие для него было многослойным: это и весь американский народ, и только чернокожий люд. Кинг говорил о своей мечте, когда все американцы обретут свободу. В тот день, сказал Кинг, и черные, и белые, и верующие всех религий вместе споют: «Наконец, свободны, наконец, свободны; Боже Всемогущий, мы наконец-то свободны!»

Это был день триумфа Мартина Лютера Кинга. Его видели по телевизору и слышали по радио десятки миллионов американцев и миллионы европейцев. До этого Кинг не спал почти сутки — он писал свою речь до 4 часов утра и, подходя к трибуне, ощущал себя выжатым как лимон. Но теперь, стоя под громом оваций, он чувствовал себя свежим и бодрым.

После окончания митинга десять лидеров нанесли визит президенту Кеннеди. На встрече также присутствовали вице-президент Линдон Б. Джонсон, министр труда Уиллард Виртц и Блейк Маршалл из департамента юстиции. Кеннеди выступил с кратким заявлением: «Не могут не впечатлять та глубокая страстность и то спокойное чувство достоинства, которые проявили тысячи людей, собравшись в столице своей страны, чтобы продемонстрировать свою веру в нашу демократическую форму правления». Президент заявил, что его администрация «и впредь продолжит свою деятельность по увеличению занятости населения и прекращению практики дискриминационного подхода при найме на работу... Кроме того, мы не прекратим

предпринимать усилия по продвижению в Конгрессе важных законодательных инициатив».

Сразу после Похода на Вашингтон журнал «Нью-Йорк тайме мэгэзин» опросил многих известных правозащитников. Это был своеобразный заочный симпозиум, посвященный теме: «Что дальше?» Мартин Кинг ответил: «Сейчас самое главное слово — сейчас». Затем, отбросив всякую игру в слова, он прямо призвал федеральное правительство «приступить к немедленным и эффективным действиям с целью обуздать ужасную полицейскую жестокость на Юге». Он отметил, что департамент юстиции недавно привлек к суду негритянских активистов из Олбани и Бирмингема, обвинив их в даче ложных показаний под присягой. При этом департамент не удостоил внимания «сотни случаев чрезвычайной полицейской жестокости и произвола». Кроме того, государство должно создать систему профессиональной подготовки трудящихся, демонтировать расовые барьеры, создавать новые рабочие места путем финансирования общественных работ. Таковы неотложные требования текущего момента. Если эти требования будут исполняться, страстная решимость негров бороться, столь отчетливо проявившаяся на днях, будет погашена. А потом, в отдаленной перспективе, нации следовало бы заняться очищением страны от трущоб и гетто и искать пути создания равных возможностей для людей, обладающих разным уровнем подготовки. В картине будущего, развернутой Кингом, все было предельно лаконично и четко. Соединенные Штаты показали свои потенциальные возможности, мобилизовав во время войны живую силу и материальные ресурсы. Пусть сейчас государство подготовит бюджет, способный решить проблему городских трущоб. Таким образом, между строк Мартин Кинг объявил о начале своей собственной войны с бедностью. Нельзя сказать, что он уже обдумал план этой войны. Он просто обозначил свою готовность идти еще и на эту войну, как только все основные задачи, стоящие перед его Движением и перед нацией, в ходе нынешней кампании будут решены.

Сразу после бирмингемской битвы Мартин Кинг решил написать еще одну книгу. «Шаг к свободе» пользовался успехом. Были распроданы уже треть миллиона экземпляров, и поступления от них являлись значительной статьей доходов КЮХР. Его сборник проповедей «Сила любви» продавался неважно, но «Письмо из бирмингемской тюрьмы» получило мгновенный и неожиданный отклик. Почему бы, подумал Кинг, не развить темы, поднятые в этом ставшем знаменитым письме, не дать свою собственную версию бирмингемской кампании и не сформулировать то новое, что появилось в его концепции

негритянской революции? Его коллеги из КЮХР признавали, что такая книга может стать замечательной рекламой для всего Движения, и считали, что было бы неплохо написать ее поскорее, еще до Похода на Вашингтон.

Кинг быстро связался со своим литературным агентом Мери Роуделл. Она, в свою очередь, немедленно обратилась к Виктору Уэйбрайту, основателю и издателю «Новой американской библиотеки». Как выяснилось, Уэйбрайт регулярно читал «Крисчиен сенчури» и следил за карьерой Кинга с тех пор, как впервые увидел его имя на страницах этого журнала. Он тотчас сделал предложение Кингу и даже придумал название для будущей книги — «Почему мы не можем ждать». Чтобы книга вышла в свет за два-три месяца, писать ее и работать с рукописью следовало очень быстро, по тщательно согласованному графику, но Уэйбрайт был настроен решительно. Однако оказалось, что работа над речами, с которыми Кинг должен был выступать, и его напряженная деятельность в летний период заняли все его время. Кинг не смог закончить книгу вплоть до начала 1964 года.

22 ноября 1963 года в Далласе был убит президент Джон Ф. Кеннеди. Для Мартина это был ужасный удар. Ему самому чудом удавалось уцелеть, когда столь многие были скошены безжалостной косой смерти: Герберт Ли, Уильям Мур, маленькая Дениз Макнэер, Медгар Эверс и многие, многие другие... Теперь Кеннеди. Кинг относился к Кеннеди критически, но он видел, что президент все же пытается что-то сделать. Июньское выступление Кеннеди по поводу гражданских прав содержало больше позитива, чем речи любого другого президента США. Кеннеди, писал Кинг, «стал символом страстного стремления людей к справедливости, к материальному благополучию и к миру».

Размышляя об убийстве президента, он видел в нем не только глубоко личную, человеческую трагедию, но и подходящий случай для нации разобраться в собственных душах. «Выстрел, прозвучавший с шестиэтажного здания, нельзя списать на ни с чем не связанное преступление одного безумца. Честность заставляет нас искать причины вне пораженного болезнью мозга субъекта, совершившего это подлое деяние. Конечно, вопрос: «Кто убил президента Кеннеди?» важен. Но еще важнее вопрос: «Что стало причиной его гибели?» Наш покойный президент был убит очень холодной, почти стерильной нравственной атмосферой. Эта атмосфера порождает потоки лживых обвинений, пронизывающий ветер ненависти и ревущие бури насилия...

Поэтому смерть президента Кеннеди заставляет каждого из нас о чем-то задуматься. Она заставляет задуматься всякого политика, привыкшего скармливать своим избирателям

заплесневелый хлеб расизма и протухшее мясо ненависти. Она заставляет задуматься каждого священника, который, наблюдая всевозможные проявления расовой дискриминации, предпочитал хранить молчание. Она заставляет нас понять, что вирус ненависти в крови нашего народа неизбежно приведет нас к моральному и духовному краху.

Таким образом, смерть Джона Кеннеди обнажает очень глубокие истины и заставляет нас, забыв о своем горе, идти вперед с еще большей решимостью избавить нашу нацию от расовой сегрегации и дискриминации».

Вскоре после того, как Мартин Кинг написал эти слова, в Атланту прилетел художник Роберт Викрей. Еще в 1957 году портрет Кинга как руководителя бойкота в Монтгомери был помещен на обложке журнала «Тайм». Теперь как организатор Похода на Вашингтон и как вождь всего освободительного движения он должен был появиться на обложке последнего номера журнала «Тайм» за 1963 год в качестве «человека года». Один из замов главного редактора журнала Джеймс Киог позвонил Эдварду Т. Клейтону, секретарю КЮХР по связям с общественностью. «Мы намерены подготовить своего рода предновогодний материал о положении с гражданскими правами в США, — сказал журналист, — и хотели бы поместить на обложке портрет доктора Кинга. Проблема в том, что нам не хотелось бы делать этот портрет с фотографии. Было бы просто замечательно, если бы он согласился попозировать одному из наших художников». Когда Клейтон рассказал ему об этом предложении, Кинг заулыбался. Его лицо не так-то просто было рисовать. Он как-то здорово переживал, увидев на обложке журнала «Товарищество» дородную физиономию, якобы принадлежавшую ему самому. Автором этого «шедевра» был Барри Мартин — художник, работы которого Кингу обычно нравились. Тем не менее он согласился на предложение «Тайма». Художник Викрей дважды прилетал в Атланту, и оба раза Мартин уделил ему по три часа из своего очень плотного графика. Портрет Кингу понравился. Понравился он и издателям «Тайма» в Нью-Йорке.

Слава не стала тяжким бременем для Кинга. «Я считаю, что моя известность — это дань негритянскому народу за его великую и благородную борьбу, — сказал он. — Мне хотелось бы думать, что выбор «Тайма» был не столько оценкой моего личного вклада в наше общее дело, сколько оценкой всего освободительного движения». Скорее всего, именно так оно и было. За 1963 год было проведено 930 демонстраций в 115 городах Юга США; задержание Кинга в Бирмингеме было одним из 20 083 арестов,

произведенных в 11 южных штатах. В годовом отчете Южного регионального совета также отмечалось, что в 186 населенных пунктах «наметился некоторый прогресс в деле интеграции» и что в 102 из них продолжаются переговоры между белыми и черными комитетами, способные привести к дальнейшему продвижению по пути к свободе.

Был ли Кинг удовлетворен? У него были причины радоваться, но тем не менее он дал отрицательный ответ на этот вопрос у мемориала Авраама Линкольна, а затем сотни раз повторил: «Мы никогда не удовлетворимся». Никогда. До тех пор, пока мечта не станет реальностью.

Глава 9.
Жернова Сент-Огастина

«Что касается 1964 года, — писал Мартин Кинг на пороге Нового года, — то совершенно ясно одно: натиск негров скорее возрастет, чем уменьшится». Вскоре после убийства Кеннеди Линдон Б. Джонсон пригласил Кинга и других лидеров национального правозащитного движения в Белый дом, чтобы обсудить с ними проблемы затянувшегося законодательного процесса, а также перспективы «войны с бедностью». Кинг встречался с Джонсоном и прежде и считал его куда более стойким защитником интересов чернокожих, нежели Кеннеди. «Его не интересуют пустые разговоры, — сказал он в декабре 1963 года корреспонденту журнала «Тайм». — Я думаю, что от него мы можем ожидать больше того, чем мы довольствовались до сих пор. Я безоговорочно доверяю этому человеку, и, если он не будет предавать все, что делал раньше, мы сможем идти вперед, будучи уверенными, что в Белом доме у нас есть человек, который глубоко заинтересован в том, чтобы помочь нам». И действительно, в течение последующих месяцев Джонсон сделал немало для того, чтобы оправдать эти слова. Кинг лично встречался и с Эйзенхауэром, и с Кеннеди, и он мог сравнивать.

В октябре 1963 года девять правозащитных групп, включая КЮХР, объединившись с другими общественными организациями Атланты, созвали общегородскую конференцию. Уточненная и принятая ею программа «Действий в защиту демократии» была представлена мэру города Айвену Аллену. 16 декабря около 2500 негров прошли к Хёрт-парку, где Мартин Лютер Кинг заявил: «Атланта разочаровала негров». После всех усилий, предпринимавшихся в течение последних лет, здесь еще осталось много несделанного. Кинг объявил, что Атланта должна приобрести репутацию «образцового города». Ради этого было решено провести несколько акций протеста. В город прибыл Дик Грегори и вместе с двумя дюжинами молодых людей из ККСС организовал сидячие демонстрации в ресторане «Доббс» на Пичтри-стрит. Председатель ККСС Джон Льюис и один из руководителей КЮХР Уйатт Ти Уокер, а также двенадцать других участников были арестованы за аналогичные действия в мотеле «Сердце Атланты» 11 января 1964 года. Через два дня рестораны сети «Доббс» отменили дискриминацию в обслуживании. Их примеру последовали две гостиницы «Холлидей инн». Тем не менее полномасштабные акции протеста не прекратились.

Очень немногие белые понимали суть подобных событий. Одним из таких людей был белый священник Роберт У. Спайк. Его книга «Революция и церкви» стала азбукой для всех, кто решался принять участие в акциях протеста. Незадолго до Похода на Вашингтон Спайк во главе небольшой группы отправился в штат Миссисипи. Пообщавшись там с местными чернокожими, он и его товарищи предложили программу действий, получившую название «Проект Дельта»; эта программа была принята в феврале 1964 года на общем собрании Национального совета церквей в Балтиморе. В рамках этой программы к концу февраля КЗРР собрал для чернокожих избирателей 25 000 экземпляров книг. Их перевозка и доставка были оплачены местным профсоюзом водителей грузовиков.

Параллельно с этой работой Матин Лютер Кинг замыслил крупную наступательную операцию в Алабаме. 4 марта он обратился в Монтгомери к 215 делегатам КЮХР, представлявшим тридцать округов штата Алабама. «В этом городе, — сказал он, — негры сделали свой самый значительный шаг по направлению к свободе. А теперь наступил исторический момент для самого значительного шага прямо в царство свободы». Затем он ознакомил собравшихся со своим планом. Общаясь же после заседания с журналистами, Кинг пообещал, что в течение следующих тридцати дней в крупнейших городах Алабамы могут состояться демонстрации «типа бирмингемских».

Началась кампания в Таскалусе, где находился дом верховного магистра ку-клукс-клана Роберта Шелтона. Демонстрации в Таскалусе продолжались в течение нескольких недель, пока власти города не применили против участников протеста свирепые меры. 75 полицейских и помощников шерифа, используя электрошок и дубинки, смяли колонну из 600 демонстрантов и загнали их назад в Первую африканскую баптистскую церковь. Завязалась потасовка, в которой ранения получили один полицейский и тридцать пять демонстрантов. На следующий день были арестованы Джеймс Бивел, А. Д. Кпнг и другие лидеры их КЮХР.

Одновременно с этими событиями происходили демонстрации в Сент-Огастине. В конце мая сюда приехал Мартин Лютер Кинг. Поскольку наступление в штате Алабама было остановлено, он решил перенести акции протеста в Сент-Огастин. Как и Олбани, или, скорее, как и вся дельта Миссисипи, этот городок был очень крепким орешком. К тому же Кинг ощущал настоятельную необходимость организовать кампанию, которая основывалась бы на чисто религиозной мотивации и идее христианского ненасилия. Он все более проникался

пацифистскими настроениями, в которых элементы мировоззрения Ганди сплавлялись с негритянской набожностью и с сугубо христианской идеей примирения и всепрощения. Он мечтал опровергнуть уверенность таких людей, как Малколм Икс, в том, что белые неисправимы. Он знавал совестливых белых южан, таких, как Гленн Смайли или как уроженец штата Миссисипи Эдвин Кинг. Он видел, что таксисты Атланты с пониманием относились к десегрегации. Подобно Ганди, он лелеял надежду разбудить человеческие чувства в бесчеловечном враге. Он верил, что совершенная христианская любовь, очищающая от страха, способна совершить чудо. Как лидер правозащитного движения он стремился, чтобы люди, добиваясь все большего равенства, воспитывали бы в себе способность идти на уступки. Он никогда не относился к закону как к средству, устанавливающему точную меру воздаяния или вид наказания. Он приветствовал закон только как способ сдержать насилие и создать мирные условия, при которых способность прощать друг друга и испытывать взаимное доверие обеспечат лучшую жизнь для всех.

В Сент-Огастине решено было использовать для места сбора старый невольничий рынок — символ дискриминации чернокожих. Негры должны были после ужина собираться в церквях, расположенных в негритянских кварталах к юго-востоку от площади Конституции, а затем маршем доходить до рынка. Первая демонстрация, состоявшаяся вечером 26 мая, как раз в день выборов губернатора, прошла без особых эксцессов.

Но губернатором Флориды в этот день стал Хейден Берне, который исповедовал расистские взгляды. Следующим вечером воодушевленные победой Бернса члены ку-клукс-клана собрались на рынке в ожидании чернокожих демонстрантов. Они были вооружены железными трубами и велосипедными цепями. Но демонстранты вовремя узнали об этом и прошли мимо рынка. Первые акты насилия произошли в четверг, 28 мая. Куклукскановцы набросились на демонстрантов, а полиция решила не вмешиваться. Правда, неграм не было причинено большого вреда, но досталось журналистам, которые снимали происходящее. Оператор Эн-би-си получил по голове удар велосипедной цепью и оказался в больнице. В этот же день обстреляли машину Карри Бойла, пятидесятидвухлетнего белого мужчины, помощника Мартина Кинга, и штаб КЮХР.

Шериф Л. О. Дейвис объявил неграм, что впредь запрещает марши. В ответ КЮХР обратилась с иском в региональный суд в Джэксонвилле, и суд отменил запрет шерифа. На пресс-конеренции, состоявшейся после судебного разбирательства в

Джэксонвилле, Мартин Лютер Кинг охарактеризовал Сент-Огастин как «самое беззаконное сообщество, в котором нам когда-либо приходилось работать в течение последних нескольких лет».

В тот же вечер Кинг прибыл в Сент-Огастин и на митинге обратился к собравшимся. Он сказал: «Я хочу похвалить вас за то прекрасное, полное достоинства мужество, с которым вы вели себя во время демонстраций на прошлой неделе... Вы столкнулись со зверством отдельных личностей, которые полагают, что они могут остановить нас в нашей справедливой борьбе за честное и свободное общество. Среди всего этого бесчинства вы стояли с высоко поднятой головой... Я хочу выразить вам признательность, герои Сент-Огастина... Мы вышли на дорогу, ведущую к свободе, и мы не остановимся.

Вы знаете, что нас не просто пугают. Нам угрожают реальной физической смертью. Они полагают, что это остановит наше движение. Когда я был в Калифорнии, до меня дошли слухи о том, что имеется план покончить со мной в Сент-Огастине. Что ж, если физическая гибель является той ценой, которую я должен заплатить, чтобы освободить моих братьев и сестер от вечной духовной смерти, тогда на свете нет ничего такой смерти спасительнее».

9 июня судья Симпсон вынес решение, которым шерифу Дейвису было отказано в праве запрещать вечерние демонстрации, требовать слишком большие суммы в качестве залога и подвергать заключенных «жестоким и необычным наказаниям», в частности загонять по десять демонстрантов в бетонную камеру размером не более восьми квадратных футов. Однажды более двадцати женщин, указывалось в судебном решении, «были вынуждены провести 1 час 18 минут в камере круглой формы, имевшей в диаметре 3 метра. Одна из женщин была больна полиомиелитом и вследствие этого могла стоять только на костылях».

Демонстрации продолжились, и во вторник вечером нескольких негров избили. В среду вечером члены клана стали бросать в демонстрантов кирпичи и емкости с серной кислотой. Неделя оказалась богатой и на другие события. В первой половине четверга Мартин Кинг, Ралф Эйберне-ти и группа из четырнадцати сопровождавших их лиц приехали в мотель «Монсон мотор лодж». К ним вышел хозяин мотеля Джеймс Брок.

— Мы хотели бы позавтракать у вас впятером, — сказал Кинг.

— Мы не можем обслужить вас здесь, — ответил Брок. — У нас раздельное обслуживание.

— Тогда мы здесь подождем.

— Как вас зовут? — спросил Брок.

— Мартин Лютер Кинг.

— А мое имя — Брок. Я здесь хозяин. Как вы, возможно, догадываетесь, вы находитесь на частной территории в границах частной собственности. Я прошу вас удалиться.

В течение двадцати минут двое мужчин, глядя друг другу в лицо, продолжали спокойно говорить. Затем Брок заявил, что не станет обсуживать негров без решения федерального суда. Ралф Эйбернети поинтересовался содержанием рекламного стенда у входа:

— Разве ваше приглашение обслуживать туристов не включает негров?

Брок ответил, что в его заведении предусмотрено кормить только темнокожих слуг белых клиентов, но для этого им необходимо зайти в специальное служебное помещение.

— Мы подождем здесь, — сказал Кинг, — надеюсь, что хоть у кого-то проснется совесть.

В этот момент проходящий мимо белый мужчина грубо толкнул Кинга и вошел в ресторан. Была вызвана полиция, которая отвезла лидеров КЮХР в тюрьму округа Сент-Джон, где они оставались до субботы, когда их выпустили под залог.

В последней фазе борьбы, развернувшейся в Сент-Ога-стине, «сила любви» у здешних негров была подвергнута тяжкому испытанию. В определенной мере их сбило с толку то, что белая община резко изменила свою тактику. Влиятельные белые граждане организовали встречу двадцати местных предпринимателей и объявили о готовности следовать новому Биллю о гражданских правах, когда он обретет силу закона. Они в туманных фразах рассуждали о необходимости создать комитет, состоящий из «местных законопослушных граждан». Главным здесь было определение «местных», что автоматически исключало из участия в комитете Кинга, Эйбернети и других лидеров КЮХР. «Я приветствую этот шаг, — тем не менее сказал Кинг репортерам, — но я не думаю, что из этого нам следует отменять демонстрации».

В ответ появилось требование на тридцать дней прекратить демонстрации, а Кингу было предложено немедленно покинуть город. Только в этом случае, заявила инициативная группа белых, можно будет создать межрасовый комитет. Кинг наотрез отверг это предложение и в свою очередь обратился к президенту Джонсону с просьбой прислать в город федеральных судебных исполнителей. Белый дом, однако, не спешил ввязываться, чернокожие в Сент-Огас-тине вскоре поняли, что помощи ждать не приходится. Выходные дни в Сент-Огастине были омрачены

дикой выходкой белых расистов. В течение нескольких часов они избивали негров.

Мартин Кинг впал в депрессию. Его надежды рассеялись как дым. Он подолгу истово молился, чтобы Господь даровал ему силы продолжать борьбу, и, в конце концов, в его душе вызрела мрачная решимость.

Всю следующую неделю балом в Сент-Огастине правили расисты. Они избивали негров, всячески издевались нам ними. В четверг, 25 июня, полиция арестовала пятерых белых мужчин, но вскоре уступила требованиям толпы об их освобождении. Вечером около 800 членов ку-клукс-клана атаковали демонстрацию, организованную КЮХР. Девятнадцать негров оказались в больнице. И только тогда губернатор штата решил создать межрасовый комитет. Кинг назвал это победой Движения.

2 июля Мартин Лютер Кинг вместе с лидерами других правозащитных организаций находился в Белом доме на церемонии подписания Линдоном Б. Джонсоном Билля о гражданских правах. На первых порах все выразили готовность подчиниться этому закону, но несколько дней спустя некоторые общественные места вновь закрылись для негров. IS июля в Гарлеме вспыхнул бунт. Мэр Нью-Йорка Роберт Ф. Вагнер попросил Кинга вмешаться в эти события. Кинг принял это приглашение без обсуждения с негритянскими лидерами Нью-Йорка и подвергся из-за этого резкой критике. Кое-кто даже предположил, что он пошел на поводу у белых. Кинг на это ответил: «На беззаконие, необузданность, грабежи и насилие нельзя смотреть сквозь пальцы вне зависимости от того, кто к ним прибегает: белые расисты или же отморозки любого другого цвета кожи». Вагнеру Кинг рекомендовал создать специальную гражданскую комиссию, обязав ее расследовать факты полицейского произвола и жестокости. Это предложение Вагнер отклонил. Что же касается отношения Кинга к бунту чернокожих горожан, то он вполне четко обозначил свою позицию: «До тех пор пока негр будет чувствовать, что он задыхается в тисках бедности, находясь при этом в недрах очень богатого общества, до тех пор пока негр будет ощущать, что его продвижение к свободе постоянно тормозится вежливым равнодушием белых господ, в нем всегда будет вызревать мятежный дух и готовность к насилию».

В начале сентября Мартин Кинг организовал отправку своих личных бумаг в Центральную библиотеку Бостонского унивеситета. Затем он вместе с Ралфом Эйбернети отправился по приглашению Вилли Брандта на ежегодный фестиваль культуры в Западный Берлин. 14 сентября в рамках фестиваля состоялся

концерт, посвященный памяти президента Кеннеди. Появление Кинга в зале было встречено овацией. Затем Кинг был принят в качестве почетного гостя в резиденции епископа Отто Дибелиуса, который вручил ему диплом о присвоении степени почетного доктора Евангеличекого теологического колледжа в Западном Берлине.

Из Германии Кинг и Эйбернети вылетели в Рим, где в Ватикане их принял Папа Павел VI, который побеседовал с ними в течение двадцати минут и подарил Кингу серебряный медальон. Кинг заявил, что эта встреча — «знак серьезной поддержки, способной глубоко воодушевить всех христиан, которые участвуют в борьбе за гражданские права вместе с нами». Затем прежде, чем вернуться в Соединенные Штаты, оба лидера на несколько дней остановились в Мадриде.

После возвращения в США Мартин отправился в турне агитировать за Джонсона, впервые официально заявив 28 сентября в Севанне, что он целиком и полностью поддерживает его кандидатуру. Он не хотел допустить появления в Белом доме Барри Гоулдуотера. Однако деятельность Кинга в эти дни отнюдь не ограничивалась участием в избирательной кампании. 13 октября в Сент-Луисе он посетил благотворительный банкет: гости оплатили стоимость полного обеда, но получили только сосиски. Собранные таким образом деньги были переданы в специальный епископальный фонд, предназначенный для восстановления взорванных и сожженных церквей Миссисипи. Вернувшись на следующий день после благотворительного банкета в Атланту, Кинг лег в госпиталь Св. Иосифа на обследование.

Он находился в госпитале, когда вдруг позвонила Коретта.

— Мартин! Мартин! — кричала она в трубку — Ты получил Нобелевскую премию!

Кинг был ошеломлен. «Некоторое время мне казалось, что это — сон, — говорил он позднее, — и лишь потом понял, что это — правда!» Ему потребовалось время, чтобы привыкнуть к этой новости. Кинг был переполнен эмоциями. Этот год был богат на события: серьезные поражения чередовались в нем с невероятными победами. Еще недавно он мучительно обдумывал план следующей кампании, чтобы загладить неудачи КЮХР в Алабаме, а теперь он был обласкан вниманием как в своей стране, так и во всем мире.

1 ноября Кинг отслужил обе утренние службы в Абиссинской баптистской церкви в Гарлеме, пастором которой был Адам Клейтон Пауэлл. Затем вылетел на Багамы, куда его пригласил Пауэлл. Там он написал свою Нобелевскую речь и еще один более

пространный текст, с которым собирался выступить в университете Осло на следующий день после награждения. Он только начал работать над текстами, когда узнал, что директор ФБР Дж. Эдгар Гувер назвал его «самым известным лжецом в стране». По словам Гувера, Кинг велел сотрудникам правозащитных организаций в Олбани не сообщать агентам ФБР о межрасовых инцидентах, потому что, дескать, это бесполезно — агенты-южане все равно, мол, не станут предпринимать каких-либо действий.

Это был очевидный абсурд. Проблема с агентами ФБР состояла не в том, что они были южанами, а в том, что они работали рука об руку с руководством местной полиции. Впрочем, Гувер никогда не был пламенным поклонником гражданских прав и свобод, и его резкий выпад против Кинга порожден был, вероятно, отсутствием у него самого уважительного отношения к истине. У Мартина Кинга не было желания публично ссориться с Гувером. Он ответил в печати, что обвинение его «ужаснуло и удивило», добавив, что не тайна, «чем руководствовался автор столь безответственного обвинения».

По пути в Осло Кинг остановился в Лондоне, чтобы прочитать проповедь в соборе Св. Павла. Здесь он объявил, что из 54 000 долларов, составивших денежное обеспечение Нобелевской премии, ничего себе не возьмет. После вычета налогов 12 000 долларов поступят в бюджет КЮХР, а 25 600 долларов пойдут на обучение людей теории и практике ненасильственных действий. Церемония вручения премии состоялась 10 декабря. Рядом с Мартином была Коретта и его родители. Мартин был облачен в смокинг и полосатые брюки. В своей благодарственной речи он сказал: «Я принимаю эту премию от имени всего правозащитного движения, которое идет вперед с решимостью и с величественным пренебрежением к риску и опасности, чтобы основать царство свободы и законности... Я принимаю эту премию сегодня с нерушимой верой в Америку и с дерзкой верой в будущее всего человечества... Я отказываюсь принимать циничное представление о том, что нация за нацией должны спускаться по спирали милитаристской винтовой лестницы в самый ад термоядерного разрушения. Я верю в то, что невооруженная правда и чистая, безоговорочная любовь победят... Я по-прежнему верю, что мы победим... Сегодня я прибыл в Осло вдохновленный оказанной мне честью и с обновленной верой в человечность. Я принимаю эту награду от лица всех тех, кто любит мир и верит в братство людей».

В своей Нобелевской лекции, прочитанной на следующий день, Кинг мастерски живописал три взаимосвязанных аспекта

того явления, которое он называл «нравственным инфантилизмом», а именно: расовую несправедливость, бедность и войну. Суммируя достижения освободительных движений в Соединенных Штатах, в Азии и в Африке, он заявил, что продолжающаяся в Америке борьба «за человеческое достоинство, за равенство, за рабочие места и за гражданские права не будет ни приостановлена, ни предана забвению, она даже не ослабеет. Если для этого потребуется пойти на конфликты и преодолевать сопротивление, мы не дрогнем. Больше никому не удастся нас усмирить и запугать... Движение отнюдь не стремится освободить негров за счет унижения и порабощения белых. Мы никого не хотим побеждать. Движение рассчитывает лишь сделать свободным американское общество и таким образом внести свою лепту в самоосвобождение всех людей и народов».

Он подробно осветил тему бедности, привел данные статистики и перечислил все негативные последствия бедности, которые делают жизнь двух третей человечества бесчеловечной. «В бедности как таковой не ничего нового, — сказал он. — Новое здесь только то, что мы уже обладаем ресурсами, достаточными для полного избавления от бедности... Подобно тому как этика ненасилия выставила напоказ уродливость расовой несправедливости, точно так же необходимо выявить все язвы и пороки бедности, чтобы от них избавиться. — Не только от симптомов, но и от первопричин... Пришло время объявить новую мировую войну — войну против бедности». И со своим сильным южным акцентом он процитировал знаменитые строки Джона Донна: «Никто не живет один, как остров... »

Касаясь проблемы войн, Кинг попытался описать последствия ядерного конфликта. Это должен быть настоящий ад, какого даже Данте не мог вообразить. Затем он высказал предположение, что ненасилие в данном отношении могло бы сыграть свою роль. Войны должны оказаться под запретом. Но это — не главная цель. Недостаточно просто избавиться от войн, необходимо заложить фундамент мира, который невозможен без «позитивного соперничества, способного направить творческий гений на созидание, чтобы мир и процветание стали бы реальностью для всех народов земли». И наконец, он заговорил о «любви как высшем всеобъемлющем принципе жизни... Это — ключ, который открывает дверь, ведущую к подлинной реальности».

Образы и воспоминания о событиях последних месяцев пульсировали в сознании Кинга, когда он писал заключительные фразы в Бимини, и сейчас, озвучиваясь его голосом, они несли в себе весомый груз личных, глубоко прочувствованных переживаний, которые казались слушателям почти осязаемыми:

«Люди дерзают любить, поднимаясь с этим чувством на величественную высоту зрелости. По сути, только любовь дает нам полноту ощущения жизни. Поэтому я еще не разочаровался в будущем. Несмотря на то что первопроходцы, сражающиеся за мир и свободу, по-прежнему будут подвергаться лишениям за решетками тюрем и угрозам смертельной расправы; несмотря на то что их будут постоянно преследовать; несмотря на то что мы имеем сейчас дело с мировым кризисом, наше будущее не безнадежно. В каждом кризисе есть свои опасности и свои преимущества. Он может вести как к краху, так и к спасению. В нашем темном и запутанном мире царство Божие еще может утвердиться в сердцах людей».

Глава 10.
Вниз с Вершины Горы

После триумфальных поездок в Стокгольм, где он выступил на праздновании в честь годовщины независимости Кении, и в Париж, где он публично приветствовал постановление Верховного суда Соединенных Штатов, в котором оказывалась поддержка общественным организациям, способствующим введению в действие Акта о гражданских правах, Мартин Лютер Кинг прибыл в Нью-Йорк. Его встречали как героя. 18 декабря он выступил перед Городским советом Нью-Йорка, а затем в тот же день посетил изысканный прием в его честь, организованный в отеле «Уолдорф-Астория». Вечером вместе с недавно избранным вице-президентом Хьюбертом Хамфри и губернатором штата Нью-Йорк Нельсоном А. Рокфеллером он был почетным гостем на встрече, происходившей на артиллерийском заводе № 369 в Гарлеме. Присутствовало 8000 человек. Выступая, Кинг рассказал об отсутствии бедности и безработицы в тех скандинавских странах, где он побывал. Он также рассказал о Нобелевских премиях и о робости, которую испытал, получая одну из них. Об этом он неоднократно будет упоминать в последующие месяцы и годы.

В 1965 году Мартин Кинг вновь активизировал деятельность КЮХР в Алабаме. Одним из ключевых населенных пунктов для него становится Селма. Этот небольшой городок с населением в 28 385 жителей стал колыбелью Координационного комитета студенческого ненасильственного сопротивления (ККСНС; позже он был переименован в Координационный комитет студенческого сопротивления — ККСС). Осенью 1963 года руководство митинговой деятельностью здесь осуществляли Мартин Кинг, Джеймс Болдуин и Дик Грегори. Однако в течение всего 1964 года усилия ККСНС встречали в Селме серьезное сопротивление. Прежде всего мешала тактика «сильной руки», избранная местным шерифом Джимом Кларком. Кроме того, суд штата принял ряд постановлений, мешающих правозащитной деятельности. И вот 2 января 1965 года Кинг обратился к 700 неграм, собравшимся в храме преподобного Брауна. Он объявил о начале «марша многотысячных отрядов к избирательным урнам... Мы должны быть готовы к тому, что тысячи из марширующих окажутся в тюрьме. Мы не просим, мы требуем избирательного права».

Доверив своим помощникам начало организации кампании, Кинг отравился в Линкольн, штат Небраска, где на следующий

день он должен был выступить на съезде Движения методистской молодежи, проводившемся раз в четыре года. Кинг не упускал случая присутствовать на подобных мероприятиях, чтобы призывать как семинаристов, так и священников к участию в освободительной борьбе. Вернувшись в Селму 18 января, Кинг и одиннадцать сопровождавших его негров добились того, что их зарегистрировали в отеле «Элберт». Они еще не успели отойти от стойки, как 26-летний белый мужчина, пробравшись сквозь толпу, напал на Кинга. Он нанес ему два удара кулаком в правый висок и лягнул в бедро прежде, чем был схвачен и отправлен под замок. Ничего серьезного с Кингом не произошло, если не считать нескольких мгновений пережитого им страха и легкой головной боли. Он и его свита были первыми чернокожими американцами, когда-либо останавливавшимися на ночь в этом отеле. В тот же день негров обслужили в трех местных ресторанах, прежде являвшихся для них недоступными.

На большом банкете, устроенном в честь знатного земляка наиболее влиятельными из горожан Атланты, включая мэра Айвена Аллена и бывшего мэра Хартсфилда, Мартин Кинг воспользовался образом «высокой горы достижений», на которую он забрался благодаря Нобелевской премии. «Теперь я должен вернуться в долины и ущелья, которые протянулись через весь Юг, а также достигают крупных городов Севера. Эти низины битком забиты миллионами нищих белых и их негритянскими собратьями, которые задыхаются в тисках бедности среди очень богатого общества. Эти низины кишат толпами сбитых с толку, жаждущих крови взрослых людей, но в то же самое время здесь много маленьких негритянских мальчиков и девочек, которые растут, с детства впитывая очень опасные предрассудки насчет собственной второсортности... »

Шесть дней спустя он был уже на самом дне этой долины вместе с Ралфом Эйбернети. Они шли во главе демонстрации, насчитывавшей 250 темнокожих и 15 белых участников. Колонна вышла из часовни преподобного Брауна и дошла до здания Городского суда Селмы. Они протестовали против медленной регистрации избирателей-негров. Все участники демонстрации были арестованы, но большинство было отпущено под залог. Кинг и Эйбернети, однако, предпочли остаться в тюрьме и провести за решеткой пять суток. 3 февраля, когда начались вторые сутки их ареста, в Селму по приглашению двух сотрудников КККСНС прибыл Малколм Икс. Его встретили вежливыми аплодисментами. Он уехал до того, как лидеры КЮХР вышли на свободу. Через восемнадцать дней Малколм Икс был убит в Нью-Йорке, прямо в гарлемском танцевальном зале «Одюбон». Эта

новость заставила Мартина Кинга похолодеть. За два дня до этого погиб Джимми Ли Джексон. Он умер от побоев, полученных им во время демонстрации в Мэрион, в двадцати милях от Селмы... Самому Мартину угрожали постоянно. В тот момент он имел все основания верить слухам о том, что ку-клукс-клан заказал его киллеру, и он упомянул о существовании против него заговора на массовом митинге в Селме 22 февраля.

Этот личный аспект придал дополнительный смысл его метафоре, ибо путь, по которому он шел, действительно вел через «долину смерти», причем отнюдь не только в библейском, аллегорическом смысле данного образа. Но дело не ограничивалось вопросами личной безопасности. 27 февраля Кинг прилетел в Лос-Анджелес, где, выступая перед двухтысячной аудиторией, сказал: «Меня беспокоит проблема насилия и угроза применения насилия повсюду в нашей стране, но в особенности это относится к негритянской части населения после убийства Малколма Икса». Опасаясь начала цепной реакции в виде столкновений между черными мусульманами, считавших Малколма Икса отступником, и его последователями, Кинг предложил свои услуги в качестве посредника. Однако обе группировки проигнорировали это предложение.

Кинг вернулся в Алабаму, чтобы провести караван сотрудников КЮХР по округам Перри, Хейл, Даллас, Уил-кокс и Лаундес. В двух последних округах в списках избирателей не появилось ни одного нового негритянского имени. Как в Перри, так и в Хейле из общего числа 5000 темнокожих жителей избирателями числились менее 300 человек. В Селме, центре округа Даллас, он повел кзданию местного суда демонстрацию из 350 участников, заявив: «Мы намерены провести в жизнь закон об избирательном праве в городе Селма, штат Алабама». К концу холодного, дождливого дня избиркомы приняли 266 заявлений. Никто не мог сказать, сколько из них будет отклонено по формальным, техническим основаниям, но все знали, что даже эти заявления были приняты только потому, что таково было постановление федерального суда. В среду Кинг был уже в Мэрионе, округ Перри, где прочитал прощальную молитву на похоронах Джимми Ли Джексона. Он сказал: «Мы не должны ожесточаться. Мы не должны терять веру в наших белых братьев... Он умер ради всех нас. Мы должны сделать так, чтобы его смерть не была бы напрасной. Его гибель должна придать нам еще большую решимость».

С такой решимостью Мартин Кинг прибыл в Вашингтон в пятницу, где провел два с половиной часа, беседуя с президентом Джонсоном и убеждая его ускорить прохождение нового Билля об

избирательных правах. Кинг настаивал на том, что в Билле должен быть предусмотрен институт федеральных регистраторов. Жестокая смерть Джексона вызвала общественный резонанс. В Бирмингеме преподобный Джозеф Эллвенджер, белый пастор негритянской конгрегации лютеран, выступил с заявлением, в котором осуждалась жестокость полиции и стремление расистов запугать негров, которые пытались зарегистрироваться в Селме (где некогда проживал и сам Эллвенджер), а также в других населенных пунктах Алабамы. Вместе со своей супругой и еще 36 жителями Бирмингема, в основном — активными членами Совета по гуманитарным взаимоотношениям в штате Алабама, а также с 34 белыми гражданами из других городов штата Эллвенджер приехал в Селму и провел свою группу через весь город. Они прошли двенадцать кварталов от негритянской церкви до здания Городского суда. Здесь их встретила группа, состоявшая из двадцати помощников шерифа, и один из них зачитал телеграмму. Телеграмма была отправлена на имя шерифа. В ней глава регионального отделения Миссурийского синода ставил представителя власти в известность, что лично он не одобряет действий Элл-венджера. Эллвенджер повернулся к толпе, состоящей из враждебно настроенных, улюлюкающих белых жителей Селмы, сдерживаемых городской полицией, и зачитал вслух заявление, которое заканчивалось словами: «Если эти беззакония не будут незамедлительно прекращены, мы будем вынуждены обратиться за помощью к федеральной власти». Как и все другие демонстрации в Селме, эта акция не дала сколько-нибудь значительного эффекта. Она лишь несколько поддержала негров в моральном плане и взбесила белых расистов.

В конце Гражданской войны войска федералистов сровняли Селму с землей, а затем она была оккупирована негритянским полком. В течение всего последовавшего столетия белая община Селмы усердно культивировала в себе мстительность и расовую непримиримость. Это был родной город «Быка» Коннора и расистского Совета граждан, образованного в 1954 году. Начальником городской полиции здесь был вполне приличный человек — Уилсон Бейкер, но должность шерифа находилась в руках расиста Джима Кларка, отличавшегося очень скверным характером и водившего дружбу с полковником Аль Линго, который превратил автодорожную полицию штата в расистский отряд особого назначения, обученный атаковать негритянских демонстрантов.

На воскресенье 7 марта было намечено начало похода на столицу штата, его участники должны были пройти от Селмы до Монтгомери. Губернатор Уоллес издал приказ, запрещавший

проведение похода. Кинг вернулся на выходные в Атланту, когда его коллеги из Селмы сообщили ему, что полиция штата будет препятствовать продвижению демонстрантов с использованием слезоточивого газа. В этом случае, решили они, Кингу лучше остаться в Атланте и попытаться добиться официальной поддержки этой акции, а воскресный поход возглавит Осиа Уильямс. Они решили, что власти не дадут провести этот марш. Участники похода выйдут на трассу, где, по всей видимости, будут заблокированы силами полиции штата. Демонстрантам прикажут вернуться, и они подчинятся силе. На этом, по идее, все и должно было закончиться. Поскольку внимание общественности страны было привлечено к этому походу, организаторы его не предвидели никаких крупных столкновений и актов насилия. На всякий случай, однако, они приготовили четыре кареты «скорой помощи», принадлежавших нью-йоркской группе Правозащитного комитета.

В воскресенье, во второй половине дня 525 демонстрантов, выстроившись по двое, прошли мимо подразделения полицейских штата и конного отряда шерифа (группы добровольцев, вооруженной кнутами) и вышли на мост им. Эдмунда Петтиса, ведущий на шоссе №80. На противоположном, южном конце моста их ждал батальон полицейских штата в стальных касках и с противогазами на лицах. Они стояли в три шеренги. С флангов их прикрывали взвод помощников шерифа и рота его конного отряда. Демонстранты подошли к этой внушительной фаланге метров на пятьдесят, как вдруг раздался лающий голос, усиленный мегафоном: «Это — незаконное сборище. Ваш марш нарушает общественную безопасность. Вам следует разойтись по домам».

Голос принадлежал одному из полицейских штата — Джону Клауду. Осиа Уильямс, возглавлявший колонну, выкрикнул: «Можно поговорить с майором?»

«Не будет никаких разговоров, — ответил Клауд. — У вас две минуты, чтобы развернуться и пойти назад в свою церковь». Демонстранты стояли, не двигаясь. В течение минуты было тихо, потом вдруг раздался приказ: «Полиция, вперед!»

По команде полицейские бросились на толпу. Замелькали дубинки, и 20 негров оказались на земле. Демонстранты, включая нескольких белых, подались назад и опустились на колени для молитвы. Полицейские вновь атаковали их, избивая дубинками. Затем в воздухе прямо над толпой послышались разрывы многочисленных гранат со слезоточивым газом и полицейские вновь набросились на демонстрантов с дубинками. Люди запаниковали, задыхаясь, стараясь на ощупь выбраться из этого

месива. В этот момент шериф Кларк приказал своим конным подручным вступить в действие: «Всыпьте этим проклятым черным ниггерам и всыпьте этим проклятым белым ниггерам». С пронзительными воплями кавалеристы пришпорили лошадей, преследуя бегущих демонстрантов от самого моста до нового поселка, возведенного по проекту Джорджа Вашингтона Карвера и примыкающего прямо к часовне преподобного Брауна. Здесь погоня прекратилась, так как вмешался шеф городской полиции, заявив, что это — его территория.

Но прежде чем конные добровольцы и полицейские штата убрались восвояси, они еще полчаса выискивали детишек, забежавших на строительную площадку, обстреляли слезоточивым газом Первую баптистскую церковь, избили чернокожего подростка, а затем выпустили несколько гранат по дому негритянской семьи, стоявшему неподалеку от церкви. Шестнадцать демонстрантов оказались на больничных койках, еще пятидесяти была оказана скорая медицинская помощь в связи с отравлением газом и разного рода ушибами и травмами.

Узнав об этом в Атланте, Мартин Лютер Кинг, само собой, пришел в ужас. «Когда я в последний момент решил не участвовать в демонстрации, — сказал он, — я и представления не имел, что случится такое зверство. Это воистину трагическое проявление жестокой бесчеловечности». Он объявил, что он лично и Ралф Эйбернети возглавят еще один поход в ближайший вторник. «Я призываю, — сказал он, —религиозных деятелей всей страны присоединиться к нам... Я шокирован режимом террора, который установился в наши дни в Алабаме. . Негритянские граждане, вышедшие на улицу для мирного, организованного шествия, чтобы протестовать против расовой дискриминации, были зверски избиты полицией штата. Стало совершенно ясно, что правоохранительные органы Алабамы не проявляют уважения ни к демократии, ни к гражданским правам негров».

В понедельник вечером Кинг едва ли знал, что ему делать. Откликнувшись на его призыв, сотни его сторонников из тридцати штатов стекались в Селму, тогда как федеральный суд вынес специальное постановление, временно запрещавшее проведение марша, намеченного на вторник. Сам президент Джонсон просил лидеров Движения подчиниться этому решению. С другой стороны, молодые горячие негры поговаривали о том, что Кинг «поджал хвост», испугавшись кровавой воскресной бани. Он не хотел повторения трагедии, но он не хотел и отменять марш. Что ему следовало выбрать? Он мучительно размышлял над этой дилеммой до 4 часов утра, вспоминая случаи, когда Ганди сталкивался с аналогичными проблемами, и пытаясь

представить, что бы сделал Ганди, оказавшись на его месте. Он знал, что будут делать Джон Льюис и Джеймс Формен из ККСС. Они будут настаивать на проведении марша. Это предвещало потенциальные разногласия среди руководства, а возможно, и открытый раскол. В конце концов, Кинг решил: «Лучше умереть на этом шоссе, чем пожертвовать своей совестью. Я предпочту пройти через это». Приняв это решение, он наконец заснул. Однако через час генеральный прокурор Катценбах и шеф Федеральной службы по связям с общественностью Лерой Коллинз дозвонились до него, упрашивая отменить демонстрацию. Кинг отказался. Коллинз срочно вылетел в Селму, встретился с полковником Линго и шерифом Кларком и добился от них заверений, что, если демонстранты, начав марш, повернут назад, против них не будут использованы ни слезоточивый газ, ни конный отряд добровольцев. Затем Коллинз отправился на встречу с Кингом. Юристы КЮХР уже объяснили своему шефу, что, подчинившись приказу и повернув назад, они, пожалуй, не нарушат судебного постановления.

Зная об этом и получив гарантии Коллинза, Кинг позволил себе некоторую театральность, выступая в полдень во вторник перед 900 своими сторонниками на массовом митинге: «Мы слишком далеко зашли, чтобы поворачивать вспять, — сказал он. — Мы должны дать им понять, что нас ничто не может остановить, даже сама смерть. Мы должны быть готовыми к тому, что нам придется пострадать». В конце концов, несмотря на все договоренности, не существовало полных гарантий того, что полиция на них не набросится. Стоял теплый, солнечный день. Колонна из 1500 участников двинулась в путь. В первом ряду с Мартином Кингом шли Джеймс Формер, епископ-методист Джон Уэсли Лорд, Фред Шаттлсворт и ректор Чикагской богословской школы Говард Шоумер. Среди участников были также католические священники и монахи, протестантские проповедники, еврейские раввины — всего около 450 священнослужителей. Половина из них были белыми, а из общего числа демонстрантов белых было больше половины. По отношению к участникам похода белые жители Селмы не проявляли внешних признаков враждебности, лишь один из них крикнул Кингу: «Сукин сын, ты хочешь голосовать? Тогда почему ты не ведешь себя по-человечески?»

Процессия, миновав мост, прошла еще около мили, пока ее не встретило подразделение полиции штата. Увидев впереди заслон, демонстранты опустились на колени и стали молиться, а затем повернули назад. Прежде чем люди разошлись, Мартин Кинг заявил им: «Сегодня мы провели самую массовую демонстрацию

сторонников свободы из когда-либо происходивших на Юге». Отвечая затем на вопросы журналистов, он объяснил, что он сам и другие лидеры Движения дали согласие не предпринимать попытки прорыва через линию полиции: «Положа руку на сердце, мы знали, что до Монтгомери мы не дойдем». Рядовые участники похода, однако, этого не знали.

Без несчастных случаев не обошлось. Трое белых священников, поужинав в негритянском ресторане, были атакованы четырьмя куклуксклановцами: «Белые ниггеры! Где же ваши серпы и молоты?» Один священник, Джеймс Риб из Бостона, получив удар дубиной по голове, потерял сознание и был отправлен в госпиталь Бирмингема, где ему сделали операцию на мозге. Риб умер через два дня, так и не придя в сознание. У него осталось трое маленьких детей. Это был человек, преданный своему делу. Он служил капелланом в одной из филадельфийских больниц, а также был помощником пастора в унитарианской церкви Всех Святых в Вашингтоне, округ Колумбия. Среди собравшихся в Селме белых либералов было много таких людей, как он. Он был не очень известен широким кругам общественности, никогда не претендовал на места в первых рядах активистов, но при всем при том он был неравнодушным человеком и спокойно верил в то, что люди всех рас равны между собой.

Начальник полиции Уилсон Бейкер действовал быстро. На следующий день трое из четырех нападавших на Риба были арестованы. Мартин Кинг в тот же день, по предложению коллег, отошел от руководства кампанией. Ситуация с походом оказалась слишком запутанной и двусмысленной. Начались бесконечные разговоры о «сделке или сговоре с врагом», и не было никакого смысла обострять и без того непростые отношения между КЮХР и ККСНС. Ралф Эйбернети, взяв бразды правления в свои руки, провел одну за другой три демонстрации. Кинг в это время готовился к поездке в Монтгомери, чтобы снять запрет федерального суда на организацию предполагаемого похода по маршруту Селма—Монтгомери.

Здесь на заседании в четверг адвокаты, представлявшие интересы полковника Линго и губернатора Уоллеса, попытались доказать, что, проведя во вторник акцию протеста, Кинг проявил неуважение к суду и его решению. На перекрестном допросе Кинг сказал: «Очень важно... донести до общественности штата и страны законные чаяния и стремления граждан получить право голоса и покончить с затянувшимся мрачным периодом полицейской жестокости». Марш, который он возглавлял, был необходим, чтобы «люди дали выход своему чувству обиды и

возмущения». Что же касается Лероя Коллинза, заметил Кинг, то «вместо попыток отговорить нас от марша, ему следовало бы убедить полицейских покончить с жестокостью».

Многие члены ККСНС отказались от участия в демонстрациях, прошедших в среду. Одна из этих демонстраций была организована монашками из Сент-Луиса; они шли во главе колонны из 500 человек, в которой были и негры и белые. Затем под покровом темноты около 300 чернокожих подростков провели стихийную демонстрацию, выйдя из Первой баптистской церкви. Согласно сообщению газеты «Нью-Йорк тайме», «полицейские штата легкими тычками дубинок убедили их быстро разойтись». В других отчетах указывалось, что упоминавшиеся «легкие тычки» привели к тому, что у некоторых подростков были выбиты зубы, а у других — в кровь разбиты головы. Несколько священников, выходивших в это время из часовни Брауна, взялись за руки и встали между молодежью и полицейскими, предотвратив тем самым массовое побоище. Уговорами им удалось оттеснить подростков с улицы.

С понедельника демонстрации в поддержку борцов за гражданские права в Селме стали проводиться во многих населенных пунктах страны, а когда пришло сообщение о смерти Джеймса Риба, десятки тысяч американцев вышли на улицы городов Америки — от океана до океана, с общим требованием федерального вмешательства. Они протестовали против «кровавого воскресенья» и подчеркивали важность и своевременность законопроекта об избирательных правах. В пятницу 12 марта более 4000 религиозных деятелей собрались в Вашингтоне, чтобы оказать необходимое давление на законодателей, как они сделали это год назад во время обсуждения Билля о гражданских правах. Священники, поддерживая образцовый порядок, выставили пикеты вокруг Белого дома, тогда как темнокожие активисты устроили сидячую демонстрацию и голодную забастовку в коридоре приемной администрации президента. Аналогичные акции были проведены воинствующими радикалами из ККСНС и КЗРР в зданиях федеральных органов власти в других городах. В течение некоторого времени демонстрации в поддержку кампании в Селме проходили повсеместно, но только не в самой Селме, где полиция перекрыла Силван-стрит неподалеку от церквей, где собирались участники правозащитного движения. Так продолжалось вплоть до понедельника, когда федеральный суд отменил запрет на проведение демонстраций в этом городе.

Поняв, что в Селме добиться успеха из-за противодействия местной полиции трудно, а кроме того, разочаровавшись в

тактике, избранной сотрудниками КЮХР и духовенством, Джеймс Формен и другие лидеры ККСНС, отправились в Монтгомери с отрядом в несколько сотен студентов и школьников. Тем временем Мартин Лютер Кинг вернулся в Селму, где и встретился с Уолтером Рейтером. Они обсудили предстоящую в среду встречу всех руководителей Движения в Вашингтоне с точки зрения возможностей организации еще одного массового шествия, подобного тому, что состоялось в августе 1963 года. Затем они вместе присоединились к архиепископу Яковосу, главе греческой православной церкви в обеих Америках. С двухтысячной черно-белой колонной они прошли по улицам Селмы процессией, призванной почтить память Джеймса Риба. Со ступеней здания Городского суда Кинг произнес очень прочувствованную речь, в которой назвал Риба «мучеником за гражданские права». «Почему хорошие люди должны умирать просто потому, что они хорошие?» — задал он вопрос. Держа в руках венок из живых цветов, он продолжил: «Мы собрались здесь, чтобы вновь продемонстрировать нашу веру и наше убеждение в том, что расовая сегрегация — это зло. Наша нация никогда не достигнет нравственной зрелости, пока не избавится от нее. Такой человек, как Риб, поможет нам мрак прошлого превратить в светлое будущее». Присутствующие спели «Мы победим», и Кинг возложил венок к дверям суда, где он и оставался до тех пор, пока процессия не ушла. Только потом, уже в темноте кто-то из тех, кто находился внутри здания, потихоньку убрал венок.

В тот же вечер президент Джонсон выступил перед телевизионными камерами, обратившись к нации с речью, с какой ни один из президентов до него еще не обращался. Мартин Лютер Кинг едва ли надеялся, что он когда-нибудь услышит нечто подобное из Белого дома: «То, что случилось в Селме, — лишь малая толика большого движения, развернувшегося в каждом регионе, в каждом штате Америки. Движение это порождено стремлением американских негров обеспечить себе доступ ко всем дарам американской жизни.

Их дело должно стать также и нашим делом. Потому что не только неграм, но и каждому из нас необходимо побороть в себе уродливое наследие лицемерия и несправедливости.

И мы победим.

Действительный герой этой борьбы — американский негр. Его действия и протесты, то мужество, с которым он жертвует личной безопасностью, а то и своей жизнью, разбудили совесть этой нации. Его демонстрации были рассчитаны на то, чтобы привлечь внимание общества к несправедливости существующих

порядков, вызвать в нем потребность в переменах, подготовить реформы.

Он обращался к нам с призывами заняться реализацией тех ожиданий, которые очень многие связывают с Америкой».

Затем президент охарактеризовал Билль об избирательном праве, который он предложит на рассмотрение Конгресса в среду, и в совершенно определенных и весьма сильных выражениях дал понять, что считает прохождение этого законопроекта первоочередной задачей. Это выступление произвело на Мартина Кинга огромное впечатление. Джонсон, сказал он, «обнаружил просто поразительное понимание глубины... проблемы расовой несправедливости. Его голос и манера говорить были обезоруживающе искренними... Мы были счастливы узнать, что наша борьба в Селме инициировала выдвижение вопроса об избирательных правах на передний план общественного сознания нации». Однако Кинг не только не призвал приостановить митинговую деятельность, но и заявил журналистам: «Мы должны напоминать нации, сколь животрепещущей и сколь необходимой является эта тема, до тех пор, пока билль не превратится в закон».

Кинг едва успел произнести эти слова, как один из помощников ворвался в помещение с рассказом о событиях в Монтгомери. Днем, в начале второго, Джемс Формен во главе группы из 600 демонстрантов попытался пройти к зданию окружного суда. Пятеро полицейских штата и десять кавалеристов из отряда шерифа набросились на толпу и нанесли травмы восьми участникам. Формен пришел в ярость и объявил, что вечером состоится массовый митинг. Кинг уважал Формена. Он восхищался его мужеством, граничащим с дерзостью. Однако он знал, что лидер ККСНС способен поступать безрассудно. Поэтому Кинг срочно выехал в Монтгомери. В баптистской церкви Бьюла Формен выступал перед аудиторией в 1200 человек. Его речь была пламенной: «Действительно ли президент Джонсон сказал то, что думает?» На этот счет у Формена имелись сомнения. Особенно в свете того, что сегодня произошло в Монтгомери. Он призвал приступить к массовым прямым действиям, чтобы проверить искренность Джонсона. Необходимо «перекрыть все улицы, остановить движение каждого автобуса, используя все виданные и невиданные приемы и методы гражданского неповиновения, потому что я устал смотреть, как избивают людей».

Формен закончил выступление. На кафедру поднялся Кинг. Он сказал: «Неграм их жизнь видится как длинный, пустой коридор, из которого нет выхода даже в самом конце. Чаша терпения уже переполнена». Вся его речь была выдержана в этом

духе. Используя свое пасторское красноречие, он постарался облечь в слова то чувство ярости, которым были охвачены его слушатели. И лишь затем, ощутив, что овладел ситуацией, он начал подчеркивать необходимость оставаться в рамках ненасилия и предложил организовать «всеобщее» мирное шествие ко Дворцу правосудия. Формен успокоился и принял предложение Кинга.

Девять лет тому назад, почти день в день Мартин Кинг и Ралф Эйбернети шли на судебное заседание в Монтгомери. Это был первый их суд, открывший длинную череду судебных процессов, без которых была невозможна борьба за свободу. «Ну что, Мартин, — сказал Эйбернети, — мы опять идем сюда?» — «Да-а-а-а», — ответил Кинг, с улыбкой сильно растянув это короткое слово. Они сцепили руки с Форменом и Джоном Льюисом — заслуженными ветеранами освободительного движения, которые в первые годы великого похода за свободу были юнцами. За это время, однако, изменились не только они. Сама жизнь хотя бы отчасти стала другой. В качестве доброжелательного жеста управление полиции Монтгомери, обескураженное вчерашней стычкой, выделило 100 человек на охрану демонстрации и поставило четырех чернокожих полицейских на первый же перекресток, к которому подошла колонна из 1600 участников. Они остановились у Дворца правосудия, и, взяв микрофон, Кинг обратился к собравшимся: «Сегодня мы здесь потому, что нам не нравится то, что произошло в Монтгомери вчера. Мы собрались здесь, чтобы поставить в известность белых о том, что мы более не позволим им применять к нам их дубинки в темных углах. Пусть они делают это при включенных телевизионных камерах». Пошел сильный дождь, но большинство демонстрантов остались ждать у стен суда, пока Кинг и другие лидеры находились внутри на переговорах с шерифом Маком Батлером в присутствии Джона Доора, главы отдела гражданских прав в департаменте юстиции.

Через без малого четыре часа они вышли на улицу и объявили, что достигнуто соглашение, хотя договориться полностью не удалось. В это время в Вашингтоне около 300 сторонников Формена проводили сидячую демонстрацию. Они просидели четыре часа на грязном тротуаре прямо перед Белым домом и покинули свой пост сразу же, как только узнали, что в Монтгомери демонстрация успешно завершилась.

На следующий день 80 участников демонстрации, организованной ККСНС, были арестованы полицией Монго-мери за то, что уселись прямо на улице. Таким образом, акция Кинга не дала полных гарантий от вмешательства полиции, но расисты из

кавалерийского отряда шерифа более не использовались.

Между тем в Селме в среду и в пятницу было арестовано 380 человек, в большинстве своем белых священников, за организацию пикетирования дома мэра города.

— Это глупо, — сказал шеф городской полиции Бейкер одному из руководителей КЮХР Гарри Бойту. — Вам следовало бы назвать свою организацию «Конференцией южных христианских раздолбаев».

— Уилсон, я прощаю тебя, — улыбнулся Бойт.

— Гарри, это я тебе не прощаю, — проворчал Бейкер. — Вы превратили христианство в непонятно что...

При этом моральный климат в Селме заметно улучшился. Когда 36 арестованных участников демонстрации были зарегистрированы и с них сняли отпечатки пальцев, то они были отпущены под письменное обязательство. Из них двадцать один человек предпочел не подписывать обязательство, но полиция все равно не отправила их в тюрьму. Как это все было не похоже на сцены насилия с применением электрошока, происходившие всего несколько недель тому назад. Однако даже столь благостные, почти смешные эпизоды не могли скрыть того неумолимого факта, что после двух убийств, множества травм и ранений, а также после 3800 арестов, в избирательные списки было внесено только 50 новых негритянских фамилий.

С этой точки зрения кампанию в Селме можно было бы считать провальной, но Мартин Лютер Кинг с самого начала рассматривал ее как исходный пункт для достижения значительно более серьезных целей. И в этом он весьма наглядно преуспел. Речь, с которой 15 марта выступил президент, явилась фактически буквальной, последовательной переработкой обращения, с которым Кинг обратился к американцам у мемориала Линкольна. Его громкое требование: «Дайте нам право голоса!» стало повесткой дня на заседаниях Конгресса. Казалось, нация была готова принять его мечту. По крайней мере, значительная часть нации пошла ему навстречу. Некоторые из этих людей находились теперь в Селме, ожидая похода на Монтгомери. За неделю все легальные барьеры, препятствовавшие проведению марша, были сняты. Поскольку губернатор штата Уоллес хранил на этот счет молчание, не давая никаких гарантий, президент Джонсон переподчинил себе Национальную гвардию Алабамы и привел в состояние боевой готовности расквартированные в штате части и подразделения Вооруженных Сил США, потребовав, чтобы в случае необходимости 4000 военнослужащих обеспечили безопасность участников Похода.

В воскресенье, 21 марта 1965 года, ровно через две недели после разгона 525 участников марша Мартин Лютер Кинг повел за собой в двадцать раз большее число людей. Они благополучно миновали мост Эдмунда Петтиса. Участников могло быть и больше, но федеральный суд постановил, что после первых восьми миль количество участников похода на Монтгомери не должно превышать трехсот человек. Мартин Кинг с готовностью принял это условие. Если в его «компромиссе» от 9 марта и можно было рассмотреть нечто предосудительное, то все это искупалось его нынешним триумфом. В течение четырех трудных, но лишенных каких бы то ни было происшествий дней он был настоящим триумфатором. Когда отважные, но измученные пилигримы, избив ноги, закончили пятидесятичетырехмильный переход, к ним присоединилось около 25 000 человек, добравшихся до столицы штата на автобусах, поездах и самолетах. Среди них были те, кому пришлось вернуться назад, пройдя первые восемь миль пути. Они вместе прошли к зданию местного капитолия, где исполнительный секретарь губернатора Уоллеса сообщил, что в здании никого нет и что губернатор уполномочил его лично принять петицию участников марша. В этой уловке не было ничего неожиданного, но делегация настояла на том, чтобы факт вручения документа был официально зафиксирован.

После официальной части Кинг обратился к присутствовавшим: «Сегодня я стою перед вами, будучи абсолютно убежден, что сегрегация в Алабаме находится при смерти. Единственное, что в этой связи пока неизвестно, — во что обойдутся ее похороны. Это зависит только от защитников сегрегации и от самого Уоллеса...

Столкновение добра со злом в столь крохотном городке, как Селма, порождает такое количество энергии, что она может изменить направление движения всей страны. Президент, уроженец Юга, обладает способностью ощутить волю нации и в речи, которая войдет в анналы истории... он обещает содействие мощного федерального правительства в деле искоренения этой многовековой заразы. Президент Джонсон по всей справедливости воздал должное мужеству негров за то, что они разбудили совесть нации.

Теперь мы на марше! И никаким волнам расизма нас не остановить. Сожженные церкви, взорванные дома, избиения и убийства борцов за свободу никого не запугают. Давайте будем идти вперед вплоть до осуществления Американской Мечты... ибо сегодня исход борьбы зависит только от всех нас. Наш путь не будет гладким. В жизни нет проторенных дорог, которые с

легкостью и неизменностью приводили бы людей к быстрым решениям... Нам еще предстоят времена страданий и мук... Надолго ли? Нет, не надолго, так как ложь и неправда не могут жить вечно».

Свое выступление Кинг закончил строкой из «Боевого гимна республики»: «Наш Бог шагает вместе с нами!»

В газете белых расистов утверждалось, что проведенный марш — это составная часть революционного плана: «Если президент думает, что революция прекратится вместе с окончанием марша в Алабаме, то он глубоко заблуждается». Террористы из ку-клукс-клана едва ли нуждались в подобном напоминании. Через несколько часов после выступления Мартина Лютера Кинга ими на шоссе № 80, на полпути между Селмой и Монтгомери, была застрелена белая женщина, доброволец КЮХР. Это была миссис Виола Люццо, жена работника профсоюза водителей грузовиков из Детройта. Она, выполняя незаметную, но столь необходимую работу по транспортному обеспечению акции, доставила первую партию участников демонстрации назад, в Селму и возвращалась за следующей. Теперь эта рядовая участница революционно-освободительного движения стала героиней. У нее остались муж и пятеро детей. ФБР сработало оперативно и быстро задержало четырех членов ку-клукс-клана. Президент Джонсон в беспрецедентном телевизионном выступлении фактически объявил клану войну, назвав это убийство «грязным пятном на американском обществе».

На один вечер Кинг оставил участников похода, чтобы выступить в Кливленде на официальном ужине: «Марш Селма—Монтгомери может оказаться столь же важным событием для истории Америки, каким стал для истории Индии поход Ганди к морю». В марте 1930 года Ганди с группой своих сторонников пешком отправился в двухсотмильный путь к морю, чтобы приобрести там соль в обход таможенных пошлин, которые ежегодно приносили казне колониального режима порядка 25 млн. долларов. Марш Кинга в Алабаме во многих отношениях отличался от этого похода, как и вся освободительная кампания в Америке отличалась от борьбы индийского народа за свое освобождение. Ганди шагал по территории с дружественным ему населением, открыто не подчиняясь законам и военной силе чужого правительства. Алабаму населяли враждебное белое меньшинство и бесправные массы негритянского народа, для которых заря свободы только занималась.

Совместный переход черных и белых демонстрантов под руководством всемирно известного негритянского деятеля из погруженной еще во мрак расовой сегрегации Селмы в самую

«колыбель Конфедерации» приобрел подлинно символическое значение. В определенном смысле он превосходил эпохальный поход на Вашингтон, несмотря на очень существенную разницу в количестве участников. Поскольку ни губернатор Уоллес, ни фашиствующие молодчики из подчиненной ему полиции штата, ни шерифы с бандами своих помощников не только не представляли интересы чернокожего населения вверенных им территорий, но и, напротив, активно подавляли его, они ничем не отличались от оккупационных чужеземных сил. При этом они были чужды и свободному духу Америки, и всему прогрессивному человечеству. «В современном мире, — сказал Кинг своей кливлендской аудитории, — Америка уже не может позволить себе анемичную демократию. Ценой, которую наша страна должна будет заплатить за возможность и дальше угнетать негров, будет ее собственное разрушение. Мы вынуждены признать целостность мира и братское единство всего человечества. Мы должны научиться жить вместе, как братья, либо мы все погибнем, как безумцы».

80 процентов жителей округа Лаундес, где погибла Виола Люццо, были чернокожими. Но за неделю до ее смерти в избирательных списках этого округа не значилось ни одного негра. Теперь, 28 марта в баптистской церкви Три-кем, расположенной всего в нескольких милях от трассы, на которой ее застрелили, состоялся первый за всю историю округа массовый негритянский митинг. До победы было еще далеко. Речь, скорее, могла идти о начале нового этапа сражения, но и это было уже — великое дело.

Во время этого митинга Мартин Лютер Кинг читал проповедь на другом конце страны — в Сан-Франциско. Местный епископальный собор вмещал только 3000 человек. Остальные 1500 человек остались на улице. Главная мысль проповеди, которую Кинг хотел донести до аудитории, не отличалась особой новизной. Но в свете недавней гибели Виолы Люццо и мученических смертей дюжины других людей она не потеряла своей остроты: «Физическая смерть есть цена, которую некоторые люди должны заплатить, чтобы спасти нас и наших белых братьев от вечной гибели души». Позднее, во время радиопрограммы «Встреча с прессой» Кинг обратился к американскому народу с призывом развернуть кампанию «инициативных, конкретных действий», чтобы побудить всех «приличных людей», включая ведущих предпринимателей Алабамы, оказывать давление на губернатора Уоллеса «и других официальных лиц, ответственных за развязанный террор». Он призвал к повсеместному бойкоту товаров, произведенных в Алабаме, и объявил: «Я планирую в

течение нескольких дней обратиться ко всем профсоюзам, чтобы они отказались от транспортировки и использования алабамской продукции».

Призыв к бойкоту был встречен очень прохладно. Президент Джонсон прокомментировал ситуацию следующим образом: «Я полагаю, что мы должны быть крайне осторожны, чтобы не наказать невиновных». У Роя Уилкинса и Уитни Янга также имелись свои возражения. В результате все ограничилось несколькими словами и жестами, которые самому Движению обошлись дороже, чем штату. Идея экономического бойкота была потихоньку списана в архив. Правительство Алабамы, напротив, оплатило выпуск специального 28-страничного приложения к «Коммерческому вестнику». В этом выпуске говорилось, что за период с января 1963 года по январь 1965 года штат получил инвестиций на 1 миллиард долларов, вложенных в строительство новых и расширение старых заводов. В частности, компания «Хэммермилл Пейпер» решила построить в Селме новую бумагоделательную фабрику. Ясно, что экономические преимущества, свойственные расистским регионам, многим бизнесменам казались куда более привлекательными, чем идеалы расовой справедливости.

В конце марта Кинг посетил Нью-Йорк, где выступил перед Центральным советом профсоюзов с призывом противодействовать ку-клукс-клану и поддержать предложение президента Джонсона о передаче дел, связанных с убийствами борцов за гражданские права в ведение федерального суда. Затем он прибыл в Балтимор на двухдневную встречу правления КЮХР, которая началась 1 апреля.

Там он заявил коллегам, что ожидает, что законопроект об избирательном праве, представленный администрацией президента, пройдет через Конгресс в «более развернутом виде» сравнительно с вариантом, предложенным Джонсоном. Под руководством Осии Уильямса КЮХР предстояло развернуть новую кампанию по регистрации темнокожих избирателей в июне. К тому времени Билль об избирательных правах должен уже был обрести статус закона. Кампанию следовало сконцентрировать на 120 сельских округах в штатах Юга — от Виргинии до Луизианы, где численность негритянского населения достигала 40 процентов и выше.

В этих округах насчитывалось почти 725 000 потенциальных чернокожих избирателей, из которых в избирательных списках значилось менее 151 000 человек. В тех же самых округах из 628 000 потенциальных белых избирателей были зарегистрированы более 536 000 человек. Едва ли стоит объяснять, что эта

статистика точно отражает деятельность 120 окружных шерифов. Все эти шерифы были белыми людьми, преданными системе белого расизма, которая отнимала у негров все, что могла, ничего не предоставляя взамен, за исключением высокомерного пренебрежения. Обретение права голоса не может изменить всей системы, но оно является первым шагом на пути, ведущем к обретению собственного веса и силы, с помощью которых темнокожие люди сами смогут контролировать свои судьбы. На второй день совещания, несмотря на возражения со стороны многих членов правления, Кинг заявил, что КЮХР развернет свою деятельность и на Севере. «Мы должны действовать в Балтиморе, Филадельфии, Детройте, Лос-Анджелесе и Чикаго, — объявил он. — Нам необходимо распространить движение ненасилия на территорию всех Соединенных Штатов».

Через три недели он вновь был на Севере, выступая перед многочисленными участниками совещания Нью-Йоркской ассоциации юристов. Он начал речь в шутливом тоне, ссылаясь на свои бесконечные появления в суде и называя себя «отъявленным сутягой» и «тюремной пташкой». «Вместе с Эйбернети и Шаттлсвортом, — сказал Кинг, — я был одним из лучших клиентов Фонда юридической защиты. Я полагаю, что определение «одни из лучших» было заслужено нами и тем количеством случаев, когда мы выступали против внесения за нас залоговых сумм». Покончив с шутками, он заговорил об опасной апатии, которая сменила всеобщее возбуждение событиями, связанными с Сел-мой и походом на Монтгомери. «Нация, услышав 15 марта и встретив аплодисментами красноречивое обращение к ней президента Джонсона, утратила часть своей бдительности... Но вы, — ткнул он пальцем в аудиторию, — вы — обладатели голосов, к которым будут прислушиваться и которые будут уважать. В ваших силах разбудить нацию, чтобы она потребовала от властей такого избирательного закона, чтобы он избавил нас наконец-то от столетнего позора, связанного с неисполнением пятнадцатой поправки к Конституции. Время пришло!» Он призвал юристов поднять «громоподобный голос адвокатуры... чтобы ускорить кончину насквозь прогнившей отвратительной системы расовых отношений, в течение трехсот пятидесяти лет уродовавшей души не только рабов, но и их хозяев. Если профессиональные юристы способны ощущать требования нашего времени, то они обладают достаточными силами и средствами для достижения этих превосходных целей». Тысячи людей, участвуя в движении ненасильственных действий, уже многое изменили в жизни Америки. Эти изменения отразились в событиях, происходивших в прошлом месяце в

Монтгомери. Теперь Монтгомери «стал совсем другим городом, мало похожим на тот, где ровно десять лет тому назад начинался бойкот автобусов. Придет день, когда вся Америка начнет гордиться славными успехами героев движения ненасилия, достигнутыми в течение этого исторического десятилетия». Убеждая юристов не оставаться в стороне, а ввязаться в борьбу, Кинг закончил речь словами: «Юристы, вливаясь в наши ненасильственные армии сегодня, становятся как бы банком донорской крови для тех, кто был ранен в боях».

На следующий день он уже был в Бостоне, где выступил с речью на совместном заседании обеих палат Законодательного собрания штата Массачусетс и посетил Роксбери — негритянское гетто Бостона. На следующее утро он возглавил колонну демонстрантов численностью 15 000 человек, пройдя с ней по улицам Бостона к зданию Законодательного собрания. Он также принял участие в экуменической конференции, организованной Массачусетсом советом церквей и иезуитской семинарией Св. Иоанна. В течение двух следующих месяцев он многократно пересекал всю страну, обеспечивая массовую поддержку законопроекту об избирательном праве. 21 мая в Нью-Йорке ему была вручена медаль за особый вклад в дело либерализации Америки, ежегодно присуждаемая Американским еврейским комитетом. В 1938 году Махатма Ганди подвергся жестокой критике со стороны философа-сиониста Мартина Бубера за то, что он осмелился предложить евреям Германии ненасилие как метод сопротивления Гитлеру. На обеде, данном Американским еврейским комитетом, Мартин Кинг рассмотрел это предложение в несколько ином ракурсе: «Если бы протестанты и католики оказались вовлеченными в это движение ненасильственного прямого действия, — сказал он, — и восприняли бы угнетение евреев как свое собственное, если бы они бок о бок с евреями выходили мести улицы и тоже носили бы миллионы позорных желтых повязок, могла бы сформироваться уникальная форма массового сопротивления нацистскому режиму». Это заявление, как и аналогичные ему высказывания, свидетельствуют о стремлении Кинга придавать взглядам Ганди излишнюю широту и универсальность.

В 1938 году Ганди просто-напросто попытался найти аналогию между борьбой индийцев против британского господства и положением евреев в нацистской Германии. Мартин Кинг никогда не сводил расовый конфликт к элементарному противостоянию между чернокожими и белыми людьми. Поэтому он всегда избегал крайностей, искал потенциальных союзников и неиспользованные ресурсы борьбы. Будучи негром, он без труда

воспринимал ситуацию, в которой оказывались жертвы любого угнетения. Он с легкостью мог представить себя в роли немецкого христианина во времена фашистского рейха. Вместе с религией он с детства впитал пуританскую этику и был склонен рассматривать роль христиан с точки зрения их вечной обязанности бороться за дело Господа и воспитывать в себе чувство любви к ближнему как средство спасения мира и души человека.

В 1965 году ему с Кореттой удалось провести целую неделю на Ямайке, но и здесь Кингу пришлось выступить с речами. Его хотели послушать многие. Возвращаясь с Ямайки, он 29 июня сделал остановку в Майами, чтобы попасть на съезд Всемирного альянса баптистов, хотя его и не было в списке выступающих. Объясняя эту ситуацию журналистам, он сказал: «Я выступал на многих съездах и не считаю, что всенепременно должен быть на трибуне. Я присутствую здесь в качестве рядового делегата». Не представляется столь уж невероятным предположение, что весьма скромный статус лауреата Нобелевской премии на этом съезде был некоторым образом связан с тем обстоятельством, что доктор Джозеф Джексон — его главный оппонент и обличитель в рядах баптистского сообщества являлся членом исполнительного комитета Всемирного альянса.

Через неделю Кинг выступил с речью, в которой высказался о проблеме, крайне редко им поднимаемой в течение восьми месяцев, прошедших со дня вручения ему Нобелевской премии. Это было в Питерсберге во время совещания представителей подразделений КЮХР штата Виргиния. Подобно многим другим лидерам негритянского освободительного движения, Кинг старался избегать темы войны во Вьетнаме, несмотря на то что сам был видным деятелем ТПРП — организации, решительно выступавшей против этой войны. Теперь взорвался и Кинг: «Я не собираюсь сидеть и наблюдать молча, как происходит эскалация военных действий... Бесполезно разговаривать об объединении мира, если не будет никакого мира, с которым можно было бы объединиться. Нет никаких сомнений, что я заинтересован в разгроме коммунизма не менее всех других людей, но мы не победим коммунизм с помощью пушек, бомб или отравляющих боевых веществ. Мы можем одолеть его только тем, что заставим демократию работать по-настоящему... Войну во Вьетнаме необходимо остановить. Необходимо вести переговоры и приходить к соглашению даже с Вьетконгом». Далее он предложил проводить массовые антивоенные митинги и демонстрации, подобные тем, которые КЮХР организовывал с целью достижения гражданских свобод и прав.

6 июля Кинг был в Чикаго, где он обратился с речью к членам Организации объединенных христианских церквей. Он был представлен высокому собранию Роджером Л. Шинном, известным профессором богословия, преподавателем Союзной теологической семинарии США. Шин заявил, что Кинг является «одним из великих деятелей церкви, одним из великих людей нашего времени... Сегодня мы увидим и запомним его, стоящим на трибуне под крестом, значение которого он столь глубоко постиг». Совещание было посвящено теме «Мужество в борьбе за справедливость и мир». Среди присутствовавших Кинг увидел многих из тех, кто шел за ним по шоссе № 80, включая одноногую женщину, которая на костылях прошла весь путь от Селмы до Монтгомери. Они собрались, чтобы повысить значение правозащитной программы в деятельности христианских церковных организаций и, следовательно, усилить в этих кругах поддержку законопроекта об избирательном праве. Речь Кинга «Человек в мире революционных преобразований» в целом соответствовала проблематике собрания, однако он воспользовался этой возможностью прежде всего для того, чтобы поговорить об особом предназначении самой Церкви: «В качестве основного хранителя моральных ценностей общества Церковь должна подходить к расовой проблеме со страстной решимостью. Задача преодоления сегрегации входит в число неотвратимых обязанностей религии. Церковь всегда была обязана служить расширению интеллектуальных и нравственных горизонтов, бросая вызов существующему статус-кво и даже, при необходимости, сражаясь с господствующими нравами... Мы призваны быть термостатами, которые изменяют и регулируют температуру нашего общества, а не простыми термометрами, которые лишь отмечают температуру общественных мнений».

Церковь, сказал он, не всегда была способна соответствовать своему высокому предназначению. «В нашей стране, пропитанной расовой враждебностью, она часто удовлетворялась чисто внешними проявлениями набожности и ханжеской пошлостью. Призванная бороться с социальным злом, она часто хранила молчание, боясь утратить неприкосновенность вне стен и цветных витражей своих убежищ». Далее он подробно рассмотрел понятия свободы, а также свойства, которые превращают расизм в разновидность нравственного зла. «Только негр, — сказал он, — может понять все последствия социальной проказы, которые приносит сегрегация. Подавленные страхи, хроническое ощущение неприязни или неудовольствия, равно как и неудержимое беспокойство, чувствительность по отношению к мелочам превращают для него каждый прожитый день в пытку.

Всякое столкновение с любыми видами ограничений превращается в настоящее сражение в этой нескончаемой войне. Человек подавлен этими обстоятельствами настолько, что привыкает передвигаться по жизни осторожно, на цыпочках, никогда не зная наверняка, что ждет его впереди».

Церковь способна на многое и она должна делать все возможное, сказал Кинг. «Религиозные институты не имеют права ограничивать свою деятельность областью идей; они должны выходить на арену жизни... Они должны поддерживать все, что способствует усилению законности и укреплению гражданских прав. Они должны использовать свое влияние в экономической сфере, добиваясь более справедливой ее организации, и помогать людям решать такие проблемы, как ведение домашнего хозяйства, образование детей и взрослых, осуществлять контроль над деятельностью полиции». На Церкви в конечном счете лежит такая задача, с которой не может справиться даже наилучшее из законодательств. «Законы, изобретаемые людьми, гарантируют справедливость. Однако высшие духовные сферы подчинены закону любви. Ни один кодекс не сможет заставить отца любить своих детей или заставить мужа испытывать к своей жене чувство нежности и преданности. Закон как юридическое понятие способен принудить отца добывать средства существования для своей семьи, но он не в силах обязать его даровать близким чувство любви. Хороший отец по своей воле отдает то, что от него не требуется силой закона». Именно подобная «готовность людей подчиняться тому, что от них не требуется силой закона» и включает в себя «окончательное решение расовой проблемы».

Никто, кроме Церкви, не может обеспечить окончательного решения проблемы сегрегации. «Задача эта трудна, но она чрезвычайно важна и значительна: только открыв наши сердца Господу и позволив Ему облагородить их любовью, мы сумеем создать воистину великую нацию. Если Церковь освободится от оков мертвящего статус-кво... они сумеют воспламенить воображение человечества и зажечь души людей, наполнив их светом горячей любви к правде и справедливости». Он вспомнил похороны Джеймса Риба, собравшие вместе весь цвет церковных авторитетов — от баптистов до католиков и православных, а также деятелей профсоюзов и правозащитных организаций. «Я был уверен, что такой союз всех людей, наделенных совестью, не мог быть не чем иным, кроме как знамением грядущего Царства Божия на земле.

Селма стала кульминацией в деле пробуждения духовной жизни в белых церквях. Процесс этот начался давно, еще в первые годы становления освободительного движения, однако сколь-

либо реальные результаты он стал приносить только после кампании в Бирмингеме. Тяжелое лето в Миссисипи и большой объем работы, выполненной церковными организациями, показали, что Церковь находится на подъеме...

Однако это — лишь первые шаги доселе дремавшего гиганта. Настоящая работа по спасению Америки и ее души все еще впереди».

Во время своего визита в Чикаго Кинг много общался с местными лидерами правозащитного движения. Они столкнулись с серьезной проблемой: в течение долгих месяцев им никак не удавалось изменить сложившуюся здесь неэффективную систему школьного образования, в которой сегрегация играла заметную роль. В качестве первого шага по реформированию этой системы они потребовали сместить с должности старшего инспектора общественных школ Бенджамина К. Уиллиса. Но под этим лозунгом им не удавалось собирать более сотни-другой демонстрантов. Кинг решил им помочь. Несмотря на легкое недомогание и общую усталость, 24 июля он вернулся в Чикаго для организации трехдневного марафона митингов, собраний и шествий. Кинг выступал повсюду. Послушать его в церквях и в других общественных местах собирались тысячные аудитории. Даже в Виннетке — чисто белом, процветающем, утопающем в зелени северном пригороде на встречу с ним собралось около 10 000 преимущественно белых горожан. В последний день он прошел во главе 20 000 демонстрантов, как черных, так и белых, от Букингемского фонтана в самом центре Чикаго до здания Городской управы. Здесь он заявил на митинге: «В Чикаго расходуется чуть больше половины того, что тратят на образование одного школьника в Нью-Йорке. Девяносто процентов негритянских детей в Чикаго вынуждены учиться в переполненных классах, в которые специально собирают только цветных. Поэтому они и не получают полноценного образования».

Через день после его отъезда на демонстрации в Чикаго стало собираться менее 200 участников. Передовица в «Крисчиен сенчури» так прокомментировала это: «Крупный, гордящийся своим благополучием и искушенностью в житейских делах, вечно занятый Чикаго приветствовал приезд Кинга. Он его принял и даже проглотил, быстро забыв о нем, как об очередном временном развлечении типа городского парада». Мартин Кинг и сам ломал голову, почему так вышло, продолжая тем временем поездку по городам Севера. Он побывал в Детройте, Кливленде и Филадельфии, выполняя программу КЮХР «лицом к лицу». И повсюду он без устали повторял свою мысль о необходимости создания «коалиции всех совестливых людей». 6 августа он был в

Белом доме на церемонии подписания президентом Джонсоном закона об избирательном праве. Через неделю он выступил в зале Городской управы Бирмингема, вмещающем 4000 слушателей, впервые публично признав необходимость немедленных переговоров по Вьетнаму. Это было его личное мнение, но вскоре на съезде КЮХР, собравшем 400 делегатов, оно было принято в качестве официальной позиции всей организации.

Затем Кинг вылетел в Сан-Хуан на всемирный форум Учеников Христа, однако вскоре покинул его, как только пришли первые сведения о массовых беспорядках в Уоттсе — черном гетто Лос-Анджелеса. Почти сразу ему пришлось высказывать прессе свое личное мнение по данному поводу. «Ввод крупных полицейских подразделений для прекращения беспорядков был необходим, — заявил он, — но с помощью силы можно добиваться только временного умиротворения. Что действительно необходимо, так это улучшение жилищных и материальных условий существования негритянских общин, а также расширение открывающихся перед ними возможностей».

Это заявление не отличалось особой глубиной или пониманием реальной сути проблем. Мартин Лютер Кинг сам с удивлением понял это, прибыв в Лос-Анджелес. Сначала его принял в штыки губернатор Калифорнии Эдмунд Дж. Браун, полагая, что Кинг прилетел с целью возглавить правозащитные демонстрации. Кинг сразу попытался уверить Брауна, что тот «введен в трагическое заблуждение»: «Бунты и погромы привели в замешательство все белое общество, напугав его идеей исторического мщения. Однако мы добиваемся не мести, а общества, основанного на любви к ближнему». После этого миролюбивого заявления состоялась «дружественная» встреча Кинга с Брауном, омраченная лишь одним обстоятельством: Кинг обнаружил, что «шеф полиции штата... не способен улавливать социальные требования текущего момента». Первоначально Кинг намеревался посетить Уотте. Но от этого ему пришлось официально отказаться по причинам, «связанным с вопросом личной безопасности». В определенной мере так оно и было в действительности. Он не был уверен в своем понимании проблем жизни в городских гетто и поэтому не вполне ясно осознавал свою собственную роль. Еще прошлогодние бунты в Гарлеме поставили перед ним целый ряд вопросов, так и остававшихся без ответа. Теперь жизнь заставляла его пристальнее присмотреться к проблемам, поднятым негритянским восстанием в Уоттсе. Почему, например, движение ненасилия встречается со столь бесчувственным непониманием? Малколм Икс при своей жизни почти не интересовал людей в негритянских общинах Юга, тогда

как его влияние на чернокожих жителей Гарлема было вполне ощутимым. Кинг признавал факт существования воинственно настроенных негров. Но лучше всего он был знаком с тем типом радикализма, который воплощался в Джеймсе Формене. В Уоттсе он ощутил живое присутствие духа Малколма Икса. Почему?

Преподобный Малколм Бонд, белый священник епископальной церкви, непосредственно участвовавший в освободительном движении с 1961 года, заявил на одном из собраний в Майами, что городские негритянские «массы чувствуют, что Мартин Лютер Кинг — не их лидер и что он не выражает ни их мыслей, ни их интересов». Сам Бойд прожил в Лос-Анджелесе восемь лет, часть из которых пришлась на период после мятежа. Он был близко знаком с еще одним священником епископальной церкви — преподобным Моррисом Сэмюелем, который приезжал в Селму для участия в демонстрациях и был единственным белым священнослужителем, остававшимся в Уоттсе в самый разгар волнений. Теперь Бойд сказал, что жители черных гетто рассматривают Кинга лишь в качестве посредника между неграми и белым начальством.

Эта оценка не столько обидела, сколько встревожила Кинга, заставив его заняться самоанализом. Оценка Бонда событий в Уоттсе, появившаяся в «Крисчиен сенчури», активизировала и без того мучительный процесс переоценки ценностей, происходивший в сознании Кинга. Он должен был во что бы то ни стало разобраться в этой проблеме, так как вознамерился сыграть важную роль в ее решении. Он собирался заняться этим, как только закончится очередная избирательная кампания на Юге.

Кинг сел работать над статьей для «Сэтердей ревю». Он писал, что пожары в Уоттсе осветили недостатки в самом движении за гражданские права. «Лидеры правозащитного движения, — Кинг имел в виду и самого себя, — полагали, что Север будет автоматически получать дивиденды от борьбы, которая ведется на Юге. Они предполагали, что определенные системные преобразования неизбежны и без усиления массового давления — по мере того, как в нации происходят нравственный поиск и переоценка ценностей. Это была ошибка». В течение десятилетия, когда движение ненасилия приводило к улучшению положения негров на Юге, условия жизни в черных гетто на Севере только ухудшались. «Дома, которые уже тогда были убогими и запущенными, за минувшие десять лет совсем обветшали. Сегрегация в школах не уменьшилась, а, напротив, только усилилась. И самое главное — безработица среди негров резко возросла и никак не зависит от общего экономического развития. Вся нация — как цветные, так и белые, была потрясена

и возмущена полицейской жестокостью на Юге. С полицейским произволом на Севере общество смирилось: оно либо оправдывает его как необходимость, либо вообще отрицает факт его существования».

За последние два года официальные лица Севера часто с восхищением превозносили борьбу чернокожих. Однако стоило разговору коснуться насущных проблем северных негритянских общин, как от их благодушия не оставалось и следа и позиция их становилась жесткой. Хотя движение против расизма добилось общенационального признания, его ориентация оставалась в целом региональной. Добиваясь изменений в законодательстве страны, оно разрабатывало свои предложения, учитывая в основном ситуацию на Юге. Но теперь, заявил Кинг, негритянское освободительное движение приступает к корректировке своей деятельности. Оно сконцентрирует внимание на положении негров на Севере.

«Главный вопрос заключается в том, примет ли это движение силовую форму или же оно удержится в границах ненасилия... Когда нуждающиеся сталкиваются с неумолимым бессердечием или же с изощренным издевательством, они утрачивают благоразумие, приходя в ярость... Белое руководство на Севере слишком долго использовало разного рода отговорки, рассчитывая на терпение негров. Этот путь ведет в тупик. Весьма сплоченная, потенциально взрывоопасная черная община Севера готова воспламениться от любой искры: слишком уж много накопилось у нее обид».

Таким образом, Мартин Кинг расширил сферу своих интересов на Север, реально начиная превращаться в политическую фигуру государственного масштаба. Может показаться, что его жизнь превратилась в бесконечную серию выступлений. Официальные лица пресвитерианской церкви на Юге приглашают его выступить с приветственной речью в адрес конференции в Монтрите, штат Северная Каролина, посвященной обсуждению расовых проблем. Причем приглашают, рискуя вызвать осуждение со стороны консервативной части своей паствы. Затем Кингу предстояло выступить при получении почетных степеней доктора в колледже Св. Петра в Джерси-Сити и в Свободном университете Амстердама. Он действительно стал своего рода знаменитостью. Однако он давно уже находился на самой вершине своей славы, и поэтому внешние признаки признания не производили на него большого впечатления. Ему многое еще предстояло сделать, и это казалось куда важнее. Нобелевская премия служила постоянным напоминанием о том, что мировая общественность и его собственная совесть ожидали

от него. Он не был обычным триумфатором. Для него церемония вручения ключа имела смысл только в том случае, если им можно было отомкнуть ворота, за которыми люди ожидали его помощи. Любую возможность он использовал для того, чтобы проповедовать идеи братства, мира и любви. Это были его требования, которые он навязывал самодовольному, хвастливому миру. Он считал себя выразителем чаяний миллионов страдающих и угнетаемых людей.

Именно в этом качестве он вместе с Бернардом Ли, Эндрю Янгом и Байардом Растином прибыл в здание ООН на беседу с послом Голдбергом 10 сентября. Свита Кинга состояла из его соратников и советников. Беседа эта ни к чему не привела. Между позициями Кинга и администрации Джонсона образовались глубокие расхождения, которые в предстоявшие месяцы разрослись до глобальных размеров. В основном это было связано с различиями в оценке войны во Вьетнаме. Кинг пытался быть объективным. Он критиковал Ханой за требование безоговорочного вывода американских войск. Но он был американцем, и поэтому его больше интересовала позиция Соединенных Штатов. «Мы должны создать атмосферу доверия, — сказал он, — даже за счет наших уступок, так как ставки очень высоки».

Эти ставки определили будущее человечества в той мере, в какой от них зависели конкретные судьбы бедных вьетнамских крестьян и судьбы несчастных американских молодых людей, многие из которых были чернокожими и тоже бедными. В своей Нобелевской речи Кинг в общих чертах осветил взаимосвязь, существующую между такими явлениями, как расизм, бедность и войны. Его последующий жизненный опыт заставил его глубже постичь их природу, осознать их общую сущность.

Еще в начале августа двое белых мужчин, откликнувшиеся на призыв Мартина Кинга и приехавшие в Селму — Джонатан Дэниеле, учащийся епископальной семинарии, и преподобный Ричард Моррисроу, католический священник из Чикаго, — были арестованы за участие в демонстрации и посажены в тюрьму округа Лаундес. Когда Кинг 20 августа уезжал из Лос-Анджелеса, этих мужчин выпустили из тюрьмы. Едва они вышли на свободу, как были расстреляны. Дэниеле был убит сразу, Моррисроу — тяжело ранен. За что? Они разъясняли чернокожим людям их гражданские права по новому избирательному закону и убеждали их обращаться к федеральным регистраторам. В этом злодеянии был обвинен помощник шерифа Том Л. Коулмен, но большое жюри, состоявшее сплошь из белых, его оправдало, признав, что он стрелял в невооруженных священнослужителей «в целях

самозащиты». В определенном смысле это соответствовало истине и эта мысль была понятна членам жюри: всякий, кто способствовал обретению гражданских прав негритянским населением «черного пояса», посягал на прогнивший образ жизни, защищать который с оружием в руках было доверено таким типам, как Коулмен или Колли Лерой Уилкинс. Мартин Кинг был в Селме 11 мая, когда жюри не смогло обвинить Уилкинса и его дружков из ку-клукс-клана в убийстве Виолы Люццо. Он сказал по этому поводу: «Я не думаю, что кто-либо из этих людей будет хоть когда-то осужден, но я буду рад, если я ошибаюсь».

Кинг был в Париже, когда 25 октября стало известно, что и повторный суд освободил Колли Уилкинса. Кинг назвал его оправдание «одним из самых подлых преступлений против справедливости, которые когда-либо совершались на Юге». Это решение вместе с оправданием Коулме-на стали последними каплями, переполнившими чашу его терпения. Кинг прервал свое европейское турне и вылетел в Нью-Йорк, чтобы организовать движение протеста и предложить Федеральному собранию разработать такой законопроект, которым бы пресекались любые попытки «убивать, угрожать, запугивать или как-либо иначе препятствовать деятельности членов правозащитных организаций... «Такой закон совершенно необходим, — заявил он представителям печати, — потому что люди боятся, что их убьют, если они попытаются проголосовать или воспользоваться какими-либо местами общественного пользования и что убийцы останутся безнаказанными». В течение месяца после убийства Дэниелса избирательная комиссия регистрировала в округе всего по 21 темнокожему избирателю в день. Это было наглядным доказательством эффективности вооруженной силы белых.

Глава 11.
Черные и Белые Блюзы

В феврале 1966 года Кинг поселился в трущобах чикагского Вест-Сайда. Более 80 процентов здешних домов были построены не менее шестидесяти лет тому назад. 7,6 процента из 140 000 здешних чернокожих обитателей были безработными. Многие другие считались «не полностью занятыми». Это негритянское гетто, составлявшее часть того, что социологи в Чикаго называли «старым городом», по численности несколько превосходило столицу Алабамы — город Монтгомери. В отличие от пасторского дома Кингов в Монтгомери или от отчего дома в Атланте, из его чикагской квартиры на Хэмлин-авеню, расположенной на четвертом этаже в доме без лифта, открывался панорамный вид на зону бедствия. Внизу, за углом начиналась «проклятая Шестнадцатая улица», населенная наркоманами, ворами и налетчиками. Здесь находилась и забегаловка Спливе-на «Барби-Кью», куда преподобный доктор Кинг иногда захаживал, чтобы съесть порцию говядины с горошком.

Эту квартиру для Кинга снял Джеймс Бивел. По его собственным словам, весь район напоминал ему «Долину трущоб», а царившие здесь порядки он называл «системой внутреннего колониализма». Он вместе с четырнадцатью другими сотрудниками КЮХР прибыл в Чикаго в октябре 1965 года. Они создали здесь Вест-Сайдский христианский приход, деятельностью которого руководил Бивел. Прежде всего они должны были добиться доверия у жителей трущоб, которые разучились верить кому бы то ни было на слово. Один из активистов КЮХР, священник Джеймс Орандж из Бирмингема, восемнадцать раз позволил подвергнуть себя избиению, чтобы продемонстрировать уличным группировкам «Вице-лорды» и «Кобры» силу своей преданности движению ненасилия и чтобы иметь право просить их воздерживаться от насилия, когда дело дойдет до демонстраций. Его мужество произвело должное впечатление, и, когда «брат Мартин» поселился в их районе, группировки с готовностью приняли его. Соседи по Хэм-лин-авеню стали звать его «Дудочником в пестром». При всей своей забавности это прозвище имело вполне серьезный подтекст для людей, которые часто проводили бессонные ночи, защищая своих спящих младенцев от крыс.

На соседей «брата Мартина» произвела большое впечатление его способность «быстро наводить порядок» самим фактом своего

присутствия. Как только хозяин дома выяснил, какой известный человек снял у него квартиру, он сразу нанял бригаду из восьми рабочих для уборки дома и по возможности постарался привести жилище в соответствие с требованиями законодательства. Владельцы ближайших домов последовали его примеру. Местная газета писала, что Кингу следовало бы переселяться из одного квартала города в другой. Самое его присутствие способно вызывать цепную реакцию полезного очистительного процесса, избавляя город от язвы трущоб. Преподаватель Теологической школы при Чикагском университете Роберт У. Спайк без всякой иронии предположил, что чикагская акция КЮХР «может оказаться самой значительной общественно-политической кампанией из когда-либо проводившихся в крупных американских городах. Конечной целью этой кампании является давление на могущественный административный аппарат мэра Дейли».

Сам Кинг по этому поводу заметил: «Я не могу пользоваться никакими специальными привилегиями, когда я вижу, что многие тысячи моих братьев и сестер по-прежнему вынуждены существовать в нечеловеческих условиях». Они с Кореттой специально сняли обычную для трущоб квартиру, чтобы не выделяться из среды этих «братьев и сестер». В отличие от чернокожих южан, эти люди не были готовы разделить мечту Мартина Лютера Кинга, поскольку их собственные надежды на лучшую жизнь давно погибли. Несмотря на значительное количество маленьких церквей в чикагском гетто, чернокожая община здесь не имела столь тесных связей с религией, как на Юге. Для КЮХР это было непривычно. По сути, у местного населения не было общины в полном смысле этого слова. Поэтому одной из задач Координационного совета общественных организаций (КСОО) во главе с Аль Рэби было воспитывать основы социальной солидарности в равнодушных, отчужденных друг от друга, циничных людях, населявших эти трущобы. Определяя эту задачу сотрудникам КЮХР, Мартин Кинг сформулировал ее в следующих словах: «Мы должны пробудить в людях искру самосознания, чтобы они больше никогда бы не позволяли порабощать и оскорблять себя; а также создать для них разновидности демократических структур, с помощью которых они смогли бы постоянно и долгосрочно решать проблемы жизни в трущобах». С января плакаты и лозунги «Покончим с трущобами» стали появляться во всех уголках вестсайдского гетто. Одни были выполнены по трафарету, другие — вручную мелом на кирпичных стенах домов, мостовой, в подъездах. Надеясь обрести новых союзников, Мартин Кинг 23 февраля

нанес визит лидеру «черных мусульман» Илийе Мухаммеду. После сорокапятиминутного разговора они объявили о создании «общего фронта», но не прошло и недели, как Илийа ни с того ни с сего назвал Кинга «обманщиком». К этому времени Кинг занял пустое, разоренное здание в гетто, заявив, что устанавливает над ним, по его собственным словам, «неофициальную опеку». Владелец дома подал на него в суд, и 5 апреля Кингу было предписано отказаться от всяких притязаний на это здание. Для Кинга этот процесс был одним из способов привлечь внимание к его обширным планам по расчистке гетто. Он намеревался создать бригады рабочих для ремонта и уборки трущоб, нанимая безработных жителей этих кварталов и оплачивая их труд за счет ренты, удерживаемой с владельцев домов. В начале марта Объединенный профсоюз автомобильных рабочих выделил группу из 125 оплачиваемых сотрудников, чтобы они за четыре дня организовали среди жителей гетто комитет по борьбе с трущобами и провели переговоры с хозяевами насчет ремонта и улучшения жилищных условий в домах. Во время этой акции состоялся фестиваль, в рамках которого перед слушателями выступили Мартин Кинг, а также звезды эстрады — Гарри Беллафонте, Дик Грегори и Махалиа Джексон. Они поднимали настроение слушателей и собирали деньги в фонд комитета по борьбе с трущобами. Однако вся кампания по-прежнему носила стихийный характер, никакой четкой программы действий еще не существовало даже на бумаге.

Кинг был уверен только в одном: ситуация в городских гетто взрывоопасна. «В Чикаго больше негров, чем во всем штате Миссисипи, — заявил он, — и если мы не создадим здесь группы ненасильственных действий, то получим второй Уотте. Причем мятеж в Уоттсе покажется школьным чаепитием по сравнению с тем, что начнется здесь». Он признавал, что мобилизацией сил самой общины не обойтись. Он не считал общественную активность масс и их способность к самоорганизации панацеей. Для него они были всего лишь составной частью программы, в которой задействованы муниципальные усилия, ресурсы штата и в первую очередь федеральные власти. Объединенная акция КСОО и КЮХР в Чикаго рассматривалась Кингом в качестве экспериментального проекта, призванного привлечь внимание общественности к критической ситуации в чикагском гетто до того, как в нем произошел социальный взрыв.

По предварительному замыслу, Мартин Кинг должен был три дня проводить в Чикаго, а на вторую половину недели вылетать в Атланту, чтобы видеться с детьми и служить в церкви Эбенезер. Но у него обнаружились и иные заботы. Поэтому дела в Чикаго

двигались очень медленно.

Официальные власти города оказали Кингу на первый взгляд теплый прием. Мэр Дейли не только не встретил его, но и в чем-то даже переиграл, выслав в гетто Вест-Сайда пятьдесят жилищных инспекторов. Поэтому у многих могло сложиться впечатление, что муниципалитет предпринимает большие усилия по решению проблем гетто вне зависимости от деятельности активистов Движения и что кампания, объявленная КСОО и КЮХР, — ничего не решающая запоздалая акция. КЮХР привыкла к более прямой и открытой конфронтации. В результате складывалась опасная, обманчивая ситуация, когда вместо кардинального решения проблем навязывались паллиативы, лишь мешающие решению давно назревших проблем.

Оставив Бивела, Аль Рэби и Янга сражаться с хорошо отлаженной машиной Дейли, Мартин Кинг и Гарри Белла-фонте отправились в Европу. Выступление и концерт в Швеции принесли более 100 000 долларов созданному в этой стране Фонду Мартина Лютера Кинга. 28 марта Кинг выступил в Париже. Он рассказал аудитории в 5000 человек об условиях жизни в гетто крупных городов, где в то время проживала половина темнокожего населения Соединенных Штатов. 11 апреля Кинг был уже в Нью-Йорке, где получил премию Сидни Хиллмена, а затем отправился в Майами на ежегодный съезд КЮХР, который призвал правительство США вывести войска из Вьетнама. Поскольку приближались первичные выборы в Демократической партии, он побывал в девяти городах штата Алабамы. «Если мы хотим правильно распорядиться своими голосами, — сказал он на собрании в Селме 28 апреля, — нам следует голосовать организованно». В округ Лаундес он заезжать не стал, поскольку тот превратился в бастион ККСС. Стоукли Кармайкл и другие лидеры ККСС призывали негров бойкотировать предстоящие первичные выборы и отдать все голоса партии с эмблемой в виде черной пантеры.

16 мая доктор Беджамин Спок и Уильям Слоун Коффин, капеллан Йельского университета, выступили в Вашингтоне на митинге, собравшем 15 000 человек. Они протестовали против войны во Вьетнаме. Коффин зачитал заявление Мартина Лютера Кинга: «Продолжение все расширяющихся боевых действий сузило внутренние социальные программы, заставляя бедных, как белых, так и черных, нести на себе основное бремя войны и на фронте, и в тылу». Антивоенные настроения Кинга продолжали усиливаться. Он даже согласился стать сопредседателем общества «Духовенство и прихожане, обеспокоенные войной во Вьетнаме», в которое вошли самые уважаемые религиозные деятели

Америки. Для Кинга борьба за мир была не просто благородным порывом, она стала неотъемлемой частью борьбы за свободу. Рой Уилкинс и другие правозащитники критиковали его за то, что он смешивает пацифизм с борьбой за расовую справедливость; с другой стороны, чернокожие радикалы из ККСС и КЗРР, а также воинствующие пацифисты типа А. Дж. Маета считали, что он слишком осторожен, даже бесхребетен.

Но Кинга это не волновало, он прислушивался к голосу своей собственной совести. Если он одним казался революционным, а другим — чересчур острожным, то, возможно, он и был умеренным революционером. С самого начала карьеры он сочетал в своем сознании радикальные и консервативные взгляды. Он оставался верующим христианином, никогда не забывавшим о завете братской любви. 20 мая он выступил в Голливуде. «Негр сегодня свободнее, чем он был десять лет назад, — сказал он, — но он еще не совсем свободен. Негр пользуется большим уважением, чем когда-либо в нашей истории, но он еще не равен белому». Этот афоризм точнее всего передает диалектику его собственного характера.

Рабочая неделя Кинга никак не умещалась в семь дней. КЮХР одновременно проводила множество акций: в Чикаго, в негритянском гетто Вайн-Сити в Атланте, в Бирмингеме. Ни одна из них в данный момент не предвещала обострения борьбы и не требовала, за исключением чикагской, крупной демонстрации сил. Только в Чикаго намечалось провести 10 июля многолюдный митинг.

В начале июня Джеймс Мередит, который первым нарушил расовые традиции Университета Миссисипи, добившись зачисления в него, заявил о своей готовности в одиночку промаршировать по своему родному штату. Он хотел проверить свое личное мужество, а заодно проверить, насколько свободнее стало в штате Миссисипи. Мартин Кинг пожелал ему удачи, когда Мередит с четырьмя приятелями тронулся в путь из Мемфиса, штат Теннесси, расположенного в нескольких милях к северу от границы штата Миссисипи. В понедельник, 7 июня, Кинг вел регулярное совещание руководства КЮХР в Атланте, когда пришло сообщение, что Джеймса Маредита застрелили.

Согласно первым сведениям, Мередит был убит выстрелами из дробовика, но потом выяснилось, что он только ранен и находится в госпитале Мемфиса. Кинг позвонил в Мемфис главе местного отделения КЮХР Джеймсу Лоусону и сказал, что прилетает навестить Мередита. Прилетели также Флойд Маккиссик из КЗРР и недавно избранный председатель ККСС Стоукли Кармайкл. Они сразу решили, что марш за свободу

необходимо продолжить. Как заявил сам Мередит: «Это важнее жизни любого человека. Это важнее меня самого». Внимание нации следовало привлечь к тому факту, что Закон о гражданских правах, принятый в 1964 году, действует отнюдь не повсеместно.

Секретарь НАСПЦН в штате Миссисипи Чарлз Эверс, брат покойной Медгар Эверс, не был воодушевлен этой идеей. Свысока поглядывал на эту акцию и Уитни Янг из Городской Лиги. Против марша вскоре высказался и Рой Уилкинс из НАСПЦН, последовательно критиковавший Кинга за его выступления против войны во Вьетнаме.

Кинг вместе со своим штабом обосновался в Мемфисе, в методисткой церкви, в которой служил Джеймс Лоусон. Затем на четырех автомобилях они выехали к тому месту на шоссе № 51, где неподалеку от поселка Эрнандо, штат Миссисипи, было совершено покушение на Мередита. Около двадцати участников марша совершили короткую молитву, а затем, взявшись за руки, пошли пешком под наблюдением небольшого отряда полицейских. Маккиссик и Роберт Грин вышли на полотно шоссе. Двое полицейских тотчас приказали им уйти с трассы. Шествие остановилось. Негры оказали сопротивление, не давая полицейским сдвинуть себя с места. Вмешался третий полицейский. Он дрожал от плохо скрываемой ярости и нервно теребил заранее расстегнутую кобуру...

Марш продолжался три недели. Участники его ночевали в палатках, которые везли за ними на грузовиках. Правда, в первую ночь палаток еще не было, и им пришлось вернуться в мотель Мемфиса.

Кинга очень взволновали разговоры, которые и днем на марше и ночью в мотеле вели молодые негритянские активисты. «Участвовать в марше должны только черные, — сказал один из них. — Нам не нужны больше эти белые обманщики. Это — наш марш». Они пели «Мы победим», но, дойдя до слов «черные и белые вместе», многие замолчали. Позднее, когда Кинг во всеуслышание поднял эту тему, ему сказали, что песня устарела, что ей следует теперь называться «Мы всех победим!». Мартину с трудом удалось убедить их продолжить марш вместе с белыми участниками. После спора, затянувшегося далеко за полночь, они вместе набросали манифест, в котором в числе прочего обращались к президенту Джонсону с просьбой прислать федеральных регистраторов для составления избирательных списков в 600 южных округах и провозгласили необходимость централизованного финансирования Фонда свободы. Манифест был подписан Кингом, Маккиссиком, Кармайклом, Чарлзом Эверсом и преподобным Артуром Томасом, священником из

дельты Миссисипи. На следующее утро они провели совместную пресс-конференцию, а затем возобновили поход.

В течение нескольких дней недели марш продолжался без всяких происшествий. Но голоса недовольных, против которых Мартин недавно выступил, не стихли. Они продолжали издеваться над святыми для Кинга идеями.

В воскресенье, 13 мая, один из патрульных так описал колонну демонстрантов, состоявшую примерно из 350 участников: «Это было довольно большое сборище психов». И многие журналисты с ним согласились. Среди демонстрантов было пятьдесят белых молодых людей, одетых в тенниски, голубые джинсы и сандалии. Многие из них носили бороды. Порой до Кинга доносился шепоток: «Не пора ли белым по домам?» Кое-кто из участников марша вел себя весьма агрессивно, некоторые скандировали: «Хватит баснями нас кормить, дай легавого пристрелить». Кинг невольно вспоминал миролюбивых темнокожих христиан, которые говорили в Сент-Огастине маршировавшим мимо них куклускслановцам: «Мы любим вас, всех и каждого». На подходе к городку Гренада одна негритянская девушка вызвала приступы громкого хохота, спев эти старые стихи, к которым она добавила строчки собственного изобретения:

Я люблю каждого,
Я люблю каждого,
Я люблю каждого всем своим сердцем.
Я только что солгала,
Я только что солгала,
Я только что солгала в глубине своего сердца.

Эти стишки все время звучали у Кинга в ушах. Куда делись все эти добрые, набожные люди, которые некогда заполонили Селму? Что стряслось с ними за последние год-другой? Неприятие чернокожими фундаменталистами всех без исключения «белых обманщиков и либералов» было, конечно же, перебором. А переборы чрезвычайно раздражали Кинга; впрочем, он знал, откуда они берутся. Он хорошо знал Стоукли Кармайкла и был в курсе того, что ему пришлось испытать. Стоукли в свои двадцать четыре года был плотью от плоти послевоенного поколения, для которого Великая депрессия казалась древней историей, а Вторая мировая война представлялась смутным воспоминанием. Поразительная пропасть, образовавшаяся между его собственным поколением и поколением Стоукли, за минувшие четыре-пять лет стала еще шире. Он ощущал это по

своим младшим коллегам на работе. Он сам и его старшие товарищи подпитывались энергией молодого поколения. Стоукли в период между девятнадцатью и двадцатью четырьмя годами подвергался аресту двадцать семь раз. Во время летнего наступления 1964 года в Миссисипи он был ответственным за Школу освободительного движения в Гринвуде. Он видел, как ее забрасывали бомбами белые террористы, как они зверски избивали не оказывавших им никакого сопротивления местных активистов. Затем он переехал в округ Лаундес, штат Алабама. Он и здесь видел многочисленные сцены насилия, творимого белыми над чернокожими. Разве стоило удивляться тому, что он пошел по стопам великомученика Малколма Икса?

Марш дал, как минимум, один полезный побочный результат: к уже имевшимся в списках 700 чернокожим избирателям быстро добавились фамилии еще 1300 негров. Таким образом лозунг «Власть черным!» обретал весьма конкретный и непосредственный смысл. Когда колонна приблизилась к Гринвуду, Стоукли известил участников, что отныне этот лозунг станет основным девизом марша. Вечером на митинг в городском парке собралась многолюдная толпа. «Мы просим негров не ехать во Вьетнам, чтобы там сражаться, — заявил Стоукли. — Пусть они остаются в Гринвуде и сражаются здесь. Если белые заберут хоть одного из нас в тюрьму, мы не будем платить залог. Мы придем и освободим его!* Это была дикая демагогия, но толпа была готова поглощать ее. Затем на трибуну забрался Вилли Рикс из ККСС и прокричал: «Что вы хотите?»

В ответ раздался хор голосов: «Власти черных!»

«Что вы хотите?»

«ВЛАСТИ ЧЕРНЫХ!» — кричали они с каждым разом все громче и громче.

Мартина Кинга принимали не так энергично.

Осию Уильямса также мгновенно занесло на тропу войны: «Стань избирателем, прикрепи этот значок к своей черной груди... и вмажь по морде полицейскому!» Услышав это, Кинг громко прокомментировал: «Оратор имеет в виду избирательным бюллетенем». Сидевший рядом с ним Стоукли заулыбался: «Они знают, что он имеет в виду». Кармайкл всегда отрицал, что он призывает к насилию. Однако он считал, что не будет вреда, если, прослушав его речь, какой-нибудь негр из Джексона надумает купить себе оружие. Его речи часто звучали весьма агрессивно.

Какой из лозунгов следовало выбрать: «Власть черным!» или «Свобода сейчас!»? Когда они добрались до Язу-Сити, Мартин Кинг настоял на дискуссии. В течение пяти часов он пытался убедить Маккиссика и Кармайкла отказаться от лозунга «Власть

черным!». Стоукли упорствовал, заявляя, что другие этнические группы уже добились равноправия.

«Вот именно, — ответил Кинг. — Но никто никогда не слышал, чтобы евреи расхаживали, скандируя лозунг насчет еврейской власти. А власть у них действительно есть... Чтобы покончить с предрассудками относительно черных, надо работать по плану, а не просто выкрикивать лозунги».

В качестве альтернативного Кинг предложил лозунг «Равенство черным!», но Кармайкл и Маккиссик так и не дали себя уговорить. В результате остановились на компромиссном решении: последний отрезок марша пройдет без всяких лозунгов. Последнее слою тем не менее осталось за Кармай-клом: «Мартин, я специально поднял этот вопрос во время марша, чтобы за полемикой следила вся страна. Ты должен принять решение в пользу власти черных».

«Меня уже много раз пытались использовать, — рассмеялся Кинг. — Еще одна попытка — не смертельно».

Первое столкновение с полицией состоялось тогда, когда до окончания марша оставалась всего неделя. Кинг во главе группы участников, отклонившись от основного маршрута, посетил небольшой город Филадельфию в штате Миссисипи. Здесь 26 июня 1964 года были убиты Чейни, Гудмен и Швернер. В совершении этого преступления подозревались шериф Лоренс Рейни и его помощник Сесил Прайс. Кинг отправил телеграмму президенту, в которой просил федеральное правительство обеспечить безопасность участникам марша в Филадельфии. Белый дом оставил это обращение без комментариев, но помощник президента поставил Кинга в известность, что автоинспекция штата Миссисипи обеспечит любую необходимую защиту участникам марша. Но патрульные не обращали никакого внимания на то, что автомобили проносятся на большой скорости мимо колонны почти впритирку, на расстоянии всего нескольких дюймов. Одна из машин сзади въехала прямо в колонну, заставляя демонстрантов разойтись, чтобы пропустить ее. Не обращая внимания на людей, сидевших в машине, патрульные приказали участникам марша восстановить порядок и продолжить движение.

Когда участники марша 24 июня добрались до Кэнтона, городские власти отказали им в разрешении разместиться лагерем на территории негритянской начальной школы Макнейла. Неустрашимый Стоукли Кармайкл спешно обратился к темнокожей общественности городка и попросил людей собраться у здания окружного суда. Собралась довольно приличная толпа. Взявшись за руки с Кингом и Маккиссиком, Кармайкл обратился

к собравшимся: «Они говорят, что мы не можем поставить свои палатки у негритянской школы. Но как раз это мы и собираемся сделать!» Они пошли к школе. Кинг и Маккиссик начали стаскивать палатки с грузовика. Участники марша и местные негры, взявшись за руки, запели «Мы победим». Располагавшиеся неподалеку полицейские города, округа и штата, надев противогазы, начали обстреливать толпу гранатами со слезоточивым газом. Все повторилось, будто они вновь оказались на мосту Эдмунда Петтиса в Селме. Вооруженные винтовками патрульные набросились на толпу. Они просто избивали демонстрантов ногами и прикладами. «Ты хотела свободы?! Получай!» — прорычал один из них, лягая ботинком негритянскую женщину, которая пыталась подняться на ноги. Жертв побоища было не так много, как в Селме, но травмы были более серьезными. Чарлз Майер, белый студент медицинского училища от ударов прикладом получил отек легкого. Кроме того, у него оказались сломанными два ребра. Несмотря на все разговоры о том, что ненасилие ничего не дает, участники марша воздержались от ответных действий. Стоукли Кармайкл, наглотавшись газа, утратил над собой контроль и начал бегать с криками: «Уходи, детка, они будут снова стрелять... Срочно уводите отсюда людей». Маккиссик и Кинг успокоили его и отвели в ближайший дом.

На следующее утро делегация церковных деятелей нанесла визит генеральному прокурору Катценбаху, выражая протест против этой вспышки насилия. Катценбах равнодушно заявил, что участники марша сами навлекли на себя эти неприятности, отклонив три участка, на которых им предлагалось стать лагерем. Один из епископов возразил, что дело совсем не в этом. «А как же насчет правонарушения, связанного со вторжением на чужую территорию?» — ответил вопросом генеральный прокурор и откланялся, сославшись на необходимость срочно звонить президенту. Как сформулировал один из журналистов: «Если администрация Джонсона старалась поднять престиж Стоукли и ККСС, ничего лучшего она не могла бы придумать. Молчаливо отвергнув просьбу доктора Кинга о вмешательстве на уровне федерального правительства... они превратили лауреата Нобелевской премии в очередного американского негра, которого им удалось поставить на место».

Джеймс Мередит выписался из больницы и вернулся на трассу в предпоследний день похода. Уитни Янг приехал в Джэксон в субботу вечером. Мартин Кинг попросил, чтобы Чарлзу Эверсу из НАСПЦН было предоставлено слово на большом митинге, запланированном на следующий день, 27 июня. Однако

против этого предложения проголосовали представители ККСС, КЗРР и свободные демократы Миссисипи. На последний отрезок марша — от колледжа Тоугелу до капитолия штата — собралась такая большая толпа темнокожих граждан, которую еще никогда не видела история Миссисипи. Однако на подходе к зданию законодательного собрания штата энтузиазм многих участников похода стал улетучиваться. Демонстрантам было запрещено приближаться к капитолию ближе чем на 200 футов. Среди полицейских, охранявших капитолий, многие узнали тех самых патрульных, которые избивали их в Кэнтоне. Уставший и разочарованный Мартин Кинг вновь заговорил о своем видении Американской Мечты, но больше внимания он уделили тому кошмару, который ему пришлось пережить за последнюю неделю. Закончил он, однако, на оптимистической ноте: «В один прекрасный день прямо здесь, в штате Миссисипи восторжествует справедливость для всех». Однако ему самому в это не очень-то верилось. В тот момент ему хотелось уехать из Джэксона, и как можно скорее.

Его внимание уже переключилось на подготовку ко Дню Свободы в Чикаго, намеченному на воскресенье, 10 июля. Эта дата должны была стать началом третьей фазы кампании, развернутой КЮХР в этом городе. 6 июля доктор Джозеф Х. Джексон из Национального конвента баптистов опубликовал официальное заявление, в котором он открещивался от предстоящих акций и поливал грязью не названного им по имени «подстрекателя». 10 июля Мартин Кинг провел маршем 45-тысячную толпу жителей Чикаго от Солдатского поля до Городской управы. Еще до начала марша за свободу в Миссисипи Кинг выступил с объемной, тщательно подготовленной программой по восстановлению расовой справедливости в Чикаго. Теперь он обратился с основными ее положениями к собравшейся толпе, а по окончании митинга вручил программу мэру Дейли. Программа действительно была всеобъемлющей. В ней предлагалась полная отмена сегрегации в общественных общеобразовательных школах как в отношении учащихся, так и преподавательского состава. Это требовало удвоенного финансирования системы народного школьного образования и развития городского транспорта. Кинг предлагал изъять городские и районные финансовые средства из тех банков, которые отказывают в ипотечном кредитовании чернокожим горожанам. Распределение бюджетных рабочих мест, по мысли Кинга, следовало производить по квотам, пропорционально количеству жителей разной расовой принадлежности. Кроме того, Кинг предлагал строить по всей территории Чикаго «новые

микрорайоны» дешевого жилья для расселения негров из трущоб.

Весной 1965 года Дик Грегори привлек внимание широкой общественности к проблеме территориально-расового распределения населения в Чикаго, когда провел негритянскую демонстрацию по белым кварталам той части города, где жил сам мэр Дейли. Идея эта понравилась, и демонстрации стали повторяться каждую неделю. Во время одной из таких демонстраций, которая состоялась в воскресенье, 31 июля, Кинг во главе своего батальона армии ненасилия пересек невидимую линию фронта, проходившую по Эшленд-авеню. Колонна прошла более двадцати кварталов вплоть до Маркетт-парка, где наткнулась на шумную и злобную толпу белых, которую возглавлял лидер американских нацистов Джордж Линкольн Рокуэлл. Несколько человек в этой толпе были одеты в балахоны ку-клукс-клана. К месту предполагаемого столкновения срочно были стянуты полицейские подразделения. Быстро появились и передвижные телевизионные группы. Полицейские встали живым щитом прямо посредине улицы, не допуская прямого контакта между двумя толпами. Участники демонстрации начали отступать назад, к Эшленд-авеню, уворачиваясь от летевших в них камней, кирпичей и кусков тротуарной плитки. Самому Мартину Кингу крепко досталось кирпичом. Происшедшее еще раз с пугающей достоверностью доказало, сколь тверды и незыблемы неписаные правила, определявшие территориальную сегрегацию в Чикаго.

17 августа состоялась встреча лидеров Движения в Чикаго и представителей городской администрации. Встреча происходила в кафедральном соборе Св. Джеймса. Она длилась десять часов и закончилась безрезультатно. Марши было решено продолжать. Через четыре дня вместе с католическим архиепископом Джоном П. Коуди Кинг провел колонну из 500 демонстрантов по белым кварталам. Они прошли пять миль под дождем в сопровождении солидного полицейского эскорта. Белые вынесли им навстречу плакат, на котором было написано: «Архиепископ Коуди и его черномазые коммунисты».

В субботу, 20 августа, руководство КЮХР поставило в известность Ричарда Б. Огилви, шерифа округа Кук, о своих планах провести демонстрацию в Цицероне, пригороде Чикаго. Огилви стал умолять Кинга отменить эту акцию. В то лето в Цицероне одного негра забили насмерть бейсбольными битами, и он боялся, что прольется новая кровь.

Перспектива побоища на окраине Чикаго повысила заинтересованность властных структур в поисках быстрого решения проблемы. Под эгидой городской Комиссии по вопросам

религии и рас 26 августа, т. е. за два дня до запланированной демонстрации, состоялась конференция с участием всех заинтересованных сторон. На ней присутствовали мэр Дейли, архиепископ Коуди, представители собственников жилья и агентов по продаже недвижимости, видные бизнесмены и промышленники, деятели различных общественных организаций и частных фондов. Соглашение, выработанное на конференции, как и Бирмингемский договор 1963 года, частично носило компромиссный характер. Два воинствующих радикала — Роберт Лукас из чикагского отделения КЗРР и Честер Робинсон из вестсайдской организации — заклеймили это соглашение как «предательство» и объявили, что они сами проведут демонстрацию в Цицероне. Правда, после беседы с одним из деятелей КЮХР — Эндрю Янгом они решили отложить акцию до 4 сентября. Когда же дошло до дела, Робинсон от участия в демонстрации отказался. Лукас и его сторонники вошли в Цицерон, но быстро ретировались под градом камней и бутылок.

Кинг говорил об этом соглашении, состоявшем из девяти пунктов, как о «самой важной программе, которая открывает возможность свободному обороту недвижимости в столичном регионе и в крупных городах». Он вновь подтвердил свой тезис о том, что «ненасильственные формы борьбы не должны способствовать углублению конфликта». «Ненасильственные способы лечения социальных болячек, — заявил Кинг, — хорошо зарекомендовали себя в деле избавления городов от негритянских гетто». По мнению «Крисчиен сенчури», «никакой другой подход к очень сложной и взрывоопасной расовой проблеме» не смог бы собрать в Чикаго за столом переговоров все заинтересованные стороны. Дело оставалось за малым: надо было, чтобы соглашение исполнялось.

Глава 12.
Долгое Возвращение в Мемфис

По мере того как 1966 год приближался к концу, сообщения о чикагских событиях исчезали с первых полос газет. Провал нового Билля о гражданских правах и эскалация все более непопулярной войны во Вьетнаме заслонили собой победу Мартина Лютера Кинга в Чикаго. Да и сам исход сражения был далеко не триумфальным, если его оценивать по тому, что оставалось еще доделать. В октябре Кинг вместе с другими руководителями Движения подписал манифест, в котором призывалось «действовать ненасильственными методами, содействуя углублению демократического процесса интеграции и межрасового сотрудничества». Полемика внутри Движения продолжалась, но публикация манифеста подчеркнула, что дискуссия носит внутрипартийный, как бы семейный характер. Белая пресса тем временем продолжала комментировать лозунг «Власть черным!» в самых мрачных тонах.

Сторонники власти черных внутри самого Движения также были многих недовольны. Они освистали Мартина Лютера Кинга на массовом митинге в Чикаго. Такого никогда с ним прежде не случалось. Он расстроился и всю ночь не мог заснуть. Однако чем дольше он обдумывал ситуацию, тем отчетливее ему становилась причина нетерпения людей. Он сам обещал им скорую свободу. Вскоре он написал: «Я убеждал их верить в Америку и доверять белым. Они размечтались. И сегодня они свистели потому, что чувствовали нашу неспособность исполнить обещание. Они свистели потому, что мы убеждали их верить народу, который слишком часто оказывался вероломным. Они враждебны сегодня потому, что видят, как мечта, которую они с такой готовностью приняли, превращается в кошмар разочарования». Тем не менее Кинг продолжал подчеркивать, что концепция власти черных вполне совместима с движением ненасилия. При этом он считал, что альтернативы активному сотрудничеству с белыми попросту нет. Как писал Кинг в своем предисловии к книге А. Филипа Рэндолфа «Бюджет свободы»: «Нам предстоит долгая и кропотливая работа. Мы должны выступать за интересы всей американской бедноты... Мы уничтожим негритянские гетто только тогда, когда сумеем избавиться от всех видов трущоб и построим новые города для всех. Мы избавимся от безработицы среди негров, когда избавимся от безработицы как таковой. Мы создадим для негров хорошее образование только тогда, когда

сумеем создать образовательную систему для всех».

В середине декабря Мартин Кинг взял двухмесячный отпуск для того, чтобы поработать над книгой «Куда теперь мы пойдем». Значительная ее часть уже была написана им во время отдыха в Бимини. Он собирался среди прочего написать о войне во Вьетнаме, хотя и знал, что активная антивоенная позиция ведет его к падению популярности. По данным института Гэллапа, в январе 1967 года его уже не было в десятке «самых обожаемых» людей страны. Тем не менее Кинг не мог молчать. Вскоре после возвращения с Багам он призвал Соединенные Штаты вывести свои войска из Вьетнама. На конференции в Лос-Анджелесе он сказал: «Наши надежды стать Великим Обществом расстреляны на полях сражений во Вьетнаме. Нужды этой войны уже пожрали львиную долю тех средств, которые, были выделены на специальные программы внутри страны, обрекая бедных, как белых, так и негров, нести на себе тяжкое бремя... Имеются данные, согласно которым мы расходуем 322 тыс. долларов на каждого убитого нами врага, тогда как в так называемой «войне с бедностью» расходуется всего 53 доллара на каждого «бедного», Причем значительная часть из этих 53 долларов уходит на жалованье тем, кто сам далеко не беден». Он призвал всех сторонников мира «объединиться столь же эффективно, как это делают «ястребы»... Мы должны соединить воедино правозащитное движение с силами, выступающими за мир... Мы должны работать не покладая рук, чтобы народ, который мы так любим, смог бы подняться на новый уровень развития... »

25 марта 1967 года в чикагском колизее и 4 апреля в нью-йоркской Прибрежной церкви он выступал еще более страстно, порицая жестокость режима, который посылает черных и белых солдат сражаться рука об руку, убивая и погибая «за страну, которая не позволяла им ходить в одну школу». Он говорил о той ответственности, которая лежит на его плечах как лауреата Нобелевской премии, как христианского священника и как сторонника ненасилия. «Тем или иным образом это безумие должно прекратиться. Мы должны немедленно остановить его. Я говорю как дитя Господа, как брат страждущих бедняков Вьетнама. Я говорю от имени тех, чья земля опустошается, чьи дома уничтожаются, чья культура разрушается. Я говорю от имени той американской бедноты, которая несет двойное бремя потерь: их надежды растаптываются здесь, дома, их тела и души гибнут там, во Вьетнаме. Я говорю как гражданин мира, ибо мир застыл в ужасе, глядя, какой путь мы решили избрать. Я говорю как рядовой американец, обращаясь к лидерам своей собственной нации. Мы сами развязали эту войну. Мы должны сами

добиваться ее прекращения... Война — это не аргумент против коммунизма. Необходима не война, а подлинная революция ценностей». Слишком часто вооруженные силы Соединенных Штатов использовались «для поддержания стабильности и обеспечения неприкосновенности наших инвестиций» не только во Вьетнаме, но и в Гватемале, Перу, Колумбии и в других странах, где они явно выступали на стороне «реакционных» режимов. «Новое восприятие ценностей позволит людям осмотреться и увидеть, что частный капитал Запада вкладывает огромные суммы в страны Азии, Африки и Южной Америки только для того, чтобы получать оттуда прибыль, нимало не заботясь об улучшении жизни в самих этих странах».

На совещании коллегии НАСПЦН, проходившем 11 — 12 апреля, Рой Уилкинс резко критиковал Мартина Кинга за его неприятие войны. Другие негритянские лидеры, такие, как Уитни Янг, Джеки Робинсон и Ралф Банч, также были недовольны Кингом, заявляя, что его позиция сослужит очень плохую службу правозащитному движению. В воскресенье, 16 апреля, Кинг вывел на улицы Нью-Йорка

125-тысячную колонну демонстрантов, которая прошла от Центрального парка до площади ООН. Таким образом, он стал одним из руководителей кампании по весенней мобилизации сил против войны во Вьетнаме. В интервью, данном после этой демонстрации, он сказал: «Я не вижу никакого противоречия в том, что правозащитники высказываются против войны. Серьезные нравственные проблемы обычно нерасторжимы. Что касается меня, то в течение многих лет я проповедовал ненасилие. Поэтому я не был бы последовательным, если бы не выступал против войны во Вьетнаме, не так ли?»

Антивоенные организации рекомендовали Кингу баллотироваться в 1968 году в президенты США. Но 25 апреля 1967 года он дал понять, что не будет этого делать. На пресс-конференции в церкви Эбенезер он объяснил свое решение: «Я давно привык думать о себе как о деятеле, не связанном с партиями. Мое дело — выявлять проблемы и вести дело так, чтобы любая из партий, находящаяся в данный момент у власти, вынуждена была действовать творчески и конструктивно». Он выразил надежду, что «война во Вьетнаме будет прекращена задолго до выборов 1968 года и что нынешний Конгресс найдет и мужество, и необходимые голоса, чтобы вновь вывести наш народ на путь строительства действительно великого общества, отвечающего интересам каждого из своих граждан».

В своей антивоенной борьбе Мартин Кинг ни в коем случае не утратил интереса к событиям, происходящим в его

собственной стране. Посетив 12 июня Кливленд, он пообещал возвращаться сюда раз в две недели на выходные, чтобы поддержать негритянского кандидата в мэры города — Карла Стоукса, а также помочь Сонни Дентону, местному лидеру освободительного движения, организовать городскую кампанию «Продовольственная корзина». Эта программа, реализация которой началась как конкретное и весьма скромное мероприятие в Атланте, стала одной из самых успешных акций в Чикаго. Под руководством преподобного Джесси Джексона эта программа с начала своего действия в мае 1966 года обеспечила работой 2200 негров. На совещании, проводившемся 20 июля в Чикагской семинарии, в котором приняли участие 150 священников из 42 городов, было решено сделать программу «Продовольственная корзина» общенациональной.

Методика к тому времени уже была обкатана: священники опрашивали прихожан-предпринимателей и собирали данные о численности работников на их предприятиях, о количестве среди них негров, об их профессиях, о видах работ, которые они выполняют, о зарплатах каждой категории сотрудников. Затем эти данные изучались специальной комиссией и результаты этого анализа возвращались священникам, которые проводили с предпринимателями беседы и рекомендовали им нанимать темнокожих сотрудников в пропорциях, соответствующих численности негритянского населения в соответствующем районе. Если предприниматели не соглашались сотрудничать в этих вопросах, священники организовывали бойкоты и пикетирование их предприятий. В Чикаго благодаря деятельности священников Джессу Джексону удалось достичь соглашений с четырьмя крупными фирмами. «Эти соглашения, — сказал Кинг, — открыли доступ на рынок товарам и услугам, производимым негритянскими предприятиями. Негритянские компании, следовательно, получили возможность расширяться и нанимать больше сотрудников. Кроме того, в Чикаго была одержана еще одна, неслыханная прежде победа: деньги, получаемые штатом на решение проблем цветных, стали направляться в финансовые учреждения, принадлежавшие цветным... Мы готовы ворваться в экономическую сферу с невозможным прежде напором. Мы изыскиваем возможности наносить удары системе белого господства по весьма чувствительному для нее месту — по кошельку».

Одновременно с проведением операции «Продовольственная корзина» Джеймс Бивел и Мередит Джилберт организовали шестимесячную забастовку 600 арендаторов жилья под эгидой союза, призывавшего покончить с трущобами. Эта забастовка

завершилась победой. Однако бороться становилось все труднее и труднее. Месяцы усилий десятка с лишним ветеранов борьбы за негритянских избирателей не дали никаких реальных результатов. Им так и не удалось создать ядро политического влияния в гетто Чикаго. «Мы полагаем, что люди здесь будут достаточно разумны для того, чтобы голосовать за правильных кандидатов», — заявил Кинг в начале кампании. Но апатия, конформизм, привычка плыть по течению, подчиняясь политическому конвейеру, мешали процессам развиваться в правильном направлении. До сих пор не было полностью реализовано знаменитое Августовское соглашение 1966 года. В июне текущего года чикагское отделение НАСПЦН объявило о своем выходе из Чикагского движения. Это всего лишь один из примеров разногласий, существовавших между 44 группами, которые входили в ККОО. Трещина между молодыми радикалами и более возрастными, более умеренными участниками расширялась, становясь при этом все глубже.

Словно в подтверждение сложности ситуации в городах Севера, 12 июля 1967 года в Ньюарке, штат Нью-Джерси, начался бунт. Он продолжался четыре дня и привел к гибели 21 негра и 2 белых. Реагируя на это, Конгресс в спешном порядке принял Билль против мятежей и бунтов 347 голосами против 70. На следующий день, 20 июля, конгрессмены с высокомерными насмешками отказались (207 голосов «против», 176 — «за») рассматривать предложение о выделении средств на избавление американских городов от крыс.

Рано утром 23 июля вспыхнул еще один крупный бунт — в Детройте. Он также продолжался четыре дня и унес жизни 33 негров и 10 белых. Это были самые массовые из беспорядков, происходивших в течение первых девяти месяцев 1967 года. Бунт в Детройте был в самом разгаре, когда Мартин Лютер Кинг поддержал использование войск для его подавления. «Мне очень жаль, — сказал он, — что необходимо вызывать федеральные вооруженные силы, но бунт есть бунт и он должен быть остановлен». В то же время Кинг заявил, что бунты не прекратятся до тех пор, пока Конгресс не создаст «какой-либо эффективной и масштабной программы по борьбе с безработицей». Все разногласия между Кингом, Уилкинсом и Янгом были на время забыты, когда они сообща присоединились к воззванию А. Филипа Рэндолфа, обращенному к бунтовщикам Детройта: «Беззаконие толпы никому не выгодно. С ним надо немедленно покончить».

Как только детройтские пожарища погасли, Кинг направил представителя КЮХР в Вашингтоне Уолтера Фонтри на работу в

Городскую коалицию. Эта организация состояла из 18 представителей церковных и деловых кругов, а также профессиональных союзов и правозащитных организаций. Почти в то же самое время президент Джонсон создал Национальную комиссию советников по вопросам гражданских беспорядков, во главе которой стал губернатор Иллинойса Отто Кернер. Первый заместитель Кернера мэр Джон В. Линдсей из Нью-Йорка и один из девяти рядовых членов комиссии А. У. Абел также были членами Городской коалиции. Рой Уилкинс — единственный из руководителей правозащитного движения в составе Комиссии Кернера, в Городской коалиции был представлен своим помощником. Когда эти организации притупили к работе, Мартин Кинг в открытом письме в «Нью-Йорк тайме» призвал белую Америку проявить «больше государственной мудрости и готовность идти на жертвы», чтобы облегчить «невыносимую жизнь негров». Признавая, что отдельные чернокожие граждане виновны в убийствах, за которые они должны будут ответить и ответят по закону, он призвал разобраться в истинных причинах трагедии и выявить всех ее виновников. «А как насчет крови на руках Конгресса, который осмеял скромную статью расходов на истребление грызунов, ежедневно кусающих в гетто младенцев; который обокрал программу «Образцовый город» и истребил субсидии для арендующих жилье; который в сотрудничестве с администрацией президента урезает более чем вдвое все столь необходимые программы по борьбе с бедностью? А что следует сказать в адрес белого общества, которое хладнокровно усилило свое сопротивление реформам? И это после пророческих слов, сказанных консерваторами из Комиссии Маккоуна после бунта в Уоттсе: «Августовские бунты покажутся лишь прелюдией к тому, что может произойти в один прекрасный день». На эти слова не обратили никакого внимания. И вот два года спустя этот ужасный день настал. Разве не надо всех виновных усадить вместе на одну скамью подсудимых?»

Выступая на десятом ежегодном съезде КЮХР в Атланте две недели спустя, Кинг заявил, что «в нынешнем Конгрессе расизм цветет пышным цветом». С целью избежать еще более опасных бунтов летом 1968 года, необходимо спланировать очень эффективную программу ненасильственных акций, которые бы заставили Конгресс принять соответствующие законодательные меры до того, как конгрессмены разъедутся на летний отдых. В качестве реальной альтернативы бунтам, сказал он, «крупномасштабные акции гражданского неповиновения могут использовать эту ярость, накопившуюся в негритянских массах, как конструктивную, созидательную силу». Он кратко

охарактеризовал те тактические приемы, которые могут быть использованы в северных городах: школьные бойкоты, массовые пикеты безработных у проходных на заводах и фабриках, палаточные городки негритянской молодежи. «Создание препятствий функционированию городской системы жизнеобеспечения без разрушения ее основ, — сказал он, — может быть эффективнее бунта, так как оно может длиться значительно дольше и приносить обществу большие убытки, не демонстрируя порочной разрушительности. Кроме того, правительству труднее справиться с ним: превосходство в силе в этом случае не играет решающей роли... Наша главная проблема заключается в том, что ни администрация, ни Конгресс не предрасположены искать реальные лекарства от социальных болезней, предпочитая им чисто полицейские меры».

Еще в 1963 году Кинг и его товарищи подали апелляцию на приговоры, полученные ими за участие в бирмингемских демонстрациях. В июне 1967 года Верховный суд США оставил в силе вердикты, приговаривавшие их к пятидневному заключению, а в октябре того же года отказался пересмотреть их дела. Теперь Кингу предстояло вернуться в то место, где было написано его «Письмо из бирмингемской тюрьмы». Он отнесся к судебному решению с иронией. 23 октября он представил на рассмотрение Комиссии Кернера законопроект о гражданских правах обездоленных, который составлялся еще для Кеннеди, а затем вылетел в Бирмингем. Фред Шаттлсворт с четырьмя другими коллегами, отсидевшие по четверо суток, уже были освобождены досрочно. Та же участь была уготована и Мартину Кингу и трем его соратникам — Ралфу Эйбернети, А. Д. Кингу, служившему теперь в одной из луисвилльских церквей, и Уайтту Ти Уокеру, который проповедовал в Нью-Йорке и был специальным помощником губернатора Рокфеллера. Они с пользой провели назначенный им срок, обсудив в тюрьме способы реализации настойчивых предложений Кинга по развертыванию массового ненасильственного наступления. В результате появился предварительный план похода бедных. В начале декабря проект обсуждался на собрании КЮХР в Атланте. Согласно проекту, в походе должны были принять участие около 3 тыс. человек, подготовленных к ненасильственным действиям. Выйдя из разных мест отдельными колоннами, они должны были собраться в столице страны весной 1968 года. «Америка, — заявил Кинг, — в настоящий момент стоит перед выбором своего исторического пути развития. Для нас как нации и как государства сейчас очень важно, чтобы этот путь оказался действительно новым и чтобы страна пошла по нему решительно и мужественно. Невозможно

недооценивать масштабы нынешнего кризиса, охватившего Америку. На карту поставлены не только стабильность государства, всей цивилизации и будущее свободного правления, но и судьба каждого отдельного человека». «Не опасны ли подобные демонстрации?» — спросил его один из журналистов. Кинг согласился, что определенный риск есть, поскольку часть негров разозлена и испытывает чувство горечи, но отказ от действий, сказал он, граничит с нравственной безответственностью. «Поход бедняков, — заявил он, — это последний, отчаянный призыв к власть предержащим предотвратить начало ужасающего хаоса, ненависти и насилия».

По мере того как план предстоявшей кампании принимал конкретные очертания, Мартин Лютер Кинг продолжал энергично протестовать против войны в Азии. Его протесты стали постепенно привлекать к себе симпатии все большего числа обеспокоенных войной американцев. В сентябре 1967 года Карл Роуен утверждал, что антивоенные выступления Кинга «внесли новое напряжение и новые проблемы во все правозащитное движение. Он стал persona поп grata для Линдона Джонсона... заставил отвернуться очень многих наших бывших друзей и союзников и дал оружие в руки наших врагов в обеих ведущих партиях, создав общее впечатление, будто негры лишены патриотизма». Как бы отвечая на эти выпады, Кинг в речи, с которой он выступил в День ветеранов, сказал: «Во время войны с Мексикой интеллектуальная элита нации — Эмерсон, Торо и другие деятели, подвергли очень резкой критике национальную политику. В Конгрессе мало кому известный молодой политик публично высказал целый ряд замечаний, в которых он язвительно разоблачал цели войны. Звали сего конгрессмена из Иллинойса, проводящего в Федеральном собрании свой первый срок, Авраам Линкольн. В это же время один молодой армейский лейтенант собирался подать в отставку в знак протеста против этой войны. Это был Улисс Грант». Затем Кинг вновь коснулся позорной шкалы приоритетов, согласно которой без всякого внимания остается бедственное положение городских трущоб с их разрухой, убожеством и грязью... «Война настолько усилила отчаянную безысходность негритянского населения, что бунты в городах стали привычной, хотя и уродливой чертой американской политической жизни». Кинг повторил эти обвинения в цикле из пяти речей, написанных специально для Канадской радиокорпорации. Эти речи транслировались в течение ноября и декабря 1967 года.

Хотя примерно половина негров, по оценке Роуена, не соглашалась с антивоенными взглядами Кинга, опрос

чернокожего населения в городах, проведенный журналом «Форчун» в январе 1968 года, выявил, что 82 процента респондентов «очень сильно» доверяли доктору Кингу, а 83 процента считали, что он реально борется за интересы негров.

В упомянутой речи в День ветеранов Кинг отметил, что во время бунтов в негритянских гетто «даже в состоянии ярости подавляющее большинство темнокожих граждан вымещали свою злость не на людях, а на неодушевленных предметах». Несмотря на все более агрессивную риторику проповедников черной силы, насилие над людьми продолжало оставаться монополией белых. В конце января белые демонстранты выкрикивали издевательства и угрозы в адрес семи негритянских ребятишек, зачисленных в начальную школу Чикаго. Когда два белых сторонника интеграции устроили мирную контрдемонстрацию, толпа расистов напала на них. Полиция наблюдала за дракой, а затем арестовала тех, кто выступал за совместное обучение. Симпатии полицейских явно были на стороне расистов. Их оппонентам они порекомендовали заниматься своими собственными делами.

8 февраля полиция и Национальная гвардия открыли огонь по группе темнокожих демонстрантов в студенческом городке Государственного колледжа Южной Каролины. Были убиты 3 и ранены 37 человек. Большинство из них получили ранения в спину. Белая пресса назвала это побоище «подавлением бунта». Единственной жертвой среди белых сил правопорядка стал сотрудник полиции штата, ушибленный какой-то деревяшкой. Две недели спустя в штате Миссисипи полиция открыла огонь по толпе темнокожих студентов из колледжа Оллкорн, в котором некогда учился Медгар Эверс. Были ранены 6 подростков. Это событие оказалось практически незамеченным прессой. Тем не менее оно, как и другие акты насилия со стороны белых, не прошло бесследно. Последствия этих инцидентов отчетливо ощущались негритянским студенчеством. Остро чувствовал их и Мартин Лютер Кинг.

Кинг находился в состоянии, близком к нервному срыву. В начале января он поддержал призыв собрать 5—6 февраля многотысячный антивоенный митинг в Вашингтоне. Две недели спустя, когда днем сбора в Вашингтоне всех участников похода бедных было назначено 22 апреля, он сказал: «У меня не осталось никаких сил». Прошло много времени, почти три года со дня его последнего крупного триумфа, и у него не было никаких оснований рассчитывать на быструю победу в предстоящих событиях. Ставки, однако, были очень высоки, а шансы крайне малы. 30 января исполнилось ровно 20 лет со дня убийства Махатмы Ганди. Его застрелил фанатик-индуист за то, что он

старался установить мир между индусами и мусульманами. Ганди так же, как затем Кинг, мечтал о прекрасном будущем для своей страны. Он хотел, чтобы в Индии действительно установилось царство ненасилия, чтобы все ее народы жили бы в мире — индуисты, мусульмане, буддисты, сикхи и христиане. Ганди никогда не утрачивал веры в свою мечту, даже тогда, когда увидел, как окружающая жизнь начинает превращаться в кошмар братоубийственной резни. Что ждало Америку в ближайшие месяцы? Мог ли Кинг по-прежнему утверждать, что у него «есть мечта»? Нет, мечта его никуда не делась, но никогда прежде она не выглядела столь тускло и призрачно. Его наполняли дурные предчувствия. Он пытался их осмыслить: «Я уже давно бреду долиной смерти и теней... » Ровно двенадцать лет назад — день в день, 30 января — в его дом была брошена бомба. Это было первое из многих покушений на его жизнь. Сколько их еще будет? Он чувствовал глубокую тревогу, не зная, что ждет его впереди. Единственное, что он знал точно, так это, как и что он сам должен делать. Если его ожидает несчастье, то он предпочтет стать его жертвой, нежели свидетелем крушения всех своих надежд.

В ближайшее воскресенье, выступая с проповедью на утренней службе в Эбенезере, он рассуждал о смерти и о смысле своей жизни. Причем в его голосе не было задумчивости, грусти или уныния. Он говорил энергично и страстно. Ничто не свидетельствовало о том, что он ощущает близость своей кончины. Он рассуждал о смерти, как человек, полностью принявший ее условия и примирившийся с ее неизбежностью: «Мы все думаем о смерти. Время от времени я тоже думаю о ней и о собственных похоронах. Я не испытываю к ней никакого отвращения или ужаса». Далее он перешел к рассуждениям о том, какие похороны и какое погребальное слово его бы лично устроили, «если хоть кто-то из вас будет со мной в тот день». Он надеялся, что будут вспоминать не о премиях и почестях, а о том, что он пытался сделать в своей жизни — о том, что он «старался всю свою жизнь служить людям» и что он «старался любить других». Ему хотелось бы, чтобы они могли сказать о том, как он пытался накормить голодных, нагим дать одежду, быть рядом с теми, кто томился в тюрьме. «И мне бы очень хотелось услышать от вас, что я изо всех сил старался любить людей и служить им».

«И если вы захотите сравнить меня с барабанщиком, — чеканил он слова в энергичном, ударном ритме, — скажите, что я был барабанщиком, звавшим людей на бой за справедливость, за мир, за порядочность. А все остальное — малостоящая мелочь.

Я не оставлю после себя много денег. Я не оставлю после себя

никаких драгоценностей и предметов роскоши. Но мне всегда хотелось оставить после себя жизнь, отданную делу и людям».

На следующий день вместе с Ралфом Эйбернети, раввином Авраамом Й. Хешелем и еще двумя тысячами человек Мартин Кинг пришел на Арлингтонское национальное кладбище. Он молча почтил память тех, кто погиб во Вьетнаме. На следующий день, выступая в центре Вашингтона перед митингующими, Кинг вновь подчеркнул мысль о том, что движение за мир и движение за расовую справедливость — сиамские близнецы-братья. Затем он привлек внимание к ужасающему положению бедных американцев. Массовая безработица и неполная занятость раскачивают лодку государственности «посильнее Великой депрессии 30-х годов... Мы обрекли часть нашей нации на положение низшего класса отверженных, и до тех пор, пока эти люди не найдут себе достойного места в экономической системе, наши проблемы не закончатся... Эти проблемы уже принесли нам много горьких плодов, но они продолжают разрастаться. Мы, сотрудники КЮХР... чувствуем, что пришло время начинать новую кампанию борьбы по типу тех, что проводились в Селме или в Бирмингеме, с целью добиваться улучшения материального положения беднейших слоев нашего населения».

Очередную годовщину со дня рождения Линкольна — 12 февраля — Кинг весь день провел в своем офисе в Атланте. Обсуждались вопросы, связанные с организацией похода бедных. Было решено, что участники пойдут на Вашингтон пятнадцатью колоннами: 10 из городов и 5 из разных сельских районов. Одна из групп выйдет из Роксбери, негритянского гетто в Бостоне, и пройдет по маршруту «Нью-Йорк — Ньюарк — Филадельфия». Другая группа выйдет из чикагского Лондейла, доберется до Луисвилля, затем до Детройта, а потом повернет на восток — к Питтсбургу. Южная колонна должна выйти из штата Миссисипи и направиться на восток — в Севанну и Чарльстон, а затем повернуть на север. Четвертая колонна должна будет пройти по знаменитому тракту через Аппалачские горы. Никаких отрядов с тихоокеанского побережья приводить в Вашингтон не планировалось. На Западе должны были состояться многочисленные демонстрации прямо на местах.

Оставалось разработать точный график материально-технического и финансового снабжения. Как обычно, оставалось место и для творческой и для нудной черновой работы. Часть последней Мартин Кинг взял на себя, совершив целый ряд стремительных поездок по ключевым точкам маршрутов и лично пообщавшись с организаторами прямо на местах. За неделю ему пришлось совершить несколько таких командировок. В одну из

поездок он посетил места своих самых крупных сражений, побывав 15 февраля в Бирмингеме, а на следующий день — Селме и в Монтгомери. Обращаясь к собиравшимся на встречи с ним в этих городах, он не мог не вспоминать событий минувшего. Это обостряло все его чувства, и без того напряженные накануне того великого деяния, которое ему предстояло совершить. Он уже разослал письма всем сторонникам КЮХР. «Вас уже пытались отговаривать громоподобные хоры голосов от акций, которые планировались нами и в Селме, и в Бирмингеме. Ныне результаты, достигнутые нами в этих городах, и проведенные вследствие их реформы с гордостью приветствуются всем обществом». Он писал о предстоявшей кампании как о «последнем шансе» предотвратить «летнюю катастрофу». Правительство, заявил он, ничего не сделало в отношении «основных социальных причин», вызывающих бунты. Напротив, именно «упрямое бессердечие и равнодушие правительства к бедности порождают искры ярости и отчаяния... В залах Конгресса негритянские жизни представляются слишком дешевыми, чтобы принимать решительные меры. Куда проще спекулировать кровью и ничего не делать».

Турне, совершенное Мартином Кингом по городам Алабамы, подбодрило его. В Селме Уилсон Бейкер снял с должности шерифа округа Даллас Джима Кларка. Не Бог весть какое благодеяние, но все же это был шаг в правильном направлении. Кинг был в приподнятом настроении на следующий день, когда вместе с Кореттой и Энди Янгом прилетел в Кингстон на Ямайке, чтобы неделю поваляться на солнце. Здесь у него, кроме того, должно было найтись время, чтобы завершить речь, с которой он по возвращении собирался выступить в огромном Карнеги-холле. Начинался год, насыщенный юбилеями и годовщинами, имевшими самое непосредственное отношение к его собственной жизни. В январе исполнилось ровно двадцать лет со дня гибели Ганди, приближалось столетие со дня рождения У. И. Б. Дюбуа, великого негритянского ученого и общественного деятеля, умершего в добровольной эмиграции в Гане в день предыдущего их похода на Вашингтон. Он был на пять лет моложе А. Д. Уильямса и достиг широкой известности в Атланте в те дни, когда дед Кинга был еще молодым человеком. Он оставался одним из кумиров среди темнокожих людей, по меньшей мере в течение жизни следующего поколения. Именно Дюбуа стал вдохновителем идей для молодого А. Филипа Рэндолфа. И хотя в конце своей жизни Дюбуа стал членом Коммунистической партии США, его многочисленные достижения были по значению столь выше любой идеологии, что даже Мартин Кинг, на дух не

переносивший коммунизма, относился к ним с большим уважением.

23 февраля Кинг выступил на вечере, посвященном столетию со дня рождения Дюбуа. Он охарактеризовал Дюбуа как «человека, обладавшего бесценной преданностью своему народу. Стремление добиться большого успеха и общественного признания не служило для него способом личного обогащения и самоутверждения. Кем бы он ни становился, какой бы профессией или видом деятельности не занимался, достигая во многих из них званий, степеней и наград, он всегда оставался в первую очередь чернокожим человеком. Он использовал богатство своего таланта как национальное достояние своего народа...

Образ доктора Дюбуа — человека — должен быть сегодня с нами, в наших умах и сердцах, чтобы в них не поселилось столь распространенное ныне отчаяние... Он противостоял Системе... Он противостоял множеству врагов, обливавших его презрением, пытавшихся отравить его жизнь, но его мощный голос никому и никогда так и не удалось заглушить.

Он гордился своим народом, ценил силу и богатство его духа, но он никогда не превозносил черный цвет кожи. Он гордился своим народом не потому, что черный цвет придает людям некую особую значимость, а потому, что его борьба и его завоевания имеют общечеловеческое значение. Дюбуа умел разглядеть в людях человеческое и любил прогрессивных людей любого цвета и оттенков кожи: черных, белых, желтых, красных или коричневых... Белая Америка, пропитанная ложью и выдумками о неграх, слишком долго жила в тумане невежества. Дюбуа разоблачал эти выдумки и закладывал основы достоверной истории негров и истории Америки, принося стране дар правдивости, за который американцы должны ощущать себя его должниками...

Дух Дюбуа будет витать над колоннами демонстрантов, которые в апреле пойдут на Вашингтон, так как он всегда сострадал униженным и не терпел любые формы несправедливости. Сегодня нам тоже нужно учиться у него подобной нетерпимости. Мы не должны успокаиваться или чувствовать удовлетворение до тех пор, пока каждый человек не получит необходимой ему пищи для ума и тела, свободы духа и ощущения собственного достоинства. Давайте не успокаиваться до тех пор, пока трущобы, кишащие крысами и паразитами, не останутся в темном прошлом и у каждой семьи не будет своего собственного, пригодного для существования жилища. Давайте не успокаиваться до тех пор, пока все пустые желудки в Миссисипи не ощутят сытости и пока вновь не оживут бездействующие

предприятия в Аппалачских горах. Давайте останемся нетерпимыми до тех пор, пока слово «братство» не перестанет быть пустым звуком, которым обычно заканчиваются молитвы, а превратится в основу всех деловых и правовых отношений... Давайте сохранять нашу неудовлетворенность до тех пор, пока справедливость не будет сама обтекать землю, подобно водам могучего потока».

Публикация доклада Комиссии Кернера на следующей неделе подтвердила верность многого из того, о чем говорил Мартин Лютер Кинг. В своей статье, написанной вскоре после его ознакомления с этим документом, Кинг цитирует его с целью доказать необходимость предстоявшей кампании: «Наша нация раскалывается на два враждебных лагеря... и самым разрушительным инструментом этого самораспада, его режущей кромкой является белый расизм...

Ярость негритянского народа достигает точки кипения... Ненасильственные действия должны дать эффект «шоковой терапии», чтобы заставить правительство прислушаться к рекомендациям Комиссии Кернера и разработать программу действий национального масштаба, в которой желание реально помочь нуждающимся сочеталось бы со всеохватностью и последовательностью мероприятий, — программу, подкрепленную ресурсами самой могущественной и самой богатой нации на земле. Если эта кампания КЮХР провалится, движение ненасилия будет дискредитировано и страна может превратиться в поле братоубийственной войны. Это будет подлинная трагедия, углубляющаяся пониманием того, что ее можно было избежать». Так что крайне необходимо, чтобы кампания оказалась успешной. «Бунты усиливают чувство страха у белого большинства, одновременно освобождая его от чувства вины. Это приводит к усилению репрессий... Недовольство негритянского населения столь глубоко, в душах людей накипело столько злости и отчаяния, они находятся в состоянии такого возбуждения, что обязательно нужно сделать хоть что-то, что даст выход глубоким и болезненным эмоциям». Что касается лично Кинга, то он заявил, что намерен и впредь проповедовать ненасилие, даже если предстоящим летом оно не позволит добиться победы. «Я убежден, что, если ничего не будет сделано для решения самых острых и самых реальных экономических проблем гетто, разговоры о партизанской войне утратят большую часть своей отвлеченности». Организаторы похода бедных не ставили перед собой конкретных целей, но Кинг надеялся, что поход поможет принять 12-миллиардный законопроект об экономических правах обездоленных.

К городским восстаниям, настаивал Кинг, продолжают относиться как к постыдным пятнам на фасаде государственности, но они суть проявления «потенциально смертельного заболевания». В докладе Комиссии Кернера он усмотрел как опасные, так и обнадеживавшие тенденции. Белые американцы заражены расизмом, но они также склонны к демократии. «Они поступают плохо, но у них имеется потенциальная возможность стать лучше. Они не ощущают близкого прихода Тысячелетнего Царства, но жизнь по-старому уже невозможна». Апрельская кампания дает шанс избежать национальной катастрофы и породить новую атмосферу классовой и расовой гармонии... Наше тревожное время всех нас испытывает на прочность и дает нам возможность встретить будущее с чистой совестью».

Выступая перед публикой 17 марта, Кинг вновь повторил эту мысль. До него выступал негр-конгрессмен Джон Коньерс, избранный в Грасс-Пойнте — богатом белом пригороде Детройта. Предоставляя слово Кингу, епископ Ричард Эмрих сказал, что он восхищается Кингом, хотя и не может разделить его взгляды на войну во Вьетнаме, а также не поддерживает предложенную им идею демонстраций в Вашингтоне. И хотя большая часть трехтысячной аудитории тепло встретила речь Кинга, его постоянно беспокоили отдельные выкрики правых: «Коммунист!» и «Предатель!» Это было очень противно.

За последний месяц филиал КЮХР в Мемфисе, возглавлявшийся Джеймсом Лоусоном, оказался вовлеченным в забастовку негров — работников сферы водного и коммунального хозяйства. 31 января группу чернокожих слесарей-сантехников отправили по домам, потому что начался дождь. Белые сантехники остались на работе и в конце недели они получили деньги за полный день, тогда как неграм оплатили только по два рабочих часа. В знак протеста 1375 членов местного отделения Федерации наемных работников 12 февраля объявили забастовку. Недавно избранный мэр города Генри Лоеб настаивал на том, что эта забастовка не законна. Он заявил, что никогда не подпишет никаких соглашений с профсоюзом, так как не признает этой организации в качестве легального представителя работников коммунальных служб. Забастовка тем не менее продолжалась, и 23 февраля руководители местного отделения НАСПЦН присоединились к Лоусону и другим деятелям профсоюза, пройдя в колонне демонстрантов по Мейн-стрит. Демонстрация организованно прошествовала несколько кварталов, как вдруг появилась машина с полицейскими и стала прижимать колонну к обочине. Вскоре из машины выскочили полицейские, которые

стали опрыскивать мирных демонстрантов газом «Мускат», вызывающим временную слепоту и раздражение кожи. Трое полицейских схватили одного негра. Увидев, что они начали бить его по голове, Жак Уилмор, региональный представитель Комиссии США по правам человека, попытался вмешаться. «Я подошел к ним и предъявил свое удостоверение, — рассказывал он позднее. — И тогда они брызнули мне прямо в лицо «Мускатом».

Белая пресса приветствовала действия полиции и непреклонность мэра. Это заставило даже консервативных церковников-негров присоединиться к бастующим. Начался бойкот белых газет и всех магазинов семейства Лоеб. Центром борьбы стал собор Темпл, принадлежащий Методистской епископальной церкви. В нем собирались участники демонстраций и проводились собрания. Доктор Ралф Джексон, официальный представитель Африканской Методистской епископальной церкви на массовом митинге, состоявшемся 26 февраля, громогласно объявил: «Мы намерены маршировать до тех пор, пока сантехники не скажут: «Довольно». Но я должен сообщить вам новость: мы собираемся маршировать и после этого!» В списке требований, предъявляемых протестующими, первым стояло прекращение полицейской жестокости, затем шли улучшение жилищных условий, рабочие места, повышение ставок и тарифов, а также совместное обучение в школах. Создавалось полномасштабное городское движение, объединившееся вокруг профсоюза коммунальщиков. Профсоюз также имел свой список требований.

Проблемы этого маленького, никому не известного негритянского профессионального союза привлекли к себе внимание председателя Национального объединения профсоюзов Джерри Вурфа, а со временем и интерес Уолтера Рейтера, главы промышленного отдела АФТ-КПП. В начале четвертой недели забастовки к ежедневной демонстрации негров присоединились 500 белых профсоюзников, возглавлявшихся Томасом Пауэллом — руководителем местного отделения АФТ-КПП. С этого момента с забастовочным движением стали сотрудничать отдельные представители белых церквей Мемфиса. Бэкстон Брайент, исполнительный директор Совета по гуманитарным вопросам в штате Теннесси, дважды был радушно принят мэром Лоебом и попытался убедить его в том, что ситуация в городе взрывоопасна. Брайент приводил аргументы из доклада Комиссии Кернера, доказывая, что Мемфис становится классическим примером общества, разделенного на два, отчужденных друг от друга, антагонистических лагеря. Такое противостояние и

порождает бунты. Позиция мэра, однако, осталась непреклонной: он готов продолжать переговоры и дать гарантии, что забастовщикам не грозят никакие кары и репрессии, но насчет договора он высказался однозначно: «Никогда».

На одном из собраний в самом начале марта на трибуне появился темнокожий молодой человек. Он был в куртке с надписью «Захватчики». «Я радикал, — сообщил он толпе. — Прежде чем Генри Лоеб станет нас слушать, он должен увидеть кучи мусора на улицах города. Незачем копить его во дворах своих домов. Пусть мусорщики ездят и собирают его, если только смогут проехать... Чтение проповедей и сбор денег — это все очень хорошо. Кто-то должен делать и это. Но среди вас ведь есть мужчины. Нам необходимо не маршировать, а сражаться. Когда идет разговор о таком городе, как этот, где так много полиции, лучше обзавестись стволами. Они вам понадобятся прежде, чем все закончится». После митинга председательствовавший оправдывался. Он заявил, что юноша имел право высказать свое мнение, хотя «мы уже давно выбрали себе наше оружие. Это оружие — ненасилие».

Джеймс Лоусон постоянно держал Мартина Кинга в курсе развития событий в Мемфисе. Подобно Бирмингему и Селме в минувшие годы, так же как в свое время Сент-Огастин, Дэнвилл и Олбани, Мемфис превращался в место решительной схватки, исход которой был важен для всего освободительного движения. Несмотря на то что подготовка похода бедных требовала все больше и больше внимания, а возможно, именно поэтому Кинг чувствовал, что не может отказать коллегам из Мемфиса, попросившим его лично возглавить движение в их городе. Он вылетел из Детройта в Мемфис, чтобы выступить там 18 марта на митинге с участием 15 тыс. человек. Он планировал вернуться в Детройт в пятницу на той же неделе, чтобы провести здесь марш протеста. Но неожиданно начавшийся снегопад засыпал весь Детройт тридцатисантиметровым снежным покровом, и марш пришлось перенести на 28 марта.

Адам Клейтон Пауэлл вернулся в Нью-Йорк и в речи, произнесенной 25 марта, громогласно заявил, что «с белым человеком покончено» и что «время Мартина Лютера Кинга истекло». Кинг появился в Нью-Йорке на следующий день. Слова Пауэлла, набранные крупным шрифтом, были во всех газетных заголовках. Он не столько удивился этому, сколько расстроился. Однако 27 марта он сказал своим помощникам: «Мне бы очень хотелось, чтобы старина Адам мог видеть меня сейчас!» Он только что вернулся со встречи с 1600 учащимися старших классов в Саут-Сайдской высшей школе в Ньюарке. Уинтроп

Макгрифф, лидер школьной организации, представляя Кинга аудитории, намекнул на речь Пауэлла: «В противовес более «воинственным» вождям, называющим его «дядей Томом», доктор Кинг воплощает собой мужество, способность к самопожертвованию и силу». Кинг приехал в школу, несмотря на предупреждение о возможности теракта.

Ключевой фразой в его речах в последний год стало выражение «Строй, детка, строй!». Это был измененный им боевой клич восставших в Уоттсе: «Жги, детка, жги!» И сейчас в Ньюарке он говорил о необходимости созидать, а не разрушать. Даже воинствующий Лерой Джонс тепло встретил его, когда Кинг посетил театральную студию Джонса в черном гетто Ньюарка. Кинг в течение уже многих недель не ощущал такого душевного подъема. Когда он позвонил в Атланту, чтобы уточнить график своих поездок, секретарша принялась убеждать его в необходимости сбросить обороты. «В любом случае все вы хотите моей смерти, — ответил он, смеясь, — так что до старости мне никак не дотянуть».

В оставшуюся часть дня он побывал на митинге в Орандже, где заявил: «Мы построим новую Америку!», а также в Джерси-Сити и в Пэттерсоне, где сказал: «Мы должны противостоять несправедливой системе, не разрушая ни жизни, ни имущества». Вернувшись в Ньюарк в конце дня, он выступил в местной баптистской церкви, которая называлась «Абиссинская» точно так же, как и церковь Пауэлла в Гарлеме. В этом выступлении он красочно живописал ужас и оцепенение, которые должны охватить конгрессменов-южан меньше чем через четыре недели при встрече с участниками похода бедных в столице страны.

Марш протеста в Мемфисе был назначен на 9 утра следующего дня. Кинг, который должен был возглавить процессию, опоздал на два часа, прибыв только к 11 часам. Тем временем назревали неприятности. Лидеры Мемфисского стачкома призвали горожан ко всеобщей забастовке. В негритянской школе Гамилтон часть учащихся попыталась помешать остальным попасть в классы на уроки. Прибыла полиция. Ее встретили камнями и бутылками. Во время потасовки одна четырнадцатилетняя девочка получила сильный удар дубинкой по голове и ее отвезли в больницу. У Клейборнского собора, неподалеку от парка им. У. К. Хэнди демонстранты не обращали внимания на просьбы руководителей сойти с тротуара и выстроиться в колонну. Многие из зрителей прикладывались к бутылкам; кончилось тем, что около 10 часов две дюжины мужчин ворвались в магазин, торговавший спиртными напитками неподалеку от собора.

Кинг ужаснулся, увидев, что рядом со множеством лозунгов наподобие «Я — тоже человек» несколько молодых людей держали плакаты «К черту Лоеба. Здесь — власть черных». Хватало и плакатов с открытыми оскорблениями в адрес мэра. После короткого расспроса Кинг выяснил, что эти молодые люди не являются участниками демонстрации. Но все уже с нетерпением ждали начала процессии, и он решил выступить. Демонстранты едва успели пройти три квартала, как послышался звон разбиваемых витрин. Лоусон и другие руководители сразу предложили Кингу вернуться в мотель. Он так и сделал, а Лоусон обратился к участникам марша, убеждая их вернуться в церковь. Большинство повернуло назад. Но молодые чернокожие забияки с вызывающим видом остались стоять на месте. Через десять минут полицейский кордон, сомкнув ряды, применил слезоточивый газ. Молодежь разбежалась, но полицейские атаковали тех, кто попался под руку. Они смертельно ранили одного шестнадцатилетнего подростка, избили дубинками 60 человек и арестовали 280 демонстрантов, мародеров и просто зевак без разбора. Одного старого негра полицейский трижды огрел прикладом по ребрам, тогда как другой полицейский одновременно поливал его лицо «Мускатом». Один из грабителей ударил полицейского. Его сбили с ног, и он был зверски избит. В общей сложности бедолага получил более сорока сильных ударов. В город вошли 4000 национальных гвардейцев, и был установлен комендантский час. У 155 магазинов оказались разбиты витрины, было зарегистрировано множество случаев поджогов; в то же время только шестьдесят владельцев заявили, что у них исчезли товары с витрин. Всего в восьми случаях грабители проникли внутрь магазинов, а потери от огня оказались незначительными. Куда больше вреда принесло полицейское насилие.

Оказавшись в своей комнате в мотеле, Мартин Лютер Кинг испытал острое желание покончить с собой. Он был не просто сильно потрясен, он находился в состоянии шока. Что бы сделал Ганди на его месте? Рядом с Кингом были Ралф Эйбернети и Джесси Джексон. Они никогда еще не видели его в состоянии такой депрессии. Он сказал им, что, видимо, уйдет в отставку.

В пятницу утром Мартин Кинг побеседовал с небольшой группой молодых чернокожих радикалов, которые жаловались, что Ралф Джексон и другие не позволяют им участвовать в планировании демонстраций. Однако выяснилось, что двое из них были членами руководящего комитета, но вышли из него, когда их предложение останавливать мусоровозы было отвергнуто большинством голосов. Побеседовав с ними, Кинг попросил их дать обещание, что они либо будут соблюдать нормы

ненасилия, либо воздержатся от участия в демонстрациях. Им не нужно подписываться под его философией, сказал он, но «нам надо действовать сообща». Они согласились. Позднее, на пресс-конференции журналисты спросили Кинга, считает ли он возможным в данный исторический момент контролировать демонстрации, удерживая их от превращения в бесчинствующие толпы, как это произошло вчера? «Если бунт начался, — ответил Кинг, — никому не удастся с легкостью удержать ситуацию в разумных пределах». Что же касается беспорядков в Мемфисе, сказал он, то «я очень сильно просчитался». Этот просчет, по его мнению, был вызван тем, что ни он лично, ни его помощники не принимали непосредственного участия в планировании акции и ввязались в нее, не зная, что молодежь готовится к беспорядкам. Он считал, что руководство негритянского движения в городе зря прекратило контакты с молодыми воинствующими радикалами. Но он не собирался сдаваться. «Мы должны быть настроены решительно, — сказал он, — но я абсолютно убежден, что вполне возможно провести демонстрацию под лозунгом ненасилия. Возможность бунтов существует. Бунты — это следствие нашей уродливой общественной атмосферы. Если бунт произойдет, то это — не моя вина. Наше правительство и большинство белых граждан палец о палец не ударили, чтобы уничтожить условия, порождающие бунты. Даже если мы вообще перестанем организовывать демонстрации, большинство экспертов полагают, что нынешнее лето будет хуже прошлого». Свою собственную деятельность Кинг охарактеризовал как работу «предохранительного клапана», помогающего сбрасывать энергию потенциальных мятежников, преобразовывать ее в созидательный протест, который способен переворачивать и преобразовывать общество гораздо эффективнее, чем уличные бои.

В тот же вечер Кинг прилетел в Атланту и на следующий день назначил совещание сотрудников аппарата КЮХР. Когда они собрались в его кабинете в церкви Эбенезер, он посетовал, что между ними нет полного взаимопонимания. «Прежде чем мы сможем пойти на Вашингтон, — проворчал он, — необходимо что-то сделать с нашим штабом». И, немного помолчав, он вышел из кабинета. Эйбернети выскочил вслед за ним. Он никогда не видел Кинга таким подавленным. «Я снимаю с себя всякую ответственность, — сказал Кинг. — А ты иди назад. Со мной все в порядке».

На следующий день, 31 марта, в пятое воскресенье Великого поста, Френсис Б. Сейр, настоятель Вашингтонского кафедрального собора, пригласил Кинга выступить в вместе с ним. Их приветствовала огромная толпа. Так много народа

никогда еще не собиралось в этом храме, принадлежащем Епископальной церкви. Тысячи людей заняли все проходы и дворик вокруг собора. Кинг сказал, обращаясь к людям, что ему часто советовали потерпеть, «поскольку время само работает на нас. Но время — вещь нейтральная. Время можно использовать конструктивно, а можно — деструктивно, во зло и разрушение. К сожалению, крайне правые используют время более эффективно». Революция не может считаться завершенной без «уничтожения последних остатков расовой несправедливости. Расизм — образ жизни для подавляющего большинства белых американцев. Поход бедных столкнется с этим. Нам придется противостоять Голиафу, но я убежден, что мы будем в более выгодном положении, чем Давид... Конгрессменов не тронули ни доклад комиссии, ни статистические выкладки, свидетельствующие об ужасающем положении американской бедноты. Что ж? Власти не пошевелятся, пока не столкнутся с конкретными требованиями».

В то же самое время в Таллахасси Адам Пауэлл выступал перед студентами Университета штата Флорида. Десяток лет тому назад именно университет был центром кампании бойкота автобусов в городе. Пауэлл высмеивал «Мартина Лузера Кинга» и заявил слушателям, что КЮХР более не предлагает решения реальных проблем чернокожих американцев. В аэропорту он сказал журналистам: «Я всегда считал, что тотальное ненасилие — неверный путь. Я не проповедую насилие... но всему есть предел».

После субботнего чрезвычайного совещания группа сотрудников КЮХР вылетела в Мемфис. Они должны были произвести подготовку массовой демонстрации. По предложению Растина Байарда, демонстрацию перенесли на следующий понедельник. Тем временем городским властям в среду удалось получить постановление федерального суда, в котором Кингу и «всем другим лицам, не проживающим в городе» запрещалось принимать участие в планируемой демонстрации. В среду утром Кинг и Эйбернети вместе с четырьмя другими руководителями КЮХР вылетели в Мемфис. Они обсудили с юристами и местными священниками судебное постановление, и Кинг решил, что, если даже его не удастся отменить, он все равно в понедельник возглавит колонну демонстрантов. Кроме того, он задержится в Мемфисе на один-два дня, поскольку на вечер в эту же среду был намечен большой митинг. К вечеру, однако, разыгралась буря с сильным ветром и потоками дождя. Небо потемнело. Мартин Кинг вышел на дорожку перед окнами своего номера в мотеле «Лоррейн». Рядом с ним был Джозеф Лоув, приехавший в Мемфис, чтобы снять документальный фильм. Когда очередная

молния вспыхнула в небе у них над головами, Лоув пошутил: «Ну, док, теперь мы посмотрим, кто здесь настоящий хозяин?»

«Да, сэр, — ответил Кинг, гляда на небо. — Конечно, это Он».

Зарядил сильный дождь и стало ясно, что на собрание в Мейсон Темпл придут немногие. Штаб Кинга решил, что малолюдное собрание может дать журналистам шанс говорить о закате движения ненасилия. Кинг чувствовал, что сейчас на кон поставлена судьба всего Движения и что в Мемфисе им необходимо совершить решительный прорыв. Вместо Кинга на митинг согласился пойти Ралф Эйбернети. На месте он увидел, что в церкви, несмотря на дождь, собралось 2000 человек. Он позвонил Кингу и сказал, что они хотят слышать речь своего вождя.

Мартин Кинг надел плащ и пошел в церковь. Он сообщил собравшимся, что планирует в понедельник провести демонстрацию. Он выступил против судебного решения, поскольку оно «отрицает его гражданские права, предусмотренные Первой поправкой к Конституции» и заявил, что не рассматривает это решение как помеху на своем пути. Он подчеркнул необходимость поддерживать изо всех сил дисциплину, несмотря на угрозу тюремного заключения или даже гибели. Он вспомнил время, когда его самого ударили ножом и процитировал письмо девочки из Уайт-Плейнс, которая написала ему, как она рада, что ему удалось не чихнуть, когда лезвие ножа находилось неподалеку от сердца. Кинг сказал, что он и сам был этому рад, так как в противном случае ему бы не удалось быть здесь в годы последовавших великих свершений. Он бы не увидел сидячих демонстраций, освободительных рейдов и походов и всего прочего. Вся его дальнейшая речь была весьма серьезна. Он вспомнил, как он летел в Мемфис: «Я улетал из Атланты сегодня утром. Когда мы поднимались на борт самолета — нас было шестеро, — пилот обратился к пассажирам по внутреннему переговорному устройству: «Просим простить нас за задержку, но в нашем самолете находится доктор Кинг. Поэтому мы должны были проверить все особенно тщательно».

А когда я прилетел в Мемфис, то вокруг начались разговоры о возможных терактах. Ну, я не знаю, что теперь может случиться. Нам предстоит пережить несколько трудных дней. Но все это для меня уже не имеет большого значения. Я побывал на самой вершине. И будь что будет.

Как и всякому человеку, мне хотелось бы прожить долгую жизнь. В этом есть своя прелесть. Но сейчас я просто хочу исполнить волю Всевышнего, Который разрешил мне взойти на самую вершину горы. Я огляделся вокруг и увидел землю

обетованную.

Может быть, мне не суждено будет до нее дойти вместе с вами. Но я хочу, чтобы вы сегодня вечером узнали, что мы как народ обязательно доберемся до этой земли.

Поэтому сегодня вечером я счастлив. Меня ничто не тревожит. Я не боюсь никого. «Мои глаза видели Господа во всей славе Его пришествия».

Бэкстон Брайент впоследствии заметил, что речь Кинга «звучала так, словно это был его собственный некролог». Журналисты быстро ухватились за высказывание Брайента, позднее назвав это выступление «пророческим предостережением».

Кинг закончил речь под гром аплодисментов. Его настроение несколько улучшилось, и он вернулся на ночь в мотель. Однако в душе у него продолжали скрестись кошки. Почти весь следующий день, 4 апреля, он провел у себя в номере. Им снова овладело настроение, похожее на то, которое было у него в прошлую субботу: он сделался подозрительным, ему казалось, что некоторые из его соратников склоняются к насильственным действиям. Он беседовал с ними о страданиях и о стойкости Ганди и Иисуса. «Некоторые из вас могут переживать и беспокоиться. Но только не я. В своих отношениях со смертью я уже давно определился».

Приближалось обеденное время. Коллеги разошлись по своим комнатам. В номере Кинга остались только Ралф Эйбернети вместе с преподобным Сэмюелем Б. Кайлсом, местным священником, который пригласил их всех к себе домой на обед. После обеда в его церкви должно было состояться массовое собрание. Приятель Кайлса, директор похоронного бюро, прислал за ними «кадиллак» с шофером, чтобы довезти их до дома Кайлсов. Машина ждала внизу, на парковке. Мартин Кинг перерыл свой чемодан, а затем обшарил ящик комода с рубашками и пижамами. «Кто-то из наших взял мой галстук», — ворчливо заявил он.

— Мартин, — ответил Эйбернети, — взгляни вон на тот стул.

— О-о-о! — Кинг взял со спинки стула черный галстук с золотыми полосками. — А я было подумал, что кто-то решил меня проучить. — Он принялся завязывать галстук и, повернувшись к Кайлу, решил над ним пошутить: — Думаю, что твоя жена слишком молода, чтобы приготовить нам настоящий южный обед. Ей всего тридцать один, не так ли? Как она могла овладеть секретами южной кухни в столь юном возрасте?

— Вот именно, — подыграл ему Эйбернети, — нам не хотелось бы тащиться к тебе домой, чтобы получить по

крошечному кусочку филе. Нет, нам нужно много зелени, овощей и настоящей южной еды. Гвен знает южную кухню?

— Не волнуйтесь, — ответил Кайле.

— Эта рубашка мне тесна, — пожаловался Кинг.

— Хочешь сказать, что ты слишком располнел? — продолжал шутить Эйбернети. — Эта та самая рубашка, которую я сдавал в стирку для тебя.

— Она слишком тесна, — повторил Кинг совершенно серьезно. — Но ладно, сойдет. — Он застегнул воротник, поправил галстук и надел пиджак. — О'кей, отправляемся обедать. Я надеюсь, ты не ошибаешься насчет Гвен, — сказал он Кайлсу.

Кайле вышел на лестницу и спустился к машине. В последний момент Эйбернети решил смазать щеки лосьоном после бритья. Кинг ждал его на лестнице, облокотясь на перила. На парковочной площадке внизу он увидел Джесси Джексона, Эндрю Янга и музыканта Бена Бранча.

— Бен, — крикнул Кинг, — на собрании сыграй «Господи, любимый, возьми меня за руку».

— Сыграю, — ответил Бен.

— Сыграй как можно лучше, — попросил Кинг. — Для меня.

Ралф Эйбернети стоял с лосьоном в руке, как вдруг послышался звук винтовочного выстрела, и он увидел, что Кинг начинает падать навзничь. Ралф выскочил из комнаты.

— Мартин! Мартин! — Он похлопал Кинга по щеке. — Это я, Ралф. Все будет в порядке.

Кинг лежал неподвижно. Из раны на шее толчками текла кровь. Его черный с золотыми полосками галстук был пробит пулей, которая раздробила правую сторону нижней челюсти Кинга. Джесси Джексон и Эндрю Янг взбежали вверх по ступеням. На автомобильной стоянке Джеймс Бивел опустился на колени и принялся молиться. Сосед, служивший в департаменте юстиции, схватил полотенце и постарался остановить кровотечение, пока Джексон держал голову Кинга, а Янг нащупывал пульс. Эйбернети стоял, не веря своим глазам: «Мартин! Мартин!» Вдруг ему показалось, что он уловил взгляд своего друга, который силился сказать ему: «Видишь, Ралф, разве я не говорил тебе, что все будет именно так?»

Подъехала машина «скорой», принадлежавшая пожарному управлению, и увезла Кинга. В 18 часов 15 минут носилки с раненым вкатили в операционную госпиталя Св. Иосифа. Через один час и пятнадцать минут из операционной вышла группа врачей и остановилась у стойки регистратуры. Пригласили всех помощников Кинга.

— С ним все в порядке? — спросил кто-то из них проходя в приемную.

— Нет, с ним не все в порядке, — ответил негр, стоявший рядом с врачами.

Администратор госпиталя зачитал короткое заявление: «В 19 часов доктор Мартин Лютер Кинг скончался в операционной от огнестрельного ранения в шею».

Глава 13.
Воскресение Духа

«Что люди говорят своим товарищам, когда поверженным оказывается их Вождь? Все слова кажутся пустыми и лишними. Если смерть наступает в результате так называемых «естественных причин», реакция людей вполне предсказуема: их охватывает чувство бессилия, беспомощности, покорности перед силами природы. Но если причиной смерти становится пуля убийцы, людей охватывает жажда мщения. Хочется драться, убивать, крушить, разрушать, нанести точный и сильный ответный удар, причинить противнику адекватные потери». Так писал один из последователей Малколма Икса в тюремной камере, получив в 1965 году известие о гибели своего вождя. С момента смерти Мартина Лютера Кинга прошло всего несколько часов, а тысячи тысяч темнокожих американцев были охвачены невыносимым желанием на кого-то наброситься. Но на кого? Логика бунта обладает собственной внутренней динамикой. Она подобна партизанской войне, ведущейся без стратегического плана, но движимой слепой яростью, В Вашингтоне, в Чикаго, в других более чем 130 городах темнокожий народ дал выход своему гневу и отчаянию. Эти выступления унесли жизни 34 негров и 5 белых. Общая сумма материального ущерба превысило 130 млн. долларов. Белые почитатели Мартина Лютера Кинга доказывали, что его учение почти не оставило следа в сознании и в душах негритянского народа. Они резко критиковали бунтовщиков как «ничтожную группу темнокожих подрывных элементов, настроенных жечь и воровать задолго до убийства доктора Кинга». Участников беспорядков называли не иначе как «преступниками», а в их деяниях усматривали «карикатурный памятник Кингу, потому что к его революции бунтовщики почти не имели никакого отношения». Мэр Чикаго Ричард Дейли был убежден, что полиция застрелила слишком мало мятежников, приказав ей в следующий раз поджигателей «расстреливать на месте», а грабителей — «калечить и уродовать».

Кто убил Мартина Лютера Кинга? ФБР разыскивало Джеймса Эрла Рея — белого северянина средних лет (он был годом старше самого Кинга), чья винтовка «ремингтон геймастер» стала орудием убийства. Но как бы то ни было Кинга убила белая Америка. Пуля, выпущенная в него, была нацелена не столько в человека, сколько против того, что он собой представлял и за что боролся. Стоукли Кармайкл на пресс-конференции 5 апреля

выразил чувства многих чернокожих американцев, заявив: «Убив вчера вечером доктора Кинга, белая Америка объявила нам войну... Было бы лучше, если бы она убила Рэпа Брауна или Стоукли Кармайкла. Убив доктора Кинга, она проиграла эту войну... открыв глаза каждому негру в этой стране... Он был единственным человеком во всей нашей расе, который пытался научить наш народ любить белых людей, сочувствовать им и жалеть их». Позднее, тем же вечером Кармайкл беседовал с демонстрантами, убеждая их разойтись по домам. «Нью-Йорк тайме» сообщила, что он сказал им: «Идите домой и возьмите стволы». Однако темнокожие репортеры из «Вашингтон пост» были уверены, что Кармайкл ничего не говорил об оружии. В Ньюарке темнокожий Лерой Джонс, осужденный за хранение оружия после бунта в 1967 году, после смерти Кинга многое сделал для успокоения восставших. Доктор Сильвестер Одом, директор Объединенной общественной корпорации, сказал, что в негритянском гетто Ньюарка часть поджогов была делом рук белых расистов. Джонс видел, как они раскатывали по Центральному району с канистрами бензина... Он сказал по этому поводу: «Они пытались инициировать беспорядки. Они хотели добиться прямого столкновения между чернокожими и полицией, которое, они были уверены, негры выиграть не сумеют. Но мы стремимся к политической власти, чтобы контролировать Ньюарк, и мы верим, что добьемся своего благодаря объединению темнокожих граждан, а не путем вооруженных столкновений с полицией».

Примерно через неделю пламя мятежа стало затухать, но его причины остались. Смерть Мартина Лютера Кинга сама по себе не была причиной бунтов. Она лишь послужила искрой, от которой вспыхнула накопившаяся ярость, подобно тому, как в Уоттсе, в Детройте и в любом другом городе после гарлемского бунта в 1964 году ежегодно любой акт белого насилия вызывал взрыв негодования. Если желание жечь «давно уже зрело в их душах, задолго до гибели доктора Кинга» и если оно действительно свидетельствует о «криминальных наклонностях», то они ни в коем случае не были у них врожденными, а стали следствием постоянного угнетения и чувства безнадежности.

С первого дня двенадцатилетней карьеры Мартина Лютера Кинга его целью, как и целью его сподвижников, была борьба с теми иллюзиями, которые белая Америка питала по отношению к самой себе. Кингу было необходимо выпустить из них воздух. В конечном счете, проповедуя свою мечту о братстве в ситуации драматического и упорного противостояния, Мартин Кинг сделал больше любого другого американца для того, чтобы выставить

напоказ лживость хвастливых заявлений белой Америки о том, что она является землей свободы и равенства. Он так и остался непонятым, возможно, что и намеренно, как белыми либералами, так и темнокожими радикалами, которые хотели, и те и другие в своих собственных интересах, считать его гораздо более умеренным политиком, чем он был на самом деле. Первые одобряли, а вторые отвергали его приверженность ненасилию, подчиняясь одной и той же ошибочной логике. Они не обращали внимания на его настойчивые высказывания о власти черных и о достоинстве темнокожего человека. В результате можно сказать, что он оказался между белым либерализмом и воинствующим негритянским радикализмом.

Сам Кинг считал возможным привести белых либералов и черных радикалов к согласию. Он никогда не отвергал таких людей, как Стоукли Кармайкл, а просто пытался направить их воинственность в русло движения ненасилия. В чем он действительно потерпел неудачу — так это в попытке разбудить совесть белой Америки. Но Америка одарила его восхищенным взором, а затем отвернулась, самодовольная, очень гордая собой за то, что поприветствовала его полусонной улыбкой. Ее совесть нуждалась в куда более серьезном раздражителе, иначе ей было не ощутить отчаянно бедственное положение чернокожей Америки — нищенствующей, безработной. Белая Америка не хотела понять, что сама она отнюдь не невинна. Мартин Лютер Кинг хотел спасти душу Америки, и его гибель стала приговором, обвиняющим белую Америку в грехе расизма.

«Доктор Мартин Лютер Кинг был последним гением ненасилия, — сказал Флойд Маккиссик через несколько часов после его смерти. — Ненасилие в наши дни — мертвая философия. Но убили ее не чернокожие люди. Ненасилие пало от рук белокожего народа, от рук белых расистов». Для Маккиссика, Кармайкла и других радикалов движение ненасилия умерло задолго до кончины самого Кинга. Еще в 1963 году черные радикалы типа Лероя Джонса атаковали теорию ненасилия как продукт того, что Джонс назвал «белым миссионерством». Основной посылкой Джонса стало его убеждение в том, что белым удалось привить неграм более первозданную форму христианства, чем та, которую они исповедовали сами. Негритянские церкви и колледжи были основаны на условиях, продиктованных белыми христианами. Подбирались педагоги, чтобы формировать мышление и поведение темнокожих студентов соответственно требованиям общества, в котором господствуют белые люди. Никто и не думал готовить студентов к равенству. Предрасположенность темнокожих верующих людей к

непротивлению, говорил Джонс, была в них специально воспитана. Для Джонса, как и для Малколма Икса, негритянская церковь в ее традиционной и типичной форме — это результат особой миссионерской деятельности белых. Такая церковь — не приобщение аборигенов к братству верующих, а средство осуществлять над ними социальный контроль и разного рода манипуляции. Черным христианам, сказал как-то Джонс, сулят загробную компенсацию за то, что они смиряются со своей земной беспомощностью.

Следы того церковного воспитания, которое они впитали с молоком матерей, заметны в мышлении Джеймса Болдуина, Стоукли Кармайкла и других негритянских деятелей. Подобно Ницше, который был сыном и внуком священников-пиетистов, они не могли беззаботно отречься от своего христианского наследства и превратиться в равнодушных атеистов. Даже встав на сторону Антихриста, Ницше представлял Христа как архетип свободы духа. Подобная двойственность свойственна и Болдуину, и Кармайклу, и Элдриджу Кливеру, и многим другим деятелям, выступавшим в защиту силы черных и отвергавших ненасильственные методы борьбы. Можно сказать, что они столь же религиозны, как и Мартин Лютер Кинг, только их религиозность проявилась в отрицании религии. Они не просто отбросили идею ненасилия, как выбрасывают ненужную вещь, а, напротив, боролись с ней. И этим они отдавали должное идее ненасилия и самому Кингу в значительно большей степени, чем все некрологи и соболезнования, произнесенные и напечатанные белой Америкой. Избыточный надрыв, обычно усматриваемые в их призывах к черным взять власть, не обязательно свидетельствуют об их агрессивности. Но он, несомненно, свидетельствует об их солидарности с жертвами черных гетто. Однако эти призывы потенциально опасны.

Мартин Лютер Кинг в течение всей своей сознательной жизни оставался частью негритянской церкви. Он разделял свойственную ей набожность и страсть к старомодным псалмам и гимнам. Он также воспринял традиции американского протестантизма. Он говорил на языке Билли Грэма и любил старомодную риторику либерального протестантизма с характерным для нее цитированием устаревших авторов вроде Джеймса Рассела Лоуэлла и Томаса Карлейля. Если теологию Мартина Кинга рассматривать с точки зрения ее цельности и завершенности, то исследователь будет удивлен обилию в ней простых клише и общих мест. Как богослов-теоретик он кажется мало оригинальным, даже скучным, лишенным живых связей с современными ему течениями теологической и социологической

мысли, с другими областями общественных наук. И все же, признав справедливость этих и ряда других критических замечаний, нельзя не согласиться с тем, что взгляды Кинга обладают неповторимой индивидуальной самобытностью.

Писатель Джеймс Болдуин, сын негритянского священника, сумел выразить некоторые из главных прозрений Кинга лучше самого Кинга. Судьба Америки, писал он в 1963 году, зависит от нашего признания того факта, что мы не являемся исключительно белой нацией. Мечта Кинга, которую он лелеял почти всю свою жизнь, которой он много раз делился со своими слушателями и о которой узнал весь мир во время его выступления у мемориала Линкольна, включала в себя веру в то, что американский народ можно спасти от расизма. И Кинг, и Болдуин относились к расизму как к порождению зла, а не как к результату деятельности плохих людей. Они рассматривали его как проявление человеческой глупости и призывали Америку к трансформации. «Целью такой трансформации, — писал Болдуин, — станет безусловное освобождение негров; того, кого так долго гнали и отвергали, теперь следовало бы заключить в свои объятия, не обращая внимания на возникающий риск».

Благодаря мудрости Кинга и его приверженности ненасилию именно негры первыми приняли на себя этот риск. Он взял учение «белых миссионеров» о необходимости стойкости и терпения и добавил к нему концепцию Ганди о спасительной силе страдания. При этом он отделил самих людей от их собственных дурных поступков. Человек в равной мере способен творить как добро, так и зло, но Кинг верил, что «есть что-то в человеческой природе, созвучное добру и добродетели». Поэтому «необходимо уничтожить несправедливую систему, а не отдельных людей, пойманных в силки этой системы». Наглядно демонстрируя добрую волю даже в тех случаях, когда оппоненты явным образом были не правы, Кинг создавал такую ситуацию, при которой его претензии представали в наиболее выгодном свете, а неправедные дела оппонентов казались совершенно непростительными. Но Кинг всегда оставлял своим оппонентам возможность измениться. Давление, оказываемое на них, выводило все внутренние, скрытые конфликты на поверхность, сохраняя инициативу и моральный контроль над ситуацией в руках сторонников ненасилия; при этом создавалась основа для примирения конфликтующих сторон.

Ганди понимал «незаслуженное страдание» как путь к спасению посредством накопления личных заслуг. В версии Кинга «незаслуженное страдание» неразрывно связано с христианской идеей братской любви. Что Кинг не удосужился объяснить даже в

нескольких словах, так это свою собственную, неповторимую интерпретацию братской любви с точки зрения немотивированной ответственности. Чувствуя себя чернокожим мессией, призванным спасти белую Америку, он возложил на себя бремя незаслуженной ответственности. «Разве я сторож брату своему?» — вопрошал Господа Каин. Собственный ответ Кинга был однозначен: «Да». Он был склонен чрезмерно винить самого себя в тех случаях, когда несчастья происходили с людьми, за которых он чувствовал себя ответственным. Вполне возможно, что так в нем воплотилась часть «белого миссионерского» учения, призванного отвести обвиняющий перст от виновных белых людей и заставить негра во всех грехах винить самого себя. Но Кинг прорвался к самой сердцевине евангельского учения, и это позволило ему, темнокожему человеку, отождествлять себя с самим Иисусом, который, зная, что он не виновен в грехах своих современников, взял тем не менее на себя ответственность за грехи мира. Благодаря этому страдания Иисуса обрели спасительную силу. И именно поэтому образ Иисуса и его «этика любви» всегда оставались центральными в мышлении Кинга.

В основе обвинительно акта, вынесенного Лероем Джонсом ненасилию, лежит неверное понимание его фундаментальных основ. Но и само это ложное толкование вполне закономерно и многозначительно. Оно не могло бы возникнуть, не будь сопротивление белых столь упорным. Для Джонса ненасилие Кинга было всего лишь способом «утешить» отчаявшихся, стремлением играть в игру, придуманную белыми. Решающим является вопрос: действительно ли ненасилие, проповедовавшееся Мартином Кингом, теоретически и практически ничем не отличается от тех призывов к смирению, которыми негритянская церковь всегда кормила свою паству. Джонс полагает, что белым либералам вместо того, чтобы поддерживать негритянское движение ненасильственных протестов, следовало бы направить весь свой миссионерский пыл на самое белое сообщество, которое порождает насилие и жестокость. Это верный аргумент, и, пока белые либералы не последуют данному совету, мотивы той поддержки, которая оказывается ими движению ненасилия, у темнокожих американцев всегда будут вызывать большие сомнения.

Наиболее широко распространенным типом белого расизма является расизм, который имел в виду Джеймс Болдуин, говоря об «этих невинных людях». Это — бездумное отношение к проблемам людей другой расы, обусловленное отсутствием сострадания. Его вообще сложно назвать «расизмом». Как указал Пол Гудмен: «Негры являются жертвами системы отношений

собственности и власти, тогда как нынешние белые северяне, как индивиды, не играют роли их сознательных и реальных угнетателей». Они просто пользуются преимуществами этой системы, но их привилегии сомнительны. Негры могут получить сиюминутное удовлетворение, излив свой гнев на этих беззаботных людей, дав им ощутить всю тяжесть их вины, но в конечном счете это может привести только к еще большему непониманию между ними. Самый разумный путь — научить этих людей, не преувеличивая их собственной вины, видеть американскую жизнь такой, какая она есть, заставить их понять, что мечта, владевшая Мартином Лютером Кингом, может и должна также принадлежать им самим, что это — единственное, о чем им стоит мечтать, за что можно и должно сражаться, не жалея сил и средств.

Когда общество по достоинству сумеет оценить масштаб личности Мартина Кинга, он будет признан не просто великим негром, вождем своего народа, но и величайшим из лидеров всей американской нации. И станет ясно, что именно потому, что сам он был темнокожим, он смог стать вожаком как черных, так и белых людей. Он был вожаком в полном смысле слова, его новая Америка была частью того общего будущего, к которому должно стремиться все человечество. И его ненасилие было не просто средством достижения этой цели. «В конечном счете, — говорил он, — мы должны видеть, что цель есть последняя стадия процесса, результат попытки создать идеал». Общество, в котором господствует бессердечный закон, нуждается не только в замене плохих законов на хорошие. Оно нуждается в том, чтобы ему показали, каким образом функционируют совесть и чувство сострадания. Мы мало что поймем в Движении, во главе которого стоял Кинг, если будем думать, что оно в основном стремилось добиваться помощи федеральных властей. В конце концов, требование Движения послать на избирательные участки на Юге членов федерального избиркома было лишь одним из эпизодов масштабной борьбы за углубление американской демократии.

Последняя кампания Кинга — участие в забастовке коммунальщиков Мемфиса — была продиктована желанием обеспечить официальное признание человеческого достоинства у людей из низших, беднейших слоев. Главным в их борьбе был даже не вопрос о заработной плате. Они боролись за свое право заключить контракт с властями города Мемфиса в качестве одной из равных договаривающихся сторон, чтобы более не зависеть от произвола городских чиновников. После гибели Мартина Кинга его вдова прошла вместо него во главе запланированной массовой демонстрации, в которой приняли участие лидеры

ведущих профсоюзов страны, и рабочие Мемфиса в конце концов добились требуемого. А некоторое время спустя Ралф Эйбернети возглавил поход бедных на Вашингтон. По первоначальному замыслу, Вашингтон, где участники похода должны были собраться все вместе и стать одним лагерем, назывался «городом Надежды». Эйбернети изменил это название, предпочтя ему «город Воскресения». Эта замена была глубоко символична, ибо убийство Мартина Лютера Кинга не было рядовым случаем, очередной задержкой на пути к прогрессу. Как писал лидер «Черных пантер» Элдридж Кливер, чернокожие люди воспринимали смерть Кинга «как окончательный отказ белой Америки от всяких надежд на примирение, от всяких надежд добиться перемен мирными, ненасильственными способами». Эта надежда, если ей было суждено вновь появиться, должна была родиться снова, восстать, как феникс из пепла, из гибели Кинга. Сам Кинг видел в походе бедных «последний шанс», и в первые недели после его смерти поход казался еще более необходимым.

Нечто подобное перерождению должно было произойти в сознании Америки. Это не значит, что белые американцы должны были перестать быть самими собой. Но они должны были проснуться и увидеть Америку широко открытыми глазами, такой, какой ее видят другие народы, которые ориентируются на общечеловеческие представления и ценности. Белые американцы должны были признать, что «черный цвет тоже прекрасен» и что, хотя они сами не черные, черные люди тоже «наши», неотъемлемая часть «нас самих». Они должны были понять, что белый расизм для них самих гораздо опаснее и разрушительнее, чем чернокожие мятежники. Они должны были признать, что удобная формулировка: «Я лично лишен расовых предрассудков» — просто отговорка, увиливание от этой ответственности, позволяющее им невольно соучаствовать в деле постоянного подавления всяких надежд. Они должны были понять, что Мартин Лютер Кинг умер не только за черный народ, но и за них тоже.

«Очень трудно, — говорил Мартин Лютер Кинг, — создать мир, в котором все мужчины и женщины могли бы жить в мире, где у каждого была бы подходящая работа и хороший дом и где все дети получали бы такое образование, какое их головы способны воспринять. Но если такой мир появится в наши дни, то он будет создан в Америке руками негров и белых людей доброй воли. Он будет создан людьми, обладающими мужеством, которые покончат со страданиями тем, что добровольно возьмут их на себя, не заставляя страдать других людей. Этот мир будет создан в процессе освобождения от расизма и насилия, столь характерных для западной цивилизации. Но прежде всего он

потребует от людей готовности жить в братстве, сотрудничестве и мире».

В своей исторической речи у мемориала Линкольна Мартин Лютер Кинг использовал понятие «долговая расписка». Он пытался не столько осудить белую Америку, сколько хотел видеть ее обновленной, более пригодной для жизни не только негров, но и всех американцев. Он знал, что облегчение участи чернокожей бедноты и искоренение негритянских гетто будет стоить стране очень дорого. Но вопрос не ставился так: у белых отнимем, черным прибавим. Победа одних не должна достигаться ценой поражения других. Все должны стать богаче. Негритянская революция — это американская народная революция, цель которой — равноправное распределение власти. Такие люди, как сенатор Джеймс Истленд из штата Миссисипи, безусловно, в результате проиграют, но белый народ штата Миссисипи — выиграет. Главные враги революции — те люди, которые поддерживали существующий режим.

Истинное содержание революции Мартина Лютера Кинга — это борьба за человеческое в человеке: «Возлюби ближнего, как самого себя». Не надо никакой унижающей жалости, никакого милосердия. Необходимо только подлинное человеческое понимание и сочувствие. Эрик Линкольн очень точно сформулировал это положение: «Если революция будет успешной, она породит более здоровое, более крепкое, более демократическое общество. Ее успех или неудача зависят от того, какую роль в ней сыграет ответственная часть американской общественности. Если революция окажется мертворожденной по причине того, что белые не оказали ей достаточной поддержки, или же ввиду того, что ей мешал шовинизм чернокожих националистов, или же оттого, что федеральные власти так и не разобрались с приоритетами и целесообразностью, в проигрыше окажется вся Америка. Нынешнее общество смело сможет переставить свои часы на сто лет назад».

Термин «революция» подразумевает и настоятельную необходимость общественных перемен, и их срочность, и то, что социальные процессы в этот период принимают несколько хаотическую форму. Однако в первую очередь он означает полноту и скорость трансформации общества. Как отметил Нэтэн Райт, революция ведет не только к улучшению положения городской бедноты, а «таким образом меняет баланс сил, что каждый человек обретает какой-то вес и свою меру ответственности за Америку, за ее судьбу». Эта революция, по сути, является подлинным продолжением, а не отрицанием революции, в процессе которой родились Соединенные Штаты.

Теолог Гарви Кокс сказал о Мартине Кинге: «Благодаря ему я горжусь, что я — баптист». В священстве Кинга было очень много традиционного и много — современного. Он довольно строго соблюдал обряды, но при этом он был открыт для широкого спектра экуменических идей. Без особого эпатажа он гордился тем, что он — баптист. Но, решив стать священником, он должен был определиться с тем, какого толка будет его баптизм. Главное, что Кинга привлекало в этой конфессии — ее богатые свободолюбивые традиции, которые он приспособил к своему собственному пониманию евангельского учения. Такого же типа баптистом был Уолтер Раушенбах. Мартин Лютер Кинг был одним из тех, кто нес ответственность за образование Прогрессивного баптистского конвента, этого очень важного инструмента реформ внутри негритянской церкви. Участие Кинга в его создании весьма показательно: он терпеть не мог никаких ветхих традиций. С самого начала своей пасторской деятельности он постарался освободить вверенную ему церковь от оков отживших обычаев и несуразностей. Он взял шефство над самой обычной конгрегацией, состоявшей из заурядных представителей негритянского среднего класса со всей их чопорностью, ограниченностью, замкнутостью и чванством. За короткое время ему удалось сделать из них нечто новое — боевую дружину преданных христиан, становой хребет и гвардию его армии, осуществившей тяжелый и опасный крестовый поход за человеческое достоинство. Это, пожалуй, и было самым замечательным из всех его невоспетых пока достижений. Он не подбирал себе специальной группы убежденных радикалов. Он просто взял среднюю церковную общину, взял такой, какой она была, и сумел выявить лучшее в ней.

Жизнь парадоксальна: Ганди, начав с проповеди общечеловеческой значимости ненасилия и с проповеди полезности всех религий, стечением времени становился все более «ортодоксальным» индуистом, соблюдавшим очень строгий монашеский режим и даже желавшим «покончить с половым влечением». Кинг, напротив, отправился в свое теологического паломничество, имея очень скудный багаж типичного темнокожего баптиста. Жизнь и путешествия расширили его кругозор, обогатили память и душу, одновременно укрепив в нем, как космополитическое ощущение принадлежности всему человечеству, так и его сугубо церковные, негритянские корни. Он был знаком и встречался со многими президентами, профсоюзными и общественными деятелями, со священниками самых разных конфессий. В людях он научился видеть общечеловеческое начало, принимая его как свое собственное.

Пережив много кризисов, познав любовь и страх, надежду и отчаяние, он достиг высокой степени самопознания. Его священство было глубоко укоренено в его христианском мироощущении. Он всегда чувствовал, что он — христианин, дитя Господа, не какого-то туманного абстрактного Вседержителя, а Бога, любящего Своих детей, воплощенного в человеческом образе Иисуса. Связи Кинга с экуменическим христианством позволили ему весьма либерально относиться к своему баптистскому наследию. Он не требовал строгости. Не следует недооценивать и то воздействие, которое оказала на него поездка в Индию, а также глубокую симпатию, которую со временем он стал испытывать по отношению к иудаизму. Все это было связано с ощущением общечеловеческой солидарности, которое, углубляя космополитизм Кинга, одновременно помогало ему отчетливее осознавать свои собственные корни. В последние годы своей жизни он не только не растерял своего христианства, но и, напротив, углубил, упрочил и расширил его. Он мог с полным на то правом заявить: «Для того чтобы перекинуть мостик через пропасть враждебности, страха и недоверия, разделивших наши народы, белый человек должен пойти по стопам своих черных братьев, чтобы на себе испытать хотя бы часть их боли и их мук». Он мог это сказать потому, что сам лично все это испытал и был способен на сопереживание.

Смерть Мартина Лютера Кинга обозначила конец одной эпохи и начало другого, нового времени. И это новое время с интересом приглядывается к мечте Кинга, тянется за ней, приглашая Америку — да и не только Америку, а весь мир — смело пойти навстречу своей судьбе.

Ненасилие не было для Кинга панацеей от всех болезней. Это — лишь средство, вполне совместимое с цель — созданием общества, где каждый человек может сохранять чувство собственного достоинства. В последнюю неделю своей жизни Мартин Лютер Кинг очень много думал о будущем. Он не был солнечным оптимистом. Его оптимизм, скорее, можно назвать мученическим, поскольку он был прочно укоренен в почву реальности. Кинг знал, что легких побед не будет. Он не имел никаких гарантий, что добьется конечной победы. Теперь нам предстоит продолжить его дело, борясь за его идеи и за его мечту, дабы дать им воскреснуть и заблистать с новой силой.